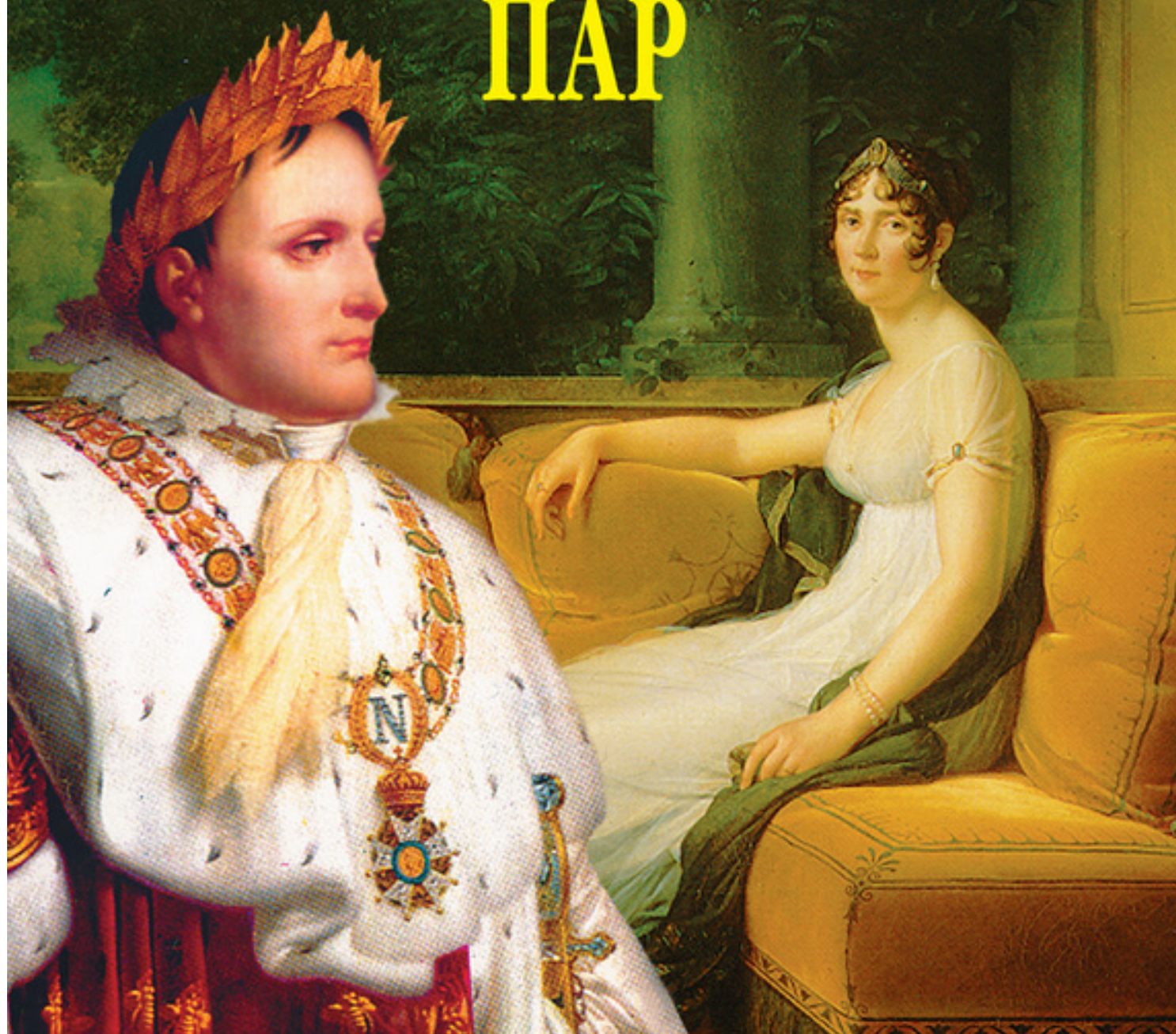

100

ВЕЛИКИХ СУПРУЖЕСКИХ ПАР

100 великих (Вече)

Игорь Мусский

100 великих супружеских пар

«ВЕЧЕ»

2005

Мусский И. А.

100 великих супружеских пар / И. А. Мусский — «ВЕЧЕ»,
2005 — (100 великих (Вече))

ISBN 5-9533-0515-X

«Все счастливые семьи похожи друг на друга, каждая несчастливая семья несчастлива по-своему», — отметил Л. Н. Толстой в «Анне Карениной». В данной книге представлены очерки о ста великих супружеских парах разных времен и народов. Это двести великих жизней! Кого-то любовь и супружеская жизнь вдохновили на создание шедевров литературы, музыки и кино, совершение научных открытий, заставляли принимать решения, влиявшие на развитие государств. Некоторым супружество в итоге приносило разочарование и несчастья. Но все они оставили след в истории человечества и своими жизнями в который раз доказали, что любовь переворачивает мир и творит чудеса, а крепкие семьи остаются одной из основ для любого общества. Перед читателями пройдут жизни Ивана III и Софьи Палеолог, Сулеймана I и Роксоланы, Наполеона Бонапарта и Жозефины Богарне, Роберта Шумана и Клары Вик, Александра Пушкина и Натальи Гончаровой, Пьера Кюри и Марии Склодовской, Николая Рериха и Елены Шапошниковой, Лоренса Оливье и Вивьен Ли, Джона Кеннеди и Жаклин Бувье... Разные страны и эпохи, несхожие судьбы, различные оценки современников и потомков...

ISBN 5-9533-0515-X

© Мусский И. А., 2005

© ВЕЧЕ, 2005

Содержание

Эхнатон и Нефертити	7
Перикл и Аспасия	10
Октавиан Август и Ливия Друзилла	14
Юстиниан I и Феодора	17
Князь Игорь и Княгиня Ольга	20
Пьер Абеляр и Элоиза Фульбер	24
Иван III и Софья Палеолог	27
Сулейман I и Роксолана	31
Лжедмитрий и Марина Мнишек	35
Джахангир и Нур Джахан	39
Рембрандт ван Рейн и Саския ван Эйленбург	44
Петр Первый и Марта Скавронская	48
Людовик XVI и Мария-Антуанетта	52
Наполеон Бонапарт и Жозефина Богарне	56
Карл Вебер и Каролина Брандт	61
Джоаккино Россини и Изабелла Кольбран	64
Сергей Волконский и Мария Раевская	69
Александр Пушкин и Наталья Гончарова	73
Гектор Берлиоз и Гарриэт Смитсон	79
Джузеппе Гарибальди и Анита Ребейра	82
Альберт и Виктория	86
Роберт Шуман и Клара Вик	91
Карл Маркс и Женни фон Вестфален	96
Отто Бисмарк и Иоганна Путкаммер	100
Джузеппе Верди и Джузеппина Стреппони	106
Лев Толстой и Софья Берс	110
Эдвард Григ и Нина Хагеруп	115
Конец ознакомительного фрагмента.	117

Игорь Мусский

100 великих супружеских пар

© И. А. Мусский, 2005

© ООО «Издательский дом «Вече», 2005

Эхнатон и Нефертити

На одной из четырнадцати стен, установленных на восточном берегу Нила, где располагалась древнеегипетская столица Ахетатон, высечена надпись: «Рано утром, когда первые лучи солнца озарили землю, на сверкающей золотом колеснице к берегу Нила приехал фараон. Он был подобен самому богу солнца Атону, который наполняет своим светом всю землю. И повелел царь созвать всех придворных, военачальников и вельмож и поклялся перед ними: “Как живет мой отец Атон, прекрасный, живой! Я сотворю здесь столицу Ахетатон для отца моего Атона на этом месте, которое он сам сотворил, окружив его горами!”»

Да, странные события происходили в Древнем Египте во время правления фараона Аменхотепа IV. Вознесенный на вершину славы одними, почитавшийся умалишенным другими, этот неординарный правитель был сыном царственной четы – фараона-солнце Аменхотепа III и «великой царской супруги» Тейе, известной своей властью и мудростью. Детство и юность он провел в пышном фиванском дворце в Мальгатте.

Аменхотеп IV вззошел на престол в 1364 году до Р. Х. в возрасте пятнадцати лет. К этому времени он уже был женат на Нефертити. По-древнеегипетски имя Нефертити озна-

чает: «красавица грядет». Ее родителями были египетские вельможи Эйе и Ти, происшедшие из среды провинциального жречества из города Коптоса. Царица Тейе состояла с ними в родстве, что ей отнюдь не льстило. Поэтому Ти в официальных надписях именовалась «кормилицей Нефертити, великой супруги царя», в то время как Мутноджемет, младшая сестра Нефертити, имевшая статус придворной дамы, открыто именовала Ти матерью. Некоторые историки полагают, что Нефертити – дочь Аменхотепа III. Но нет решительно никаких доказательств, подкрепляющих эту гипотезу. Она никогда не носила титула «дочь царя».

Сердце Эхнатона пленили удивительная красота и грация Нефертити. Она была его «любимой», «радующей сердце царя». Даже в официальном титуле проскальзывало свидетельство любви фараона – «жена царева великая, возлюбленная его, владычица обеих земель». Нефертити стала символом красоты египетской женщины. Два ее удивительных портрета – один хранится в Берлине, другой в Каире – излучают очарование.

На пятом году правления молодой фараон меняет имя. Отказавшись от имени Аменхотеп, в состав которого входит имя бога Амона, он называет себя Эхнатом, то есть «угодный Атону», или «действенный дух Атона». Отныне власть царя хранит лучезарный бог Атон, культ которого был распространен еще во времена Аменхотепа III.

Покинув Фивы, Эхнатон основал новую столицу Ахетатон (городище Телль-Амарна). За строительством и украшением города он следил сам.

Эхнатон выступал в качестве верховного жреца Атона, слагал многочисленные гимны в честь этого божества и проповедовал свое учение среди народа. Когда Эхнатон и Нефертити на великолепной колеснице проезжали по улицам города, толпа приветствовала их возгласами: «Жизнь, здоровье, сила».

Супругов соединяла глубокая любовь. Царица, как и ее повелитель, поглощена «атонизмом». Она становится верховной жрицей особого святилища, где почитают культ заходящего солнца. Она – «умиротворяющая Атона голосом сладостным, своими руками прекрасными...».

Все поступки царицы свидетельствуют о том, что она хорошо разбиралась в людях, обладала умом, тактом, выдержкой и огромной волей. Неудивительно, что она становится главным советником мужа. Дипломатические подсказки и решения супруги приводили Эхнатона в восхищение, он не уставал прославлять ее мудрость. Иногда преклонение перед царицей переходило все границы. Так, вознося клятвы Атону при основании новой столицы, Эхнатон клялся Верховному Божеству не только своим Богом-отцом, но и своей любовью к жене и детям.

Еще более поразительно другое нововведение египетского царя. Теперь, объезжая свои владения, фараон брал с собой супругу. Кроме того, царица присутствовала при награждении сановников. По приказу Эхнатона в новой столице рядом с его скульптурами появились изваяния Нефертити. Такие же огромные и величественные. Фараон искусственно в противовес традициям насаждал культ царицы, подобно тому, как взамен одного бога он распространил культ другого.

Безусловно, не обходилось без сплетен и интриг. Недовольные вельможи пытались опорочить действия царицы, возбуждали негодование в народе против Нефертити. Однако коварные замыслы не имели успеха, напротив – каждый день приносил новые доказательства небывалой любви царя к жене-красавице.

Нефертити родила царю шесть дочерей. Любопытный факт: в именах пятой и шестой дочерей имя Атона заменяется именем Ра. Это сделано, несомненно, по религиозным мотивам. Супругам нравилось демонстрировать свою нежную любовь к детям. На одном из рельефов царица, сидящая на коленях царя, держит на руках дочь-малютку. Статуэтка запечатлела Эхнатона, целующего дочь. Сохранились уникальные изображения царских обедов

и ужинов. Эхнатон и Нефертити сидят рядом. Около пирующих стоят украшенные цветами лотосов столики с яствами, сосуды с вином. Пирующих развлекает женский хор и музыканты, снуют туда-сюда слуги. Три старшие дочери – Меритатон, Макетатон и Анхесенатон присутствуют на торжестве.

Словом, до некоторых пор жизнь царственной четы протекала безоблачно. Многие историки считают, что причиной разлада в семье стало отсутствие сына, который мог бы унаследовать престол. Дочери не обеспечивали надежность продолжения династической смены власти.

Вскоре у Нефертити появилась соперница – самая красивая из наложниц фараона – Кийа. Фараон объявил, что признает ее побочной женой.

Нефертити тяжело переживала разрыв с законным супругом, хотя и знала, что он неизбежен, и готовила себя к этому. Царица по-прежнему была приветлива с мужем, радовалась его появлению, его встречам с дочерьми. Она принимала ласки фараона и была готова удовлетворить его любое желание.

Эхнатон все чаще посматривал на Анхесенатон, третью свою дочь от Нефертити. Девочка, подобно утренней розе, была удивительно хороша собой. Старшая дочь, Меритатон, была замужем за Сменхкаром, которого прочили в наследники. Выдали замуж и вторую дочь, сватались к третьей, но фараон не спешил с новой свадьбой, отвергая всех претендентов.

Наконец он объявил, что избрал себе в жены Анхесенатон и просит Нефертити подготовить ее к столь серьезному шагу, обучить искусству любви. Девочке восемь лет, она давно созрела для брачного ложа. Сам бог Атон указал ему новую избранницу.

Эхнатон повелел возвратить Кийа обратно в гарем. Отвергнутая любовница была обречена на вечное забвение, несмотря на то что родила фараону двух сыновей-принцев, которые считались незаконными и могли занять престол, только став мужьями старших дочерей фараона и Нефертити. Эхнатон приказал переделать изображения Кийа и ее имя на лики и имена дочерей от Нефертити.

После пятнадцатого года правления Эхнатона имя Нефертити больше не упоминается. Что же с ней случилось? Некоторые предполагают, что царица попала в опалу и по приказу Эхнатона удалилась в загородный дворец в обществе будущего Тутанхамона, которого она готовила к правлению.

Британский египтолог Николас Ривс считает иначе: исчезновение Нефертити в конце правления Эхнатона можно считать ее продвижением в качестве соправительницы и наследницы фараона под другим именем. Возможно, она и есть тот таинственный фараон Сменхкара, пришедший на смену Эхнатону и бывший предшественником Тутанхамона.

Пожалуй, ближе всего к истине Сирил Олдред: Нефертити скончалась между тринадцатым и четырнадцатым годом правления Эхнатона. В таком случае фараон остался один, лишившись возлюбленной супруги, своей «несравненной царицы». Когда Нефертити умерла, фараон был сломлен.

Конец царствования Эхнатона окутан тайной. Последняя известная дата – семнадцатый год его правления. О смерти фараона ничего не известно. Вероятно, он не был погребен в семейной усыпальнице, где была похоронена его вторая дочь.

На смену Эхнатона пришел Сменхкара (по одной из версий – сын Кийа). Он процарствовал всего лишь год. После его загадочной смерти престол унаследовал двенадцатилетний Тутанхатон, который под влиянием фиванской знати возродил культы традиционных богов и покинул столицу своего отца, изменив имя на «Тутанхамон» – «Живое подобие Амона». Анхесенатон стала супругой юного фараона, превратившись в Анхесенамон – «Живет она для Амона». Страна понемногу забывала бога Атона, поклоняясь Амону-Ра. Столицей вновь стали Фивы. Имена Эхнатона и Нефертити были преданы забвению...

Перикл и Аспасия

Аспасия из Милета – одна из удивительнейших женщин Древней Греции. «Аспасия» в переводе с греческого означает «любимая». В 432 год до Р. Х., когда она была привлечена к суду по обвинению в безнравственности и непочитании богов, только благодаря защите одного из выдающихся вождей Афин – Перикла, ей удалось избежать судебной расправы.

Жила Аспасия во время, которое называют «золотым веком» и еще «веком Перикла». Греция представляла конгломерат городов-государств (полисов), которые то дружили друг с другом, то враждовали, и крупнейший государственный муж Эллады – Перикл много сделал для процветания своей родины – Афин.

Когда Аспасия переехала в Афины, а ей не было и 25 лет, она накопила достаточно для безбедной жизни. Милетянка становится содержательницей публичного дома.

К этому времени Перикл – уже знаменитый стратег и весьма популярный политик. Он происходил из аристократического рода по материнской линии – Алкмеонидов. Перикл имел непропорционально длинную голову (чтобы скрыть это, он разрешал изображать себя лишь в шлеме, сдвинутом на затылок). Женился он скорее по обязанности, чем по любви. Двое сыновей подрастали в его внешне вполне благополучной семье.

Перикл любил собирать вокруг себя ученых, литераторов, художников. Выдающийся скульптор Фидий, философ Анаксагор, драматург Софокл, «отец истории» Геродот – близкие друзья Перикла, ощущавшие его внимание и заботу.

Аспасия прекрасно разбиралась в психологии мужчин. Вся афинская знать побывала в ее доме. Появились завсегдатаи, поклонники, обожатели, меценаты. Одним из первых преданных ее дому мужей стал Сократ, который уговорил посетить дом Аспасии Перикла.

Перикл, которому было уже за сорок, увидел женщину своей мечты, женщину, которая счастливым образом соединяла в себе цветущую молодость и красоту с утонченным умом философа. Сама Аспасия не ожидала, что покорит первого человека Афин.

Перикл стал навещать ее каждый день. Он настолько увлекся милетянкой, что в 449 году развелся с женой и в качестве опекуна, по существующей в Греции традиции, вновь выдает ее замуж. Сам же приглашает к себе Аспасию.

Вместе с ней в дом Перикла вошла новая жизнь. Впрочем, домом они занимались мало. У Перикла был верный раб Евангел, который вел хозяйство. Перикл, человек отнюдь не бедный, терпеть не мог роскоши. Аспасии нравился такой порядок, освобождавший ее от хозяйственных хлопот. Для нее положение жены «достойнейшего из эллинов» было пределом мечтаний.

Омрачало их жизнь лишь одно препятствие: между Афинами и Милетом не была заключена эпигамия – договор, дававший право гражданам двух городов-государств заключать между собой браки. А поскольку Перикл являлся гражданином Афин, а Аспасия гражданкой Милета, то они не могли узаконить свой брачный союз.

Через пять лет Аспасия родила Периклу сына. Друзья радовались их семейному счастью, и теперь у Перикла часто бывало весело. Аспасия первой в Афинах нарушила традицию, запрещавшую женам участвовать в дружеских пирушках. Она являлась душой и центром увеселений, пользуясь уважением гостей. Более того, она позволяла себе принимать посетителей и в отсутствие мужа, развлекала их беседой, угощала вином. Авторитет Аспасии был столь высок, что некоторые друзья Перикла стали приходить к нему с женами. Ее утонченность, остроумие, глубина познания того или иного предмета приводили в восторг собеседников.

Перикл советовался с Аспасией по всем вопросам, даже государственным. Он рассказывал ей о том, что произошло на Совете. Вместе они находили решения самых запутанных проблем афинской жизни. Постепенно Аспасия сгруппировала в доме избранный круг друзей, которые помогали Периклу искать выходы из сложнейших ситуаций. Платон убежден, что знаменитая речь Перикла, произнесенная им над воинами, павшими в первый год Пелопонесской войны, создавалась не без помощи Аспасии.

В 442 году между Милетом, родным городом Аспасии, и Самосом возник территориальный спор. Войско милетцев было разбито, и тогда они подали жалобу в Афины. Самос тотчас объявил о своей независимости. По совету Аспасии Перикл настоял на военном походе против Самоса. Недоброжелатели тут же заговорили, что Аспасия ввергла Афины в войну, дабы помочь родному Милету. На самом же деле она, как и Перикл, поняла всю опасность выхода целого полиса из-под власти Афин.

Но враги Перикла и Аспасии не дремали. Народное собрание приняло решение о том, что люди, не верящие в богов или распространяющие учения о небесных явлениях, должны привлекаться к суду, как государственные преступники. Это был прямой удар по философу Анаксагору. Не надеясь на благоприятный исход судебного процесса против своего престарелого учителя, Перикл помог ему бежать из Афин в Лампсак. Второй жертвой стал Фидий. Аспасия, будучи единомышленницей обвиняемых, тоже была в известной мере скомпрометирована. Она так же, как и Анаксагор, верила, что солнце – огромный раскаленный камень, который больше Пелопоннеса, и что ветры образуются из разреженного солнцем воздуха.

Кроме того, Аспасию обвиняли в сводничестве, в том, что она устраивала Периклу свидания со свободными афинянками в его доме.

Перикл был готов сделать все, чтобы спасти жену, и предложил ей бежать из города. Но Аспасию могли приговорить к смерти заочно, в таком случае она никогда не сможет вернуться в Афины и увидеться с любимым. И она отказалась от побега.

По афинскому закону женщина не имела права выступать в суде. На суд отправился Перикл. Он произнес одну из самых лучших речей в своей жизни. Шестидесятилетний стратег, человек редкой выдержки, всегда невозмутимый и бесстрастный, на этот раз плакал. «Он бы не пролил столько слез, – говорит Эсхил, – если бы речь шла о его собственной жизни». Это настолько потрясло всех, что судьи полностью оправдали Аспасию. Это было в 432 году.

Но враги не успокоились и начали открыто обвинять Перикла в хищениях и финансовых злоупотреблениях во время управления афинским государством. В это время началась Пелопонесская война, длившаяся с некоторыми перерывами почти тридцать лет. Не последнюю роль в ее развязывании сыграла политика Афин, и недруги Перикла злобно утверждали, что война им затеяна специально, дабы погасили все обвинения против него и Аспасии.

На самом же деле основной причиной Пелопонесской войны был конфликт между Афинами и Коринфом – давними торговыми конкурентами. Но очень уж врагам Перикла хотелось убрать могущественного и влиятельного стратега.

Перикл потерял свою власть над народом, перед которым выступал теперь с речами Клеон, человек ограниченный, заносчивый и резкий.

На второй год войны вспыхнула страшная эпидемия. Лекари не знали ни источника болезни, ни способов ее лечения. Болезнь не обошла и дом Перикла. Погибли два его сына от первого брака. В живых остался только самый младший, сын Аспасии, носивший имя отца. Но, будучи сыном уроженки Милета, он не имел в Афинах прав гражданства и не считался законным наследником. Тогда Перикл, к тому времени снова завоевавший доверие народа, выступил на собрании с неожиданным предложением: отменить закон, по которому гражданином Афин может быть только тот, у кого и мать и отец родились в этом городе. Предложение не прошло, но из уважения к заслугам Перикла ему позволили внести имя сына Аспасии в списки афинских граждан.

Но недолго радовался этому Перикл – болезнь скосила и его. В 429 году до Р. Х. он умер. В 404 году война закончилась поражением Афин. Их «золотой век», а вместе с ними и Греции катился к закату.

Аспасия овдовела. Прошло, однако, время, и она сошлась с неким торговцем скота Лисиклом, человеком богатым и незаурядным. Аспасия быстро развила в новом муже риторские и логические способности. Лисикл стал замечен, а вскоре и популярен в Афинах. Он был избран афинянами стратегом. Однако в конце того же 428 года пал в бою.

Аспасия стала затворницей. Дом ее опустел, блистательный круг друзей распался навсегда. Многих из них уже не было в живых. Навещал ее только Сократ вместе со своим молодым учеником Ксенофонтом.

В 406 году Перикл-младший в числе других стратегов командовал флотом, разгромившим спартанцев при Аргинусских островах. После победы буря помешала афинянам подобрать раненых и погибших. За это стратегов отдали под суд. Двое из них бежали, шестеро остальных, в том числе и Перикл-младший, предстали перед судом. В тот день, когда решалась судьба юноши, председательствовал Сократ. Видя явную предвзятость суда, он всячески оттягивал его решение, которое было принято лишь на другой день, при другом председателе. Молодой Перикл выпил в тюрьме цикуту.

Так Аспасия пережила своего сына. Это горе подкосило ее окончательно. Наконец она тихо отошла, прожив долгую бурную жизнь, оставив о себе память и славу, как о красивейшей и умнейшей женщине Древней Греции, жрице любви, подарившей немало лет счастья

одному из величайших людей Эллады – Периклу. Эти два имени навсегда останутся в истории связанными между собой.

Октавиан Август и Ливия Друзилла

Император Октавиан Август своими военными успехами, умеренностью и мудростью заставил всех с уважением относиться к его верховной власти. Значительной долей своей славы Божественный Август обязан императрице Ливии, с которой он не только советовался обо всех важных государственных делах, но и, как правило, следовал ее советам. Как полагают, то великодушие, которое он проявил, помиловав заговорщика Цинну, больше способствовало его величию и счастью, чем самые важные из всех одержанных им побед. Общеизвестно, что он принял такое решение после продолжительной беседы с Ливией.

Из всех римских императриц только о Ливии можно сказать, что она с великой честью исполнила свое высокое предназначение, ничем не запятнав императорского достоинства.

Ливия Друзилла была дочерью Ливия Друза Калидана, который попал в проскрипции – списки лиц, объявленных вне закона, – после судебных расследований о деятельности три-

умвирата, присоединился к партии Брута и Кассия, но после битвы при Филиппах покончил жизнь самоубийством, чтобы не попасть в руки Марка Антония и Августа. Семья Ливии считалась одной из самых знатных в Риме, ибо ее род был древнее самого Рима.

Ливия находилась в расцвете своей красоты, когда на нее обратил внимание Август. Он оказывал ей свою любезность и нежную привязанность.

Ливия скоро стала оказывать ему особые знаки внимания. Она была очень тщеславной женщиной, а полное безразличие к славе супруга Тиберия Нерона никак не могло удовлетворить ее беспокойную натуру.

Цезарь Август, напротив, обладал такими свойствами, перед которыми было трудно устоять любому человеку. Он родился в Риме. Будущий император рано потерял отца, и решающую роль в его жизни сыграло родство с Юлием Цезарем, которому он приходился внучатым племянником. Приехав после гибели Цезаря в Рим, он официально принял усыновление и согласно римским обычаям стал именоваться Гай Юлий Цезарь Октавиан.

К моменту знакомства с Ливией Октавиан Август находился в расцвете сил; у него были белокурые, курчавые от природы волосы, классический римский нос, а глаза так ярко сияли, что, как выразился однажды один его воин, приходилось отводить взгляд от него в сторону, чтобы не ослепнуть. Красоту его разума можно было сравнить с красотой тела. Август имел мягкий, дружелюбный характер, он любил оживленную беседу; был сдержан в речах и постоянен в дружбе.

Ливия всегда ласково внимала Августу, и ее милые чары еще сильнее высвечивали странный и мрачный характер его жены Скрибонии, которая становилась для него все более невыносимой из-за ее надуманных страстей и ревности, а также дурного нрава. Он отстранил Скрибонию от себя в тот день, когда она произвела на свет дочку Юлию, и, прибегнув к власти, заставил Тиберия Нерона уступить ему свою жену.

В 38 году до Р. Х. 19-летняя Ливия стала третьей женой Октавиана. Он заставил Тиберия Нерона не только согласиться с этим, но еще и принудил его лично передать свою бывшую супругу ему, словно он ей родной отец. Свадьбу сыграли с большой помпой, и на ней среди первых приглашенных был, конечно, Тиберий.

После свадебного пира Август увез Ливию к себе во дворец.

Через три месяца она подарила ему сына, которого назвали Клавдием Друзом Нероном. Август сразу же отослал младенца Тиберию Нерону. Но все эти предосторожности не рассеяли подозрений публики, ибо все считали, что новорожденный Друз – сын Августа. К тому же широкое хождение получила обидная для него шутка: «Как же везет счастливым, процветающим людям! Они могут производить на свет детей всего за три месяца!»

Когда Цезарь Август сделался неограниченным властителем Римского государства, в его честь были построены великолепные храмы. Во славу императора устраивались пышные празднества и спортивные состязания.

Не была забыта и его супруга Ливия. В ее честь был построен город, названный Ливиадой. Сенаторы присуждали ей самые звонкие титулы, и среди всех прочих высший – Августа и «Мать отечества».

Август не отставал от других, стремясь доказать всем окружающим, что он глубоко уважает и любит Ливию. Он стремился выполнить любое желание Ливии, только чтобы доставить ей удовольствие. Власть императрицы была никак не менее абсолютной, чем его собственная.

Ливия была энергична, хитра и очень активно вмешивалась в государственные дела, хотя умела сохранять при этом внешность добродетельной матроны, всецело поглощенной заботами о своей семье. Ливия с выгодой для себя пользовалась слабостями императора и в конце концов приобрела над ним неограниченную власть.

Властолюбие было главной чертой характера Ливии, так же, как и Октавиана. Равны они были друг другу и в лицемерии, и в хитрости. Такое сходство характеров обеспечило непоколебимую прочность их союза.

Ливия мечтала, чтобы и ее потомки достигли столь же высокого общественного положения. Она добилась самых важных и самых влиятельных постов в империи для своих сыновей от первого брака – Тиберия и Друза. Император поставил их во главе легионов, а потом и всей армии, хотя их деятельность на государственной службе нельзя назвать выдающейся.

Историк Тацит назвал Ливию «матерью, опасной для государства, и злой мачехой для семьи Цезарей».

Молва подозревала, что не без участия Ливии скончались в юном возрасте усыновленные Октавианом племянник Марцелл и внуки Гай Цезарь и Луций Цезарь.

Ливия добилась того, что Август усыновил ее старшего сына Тиберия, который остался единственным наследником верховной власти.

Август скончался в Ноле, в той же спальне, где когда-то умер его отец Октавиан. Спросив у прощавшихся с ним у смертного одра друзей, как, по их мнению, он сыграл эту комедию жизни, с последними словами он обратился к жене: «Ливия, помни о прожитых вместе годах! Живи дальше и прощай!» После этого император испустил дух у нее на руках.

В Риме Ливия устроила Августу роскошные похороны.

Императрица даже пожелала стать жрицей Августа. По завещанию он оставил Ливии треть всех своих богатств, а также принял ее в лоно семьи Юлиев, в результате чего она взяла себе новое имя – Юлия. Таким образом Ливия одновременно была вдовой, дочерью и жрицей Августа.

Ливия, сделав Тиберия принцепсом, могла торжествовать победу. Однако ее властолюбивая натура столкнулась с неподатливым характером родного сына.

«Тиберию стала в тягость его мать Ливия: казалось, что она притязает на равную с ним власть, – пишет Тацит. – Он начал избегать частых свиданий с нею и долгих бесед наедине, чтобы не подумали, будто он руководствуется ее советами».

Ливия жила в Риме, сохраняя свое могущество, и Тиберию приходилось с нею считаться. В 27 году он навсегда уехал из Рима и стал жить на острове Капри.

В провинциях Ливия при жизни почиталась как богиня. Ливия умерла в 29 году, благополучно дожив до 86-ти лет. Тацит пишет: «Тиберий, ни в чем не нарушив приятности своего уединения и не прибыв в Рим отдать последний долг матери, в письме к сенату сослался на свою занятость делами и урезал как бы из скромности щедро определенные сенаторами в память Ливии почести, сохранив лишь немногие и добавив, чтобы ее не обожествляли, ибо так хотела она сама».

Вслед за тем наступила пора безграничного и беспощадного самовластия, ибо при жизни Ливии в ее лице все же существовала какая-то защита для преследуемых, так как Тиберий издавна привык оказывать послушание матери».

Ливия была официально обожествлена своим внуком императором Клавдием I.

Юстиниан I и Феодора

Флавий Петр Савватий Юстиниан родился около 482 года в глухой деревушке Таурисий (Верхняя Македония) в семье бедного иллирийского крестьянина. Его бездетный дядя Юстин, став императором, тотчас вызвал племянника в столицу и дал ему блестящее образование. Юстиниан, благодаря своему уму и энергии, приобрел огромное влияние на дядю и стал активно вмешиваться в государственные дела. В апреле 527 года, чувствуя приближение смерти, Юстин усыновил Юстиниана и сделал его своим соправителем. Вскоре император умер, и 45-летний Юстиниан стал неограниченным правителем византийского государства.

На дипломатию Юстиниана оказывала большое влияние его супруга Феодора. Она писала царю Персии Хосрову: «Император ничего не предпринимает, не посоветовавшись со мной». Иноземные посольства направлялись не только к Юстиниану, но и к Феодоре, а иногда раньше к ней, чем к императору.

С Феодорой Юстиниан познакомился в начале 520-х годов. Ему было уже под сорок, бывшей цирковой актрисе – чуть больше двадцати. Из весьма пристрастной «Тайной истории» Прокопия известно, что Феодора была низкого происхождения, ее отец Акакий работал смотрителем зверинца. Прокопий отмечает, что Феодора «была красива лицом и в общем изящна, но невысокого роста; кожа ее была не совсем белой, а скорее матового оттенка; ее взгляд был ясный, проникновенный и быстрый».

Юстиниан осыпал Феодору подарками и драгоценностями. Он добился от Юстина самой великой почести для возлюбленной: вчерашняя актриса была возведена в достоинство патрикии. После этого Юстиниан просил разрешения у императора жениться на дочери смотрителя зверинца, ибо только с ней он испытал минуты настоящего счастья. Юстин к увлечению наследника Феодорой отнесся одобрительно, справедливо считая, что мудрая

и искусенная жена принесет племяннику больше пользы, нежели коронованная особа из чужеземных земель. Однако против этого брака неожиданно выступила императрица Евфимия. Она была хорошо осведомлена о прошлом Феодоры. Как ни просили ее муж и Юстиниан, Евфимия оставалась непреклонна.

Только после ее смерти Юстин разрешил племяннику жениться на Феодоре. Произошло это событие в 524 году. Правда, для этого пришлось издать закон, разрешавший лицам сенаторского сословия заключать брак с актрисами.

У Юстиниана и Феодоры, вероятно, сразу наметилась необходимая линия «сосуществования», сферы, в которых каждый из них был самостоятелен в своих решениях, симпатиях и антипатиях. В каких-то случаях можно говорить и о независимой политике Феодоры. Но в то же время императрица знала, какие дела Юстиниан будет решать только сам – упорство и последовательность характера супруга были ей хорошо известны. Между ними редко возникали конфликты, а если и возникали, то не очень значительные.

Супругов спланивала и общая неприязнь к ним старой аристократии. В 532 году произошло восстание Ника, направленное против правительства Юстиниана. Во главе его оказались находившиеся в городе сенаторы. Доведенный до отчаяния император решил бежать из столицы. По его приказу были приготовлены корабли, на которые погрузили царскую казну и богатства императорского дворца. И здесь необычайную энергию и решимость проявила Феодора. Появившись на заседании императорского совета, она обвинила своего царственного супруга и его приближенных в позорной трусости. В конце своего гневного выступления она заявила, что предпочитает смерть потере власти, ибо «царская порфира – прекрасный саван». Феодора требовала, чтобы Юстиниан отказался от бегства и немедленно отдал приказ уничтожить мятежников.

Восстание было жестоко подавлено. Коронованный народом Ипатий и его брат Помпей были казнены, а 18 сенаторов, сопричастные к восстанию, отправлены в ссылку (правда, вскоре были оттуда возвращены).

Одержав триумфальную победу, Феодора почувствовала силу. Она обратила свое внимание на жизнь двора, его этикет, привычки и ритуальные обряды, решив изменить их по своему усмотрению. Юстиниан теперь прислушивался ко всему, что предлагала императрица, и охотно исполнял ее желания. Многие историки обращают внимание на тот факт, что в законодательстве Юстиниана есть много нового, необъяснимого с точки зрения римского права. Новые идеи относятся прежде всего к области семейных отношений и прав женщины в семье и вне ее. Покровительство павшим женщинам, заботы об имущественных и личных правах замужней женщины с большой вероятностью объясняются личным влиянием императрицы на законодательство.

Феодора вела и свою церковную политику: когда в Сирии начались ужасающие преследования монофиситов, сторонников христианского учения, она открыла для них в столице странноприимницу и призывала Юстиниана посещать ее. В «Житиях святых» монофиситской Церкви не раз упоминается, что гонимые монахи находили в Феодоре свою заступницу против немилости византийского царя. Если бы она не скончалась так рано, то империя не испытала бы многих несчастий, и, может быть, было бы менее поводов чернить Юстиниана.

Императрица жила в свое удовольствие, пока болезнь не приковала ее к постели. Она умирала в страшных муках, крики ее по ночам наводили страх на обитателей дворца, а муж беспрестанно молился и просил отпустить ему грехи, точно опасаясь, что всевидящий Бог покарает такой же болезнью и его.

29 июня 548 года, прожив всего сорок восемь лет, Феодора умерла от рака. Историки пишут, что ее супруг был безутешен. Впрочем, ему давно уже перевалило за шестьдесят, и он сам готовился к путешествию в мир иной. Однако Юстиниан прожил еще долго. К концу своей жизни он увлекся теологией и почти не занимался делами государства, предпочитая

проводить время во дворце в спорах с иерархами церкви или даже простыми монахами. Давая народу торжественные клятвы, он по-прежнему клялся именем Феодоры. Так продолжалось до дня его смерти – в ночь с 14 на 15 ноября 565 года. Император умер в возрасте 83 лет.

Князь Игорь и Княгиня Ольга

Имя великой княгини Ольги упоминается всякий раз, когда речь заходит о выдающихся женщинах Древней Руси. Ее мужем был князь Игорь. Сменивший Олега на киевском княжеском престоле Игорь подобно его предшественнику изображен в древнерусских летописях во многом как легендарная личность. Вещий Олег приходился родственником и опекуном молодому князю.

Легенда XVI века передает сказание о том, как однажды киевский князь Игорь охотился в лесах у Пскова. Здесь он встретил на своем пути реку и увидел стоявший у берега челн. Перевозчиком оказалась девушка Ольга. Игорь попросил перевезти его, он был поражен ее умом. Когда же он, «некие глаголы претворяше к ней», получил отпор на свои «стыдные словеса», девушка отказала Игорю столь искусно, возвав к его княжеской чести, что Игорь не только не обиделся, но, согласно легенде, тут же посватался к ней.

Биография Ольги в большей ее части загадочна. Даже само появление ее на исторической сцене различные летописи датируют по-разному. В «Повести временных лет» под 903 годом читаем: «Игорь вырос и собирал дань после Олега, и слушались его, и привели ему жену из Пскова именем Ольгу». А в Новгородской первой летописи младшего извода в недатированной части, но непосредственно перед статьей 920 года, сказано, что Игорь «привел себе жену из Плескова, по имени Ольгу, была она мудрой и смышленной, от нее родился сын Святослав».

Русская православная церковь причислила Ольгу к лику святых, богословы создали ее Краткое и Пространное житие. Житие считает Ольгу уроженкой псковского села Выбута, дочью незнатных родителей. Напротив, известная в пересказе В. Н. Татищева поздняя Иоакимовская летопись выводит Ольгу от новгородского князя, или посадника – легендар-

ного Гостомысла. Вряд ли можно сомневаться в том, что она была из знатной семьи, а не крестьянской девушкой.

Девушка пленила Игоря красотой, благонравием и скромностью. Любовь к юной Ольге ослепила Игоря, который, не раздумывая, пожелал взять ее в жены, предпочтя другим, более родовитым невестам.

О времени, месте рождения и происхождении самого Игоря нам ничего с достоверностью не известно. Рождение в Новгороде на Волхове около 879 года вызывает сомнение, поскольку в момент похода Игоря на Константинополь, в 941 году, ему должно было быть от 20 до 25 лет.

Поход Игоря на Константинополь в 941 году отмечен «Повестью временных лет» и упоминается в византийских историографических сочинениях. Но вызывает сомнение сорокалетнее (!) бесплодие Ольги. Весьма сомнительно, что Игорь женился на Ольге в 903 году и в течение 39 лет не имел детей, как и тому, что он взял ее в преклонные годы не первым для себя браком. Скорее всего, к моменту рождения Святослава оба они, Ольга и Игорь, были молоды и полны сил.

Кончина Олега побудила древлянские племена к восстанию. Нестор следующим образом описывает вступление Игоря на киевский княжеский престол: «После смерти Олега стал княжить Игорь... И затворились от Игоря древляне по смерти Олега». В следующем году, по свидетельству Нестора, «пошел Игорь на древлян и, победив их, возложил на них дань больше прежней».

Жаждавшие захватить власть в Киеве древляне замыслили убить Игоря и ждали удобного случая, чтобы расправиться с ним.

Но прежде чем столкнуться в смертельной схватке с вождями племенного союза древлян, князь Игорь предпринял под 941 год поход на Константинополь.

Ольга обладала даром предвидения – она чувствовала опасность, грозившую мужу, и изо всех сил старалась уберечь его от беды. Пророческий сон приснился ей, когда князь Игорь собирался в поход на Константинополь. Ольге привиделись сожженные ладьи, мертвые воины, черные вороны, кружившие над полем брани... Поражение дружины Игоря представлялось неизбежным.

Встревоженная Ольга пыталась остановить мужа, рассказав о дурных знаках, которые видела во сне, но он не сомневался в скорой победе.

Пророчество княгини сбылось, и войско было разбито. Впоследствии князь Игорь всегда прислушивался к словам Ольги, не раз предсказывавшей ему победу или поражение в ратных делах, следовал ее мудрым советам.

Супруги жили счастливо. Вернувшись из похода на Константинополь, князь Игорь стал отцом: родился сын Святослав.

В 944 году князь организовал новый поход на Византию. На этот раз дело кончилось подписанием мирного договора.

Летопись Нестора под 945 годом повествует: «И пришла осень, и стал он [Игорь] замышлять поход на древлян, желая взять с них еще больше дани. В тот год сказала дружина Игорю: “Отроки Свенель да изоделись оружием и одеждой, а мы наги. Пойдем, князь, с нами за данью, да и ты добудешь, и мы”. И послушал их Игорь – пошел к древлянам за данью, и прибавил к прежней дани новую, и творили насилие над ними мужи его. Взяв дань, пошел он в свой город. Когда же шел он назад, [то] поразмыслив, сказал своей дружине: “Идите с данью домой, а я возвращусь и пособираю еще”. И отпустил дружину свою домой, а сам с малою частью дружины вернулся, желая большего богатства. Древляне же, услышав, что [Игорь] идет снова, держали совет с князем своим Малом: “Если повадится волк к овцам, то выносит все стадо, пока не убьют его. Так и этот: если не убьем его, то всех нас погубит”. И послали к нему, говоря: “Зачем идешь опять? Забрал уже всю дань”. И не послушал их

Игорь. И древляне, выйдя из города Искоростеня против Игоря, убили Игоря и дружину его, так как было ее мало. И погребен был Игорь, и есть могила его у Искоростеня, в Деревской земле, и до сего времени».

Настоящее погребение зверски убитого Игоря, по прадедовским обычаям языческой веры, не состоялось. Между тем в соответствии с народными поверьями покойник, которого не похоронили согласно обычаю, блуждал среди людей и тревожил их.

Следуя языческим традициям, княгиня Ольга надеялась, что безжалостная месть за смерть мужа исцелит ее душу от страданий. Она поклонялась умершему супругу, который, по древним славянским верованиям, и в загробной жизни продолжал следить за своим родом и оказывать ему покровительство.

В годы замужества Ольга обрела ту самую «мудрость», которая позволила ей выдвигаться после смерти князя Игоря в правительницы Русского государства.

Минуло полгода после смерти Игоря, как вдруг весной следующего, 945 года верхушка древлянского союза племен решила восстановить дружеские отношения с Киевом и направила послов к Ольге с предложением выйти замуж за древлянского князя Мала.

Ольга ответила послам, что они могут привести сватов в ладьях к ее терему (передвижение посуху в ладьях имело у восточных славян двойной смысл: и оказание почести, и обряд похорон). Наутро доверчивые древляне последовали ее совету, а Ольга приказала их сбросить в яму и живыми закопать. Памятуя о мучительной смерти казненного древлянами мужа, княгиня коварно поинтересовалась у обреченных: «Добра ли вам честь?» Послы ей будто бы ответили: «Пуще Игоревы смерти» (греческий историк Лев Дьякон сообщал, что «Игорь привязан был к двум деревьям и разорван на две части»).

Второе посольство «мужей нарочитых» было сожжено, а вдова отправилась на землю древлян якобы для того, чтобы «створить тризну мужу своему». Когда войска встретились, юный Святослав, сын Ольги и Игоря, начал битву, метнув копьё в неприятеля. Пущенное детской рукой, оно не долетело до вражеских рядов. Однако опытные полководцы ободрили своих воинов примером юного князя. Здесь ее «отроки» напали на «упившихся» после тризны древлян и перебили их множество – «иссекоша их 5000», как утверждает летопись.

Овладев Искоростенем, Ольга «сожгла его, городских же старейшин забрала в плен, а других людей убила, заставила платить дань... И пошла Ольга с сыном своим и с дружиною по Древлянской земле, устанавливая распорядок даней и налогов. И существуют места ее стоянок и охот до сих пор».

Но княгиня на этом не успокоилась. Через год, продолжает свой рассказ Нестор, «отправилась Ольга к Новгороду и установила по Мсте погосты и дани и по Луге – оброки и дани. Ловища ее сохранились по всей земле и свидетельства о ней, и места ее, и погосты...»

Сказание о мести Ольги отчасти, вероятно, легенда. Обман, жестокость, коварство и другие действия княгини, мстящей за убийство мужа, прославляются летописцем как высший, справедливый суд.

Месть за гибель мужа не избавила Ольгу от душевных мук, а скорее добавила новые терзания. Покой и исцеление обрела она в христианстве, смирившись со своей участью и отказавшись от желания уничтожить всех врагов.

Отказалась Ольга и от брачного союза с византийским императором Константином Багрянородным, храня верность памяти мужа.

В 964 году Ольга уступила престол совершеннолетнему сыну. Но «възрастший и възмужавший» Святослав длительное время находился в походах, и во главе государства по-прежнему оставалась его мать. Так, во время печенежского нашествия на Киев в 968 году Ольга возглавила оборону города. Предание нарекло княгиню хитрой, церковь – святой, а история – мудрой.

Судя по летописи, Святослав испытывал к матери почтительное уважение до самой ее смерти. Когда она стала совсем больной, по ее просьбе он вернулся из похода и был с матерью до ее последнего часа.

Накануне своей кончины – все летописи датируют ее 969 годом – «Ольга завещала не совершать по ней тризны (составной части языческого обряда похорон), так как имела при себе священника втайне».

Многое из того, что задумала, но не смогла осуществить Ольга, было продолжено ее внуком, Владимиром Святославичем.

По-видимому, язычник Святослав запретил публичное отправление христианского культа (молебны, водосвятия, крестные ходы), выдвинул на первое место «норовы поганьские», то есть языческие.

Пьер Абеляр и Элоиза Фульбер

Пьер Абеляр хорошо известен философам. Родился он в 1079 году в местечке Ле-Палле в Бретани в аристократической семье и всю свою жизнь провел, переходя из одних школ и монастырей в другие, поэтому и был прозван «Палатинским перипатетиком». Он встретил свою роковую любовь в зрелом возрасте, в сорок лет, когда возглавлял монастырскую школу при соборе Парижской богородицы.

Элоиза родилась в 1101 году. В монастыре она изучала латынь и произведения античных классиков. Потомкам ничего не известно о ее родителях, воспитывал девочку дядя парижский каноник Фульбер.

Абеляр обратился к Фульберу с просьбой позволить ему за умеренную плату жить в его доме, добавив при этом, что хотел бы заняться воспитанием племянницы каноника. Абеляр признавался: «В то время я был так знаменит и привлекателен, что не боялся сказать женщине, которую я находил достойной своей любви. Кроме того, я полагал, что юная девица сдастся тем более охотно, поскольку она была образованна и любила учение».

Страсть захватила обоих. «Под предлогом учения, – вспоминал Абеляр, – мы всецело предавались любви... Руки чаще тянулись к телу, чем к книгам, а глаза чаще отражали любовь, чем следили за написанным... [...] Даже когда мы пребывали в разлуке, мы могли общаться через письма, сообщать друг другу то, что трудно отважиться произнести вслух, и, таким образом, наши восхитительные отношения не прерывались ни на минуту».

Однако любовникам не удается сохранить свои отношения в тайне. Фульбер приходит в ярость. Он тут же выпроваживает Абеляра из своего дома. Вскоре Элоиза поняла, что беременна, и бежит с любовником. Они укрылись в доме его сестры, в Бретани. Здесь Элоиза родила сына Астролябия. Чтобы утихомирить Фульбера, Абеляр готов жениться на Элоизе. Для него это самый опасный путь: брак закрывал перед духовным лицом карьеру. Абеляр договаривается с Фульбером, что брак будет тайным.

Элоиза возражала против этого брака – не только потому, что он помешал бы академической карьере Абеляра, но и потому, что она, поверив Теофрасту, Сенеке, Цицерону и св. Иерониму, была искренне убеждена, что занятия философией несовместимы с браком.

«Она решительно отказывалась от этого брака, заявляя, что он явится для меня во всех отношениях постыдным и тягостным. Она подчеркивала и мое бесславие после этого брака, и те трудности брачной жизни, которых апостол убеждает нас избегать... Если же, говорила она мне, я не послушаюсь ни совета апостола, ни указаний святых относительно тяжести брачного ига, то я должен, по крайней мере, обратиться за советом к философам и внимательно изучить то, что написано о браке ими самими...»

Несколько лет спустя Элоиза писала Абеляру: «Бог свидетель, что я никогда ничего не искала в тебе, кроме тебя самого; я желала иметь только тебя, а не то, что принадлежит тебе. Я не стремилась ни к брачному союзу, ни к получению подарков и старалась, как и ты сам знаешь, о доставлении наслаждений не себе, а тебе, и об исполнении не своих, а твоих желаний. И хотя наименование супруги представляется более священным и прочным, мне всегда было приятнее называться твоей подругой или, если ты не оскорбишься, – твоей сожительницей или любовницей».

Абеляр проявил настойчивость. Оставив ребенка в Бретани, они с Элоизой тайно приезжают в Париж и так же тайно венчаются. Но в глазах людей супруги остаются любовниками. Родственники Элоизы недовольны тем, что брак заключен тайно, полагая, что это в большей степени спасало карьеру Абеляра, чем репутацию Элоизы.

Абеляр, желая оградить жену от постоянных упреков и оскорблений со стороны членов ее семьи, отослал Элоизу в Аржантей, где в монастыре бенедиктинок она приняла монашеское одеяние (но еще не пострижение).

Фульбер не знал, что постриг племянницы был фиктивным. Защищая родовую честь и следуя решению семейного совета, он нанял людей, которые пробрались ночью в жилище Абеляра и осклопили его. Вот что пишет философ в своей книге: «Однажды ночью, когда я спал в своей опочивальне, один из моих слуг, подкупленный золотом, поспособствовал их мести, которая привела в изумление весь мир! Они отрезали ту часть моего тела, при помощи которой я нанес оскорбление, вызывавшее их гнев. Затем они скрылись...»

Опозоренный Абеляр укрылся в аббатстве Сен-Дени. Элоиза постриглась в монахини. Десять лет они прожили в молчаливой разлуке.

Абеляру пришлось бежать из Сен-Дени, он нашел убежище в небольшом монастыре в Шампани. Затем он поселился отшельником в лесах близ Труа, где устроил часовню, посвященную Параклету. В 1125 году Абеляр неожиданно получил приглашение стать настоятелем аббатства Сен-Жильда де Руи в Бретани.

Когда монастырь в Аржантее оказался под угрозой закрытия, Абеляр предложил Элоизе и другим монахиням поселиться в Параклете.

В эти годы Абеляр начал работать над автобиографией «История моих бедствий». Набросок этого жизнеописания попал к Элоизе. Она не выдержала – и тоже взялась за перо, чтобы обратиться к Абеляру с любовным посланием.

Письма, составившие знаменитую переписку Абеяра и Элоизы, относятся к периоду после 1130 года, когда Элоиза была настоятельницей женского монастыря в Параклете.

Теперь, по прошествии многих лет, Пьер Абеляр видел в своей подруге «скорее сестру во Христе», чем жену. Его письма, во многом напоминающие письма св. Иеронима к благочестивым женщинам, духовным наставником которых он был, – св. Юлии, Евстохии, Марцелле, Азелле и Павле, – свидетельствуют о стремлении Абеяра к святости.

Иначе ведет себя Элоиза. Она полна прежней страсти: «Даже во время торжественного богослужения, когда молитва должна быть особенно чистою, грешные видения этих наслаждений до такой степени овладевают моей несчастнейшей душой, что я более предаюсь этим гнусностям, чем молитве. И вместо того, чтобы сокрушаться о содеянном, я чаще вздыхаю о несовершившемся».

Абеляр был напуган исповедью Элоизы, осознав, что она с прежней страстью любит его. В назидательном ответе он объяснил своей «сестре», что варварское оскотление теперь представляется ему «актом божественного милосердия», поскольку позволило ему целиком посвятить себя Богу, освобождая от плотского вожделения, которое есть бремя, наваждение, грех. Абеляр все чаще и чаще задумывается о спасении души – своей и, конечно же, Элоизы.

В одном из своих последних писем Элоиза сообщала: «В моих покоях висит ваше изображение. Всякий раз, когда я прохожу мимо, я останавливаюсь и смотрю на него. [...] Я больше не стыжусь того, что моя любовь к вам беспредельна... Я ненавидела себя за свою любовь, я до сих пор уничтожаю себя вечным заточением, чтобы сделать вашу жизнь спокойной и легкой. О! Думайте обо мне, не забывают меня – мою любовь; мою преданность, мою верность; любите меня как свою возлюбленную, утешайте меня как свое дитя, как сестру, как жену. Поймите, я все еще люблю вас, хотя и стараюсь избавиться от этой любви».

В 1136 году Абеляр снова преподает в Париже. После того как на Санском соборе ряд его тезисов был осужден, Абеляр нашел приют в аббатстве Клон. В течение двух лет он обучал молодых монахов. Умер Абеляр в возрасте шестидесяти трех лет в обители Сен-Марселя близ Шалона 11 апреля 1142 года. Первоначально Абеляр был погребен в Сен-Марселе, однако позже его останки были перенесены в Параклет. Элоиза последовала за ним спустя двадцать лет. О ее смерти старая латинская хроника рассказывает так: «Когда умерла она и была принесена к гробнице, ее супруг, который скончался за много дней до нее, поднявши руки, принял ее и заключил в свои объятия». В настоящее время останки Абеяра и Элоизы покоятся под общим надгробием на кладбище Пер-Лашез в Париже.

Иван III и Софья Палеолог

Внезапная кончина первой жены Ивана III, княгини Марии Борисовны, 22 апреля 1467 года заставила великого князя Московского задуматься о новой женитьбе. Овдовевший великий князь остановил свой выбор на жившей в Риме и слывшей католичкой греческой принцессе Софье Палеолог. Одни историки полагают, что замысел «римско-византийского» брачного союза родился в Риме, другие отдают предпочтение Москве, третьи – Вильно или Кракову.

Софья (в Риме ее называли Зоей) Палеолог была дочерью морейского деспота Фомы Палеолога и приходилась племянницей императорам Константину XI и Иоанну VIII. Деспи́на Зоя провела детство в Морее и на острове Корфу. В Рим она приехала вместе с братьями Андреем и Мануилом после смерти отца в мае 1465 года. Палеологи поступили под покровительство кардинала Виссариона, который сохранил симпатии к грекам. Константинопольский патриарх и кардинал Виссарион пытался возобновить унию с Русью с помощью бракосочетания.

Прибывший в Москву из Италии 11 февраля 1469 года Юрий Грек привез Ивану III некий «лист». В этом послании, автором которого, по-видимому, был сам папа Павел II, а соавтором – кардинал Виссарион, великому князю сообщалось о пребывании в Риме преданной православию знатной невесты – Софьи Палеолог. Папа обещал Ивану свою поддержку в случае, если тот захочет посвататься к ней.

В Москве не любили торопиться в важных делах и над новыми вестями из Рима размышляли месяца четыре. Наконец, все размышления, сомнения и приготовления остались позади. 16 января 1472 года московские послы отправились в далекий путь.

В Риме москвичи были с честью приняты новым папой Сикстом IV. В подарок от Ивана III послы преподнесли понтифику шестьдесят отборных соболиных шкурок. Отныне дело быстро пошло к завершению. Через неделю Сикст IV в соборе святого Петра совершает торжественную церемонию заочного обручения Софьи с московским государем.

В конце июня 1472 года невеста в сопровождении московских послов, папского легата и многочисленной свиты отправилась в Москву. На прощанье папа дал ей продолжительную аудиенцию и свое благословение. Он распорядился повсюду устраивать Софье и ее свите пышные многолюдные встречи.

Софья Палеолог прибыла в Москву 12 ноября 1472 года, и тут же состоялось ее венчание с Иваном III. В чем причина спешки? Оказывается, на следующий день праздновалась память святого Иоанна Златоуста – небесного покровителя московского государя. Отныне и семейное счастье князя Ивана отдавалось под покровительство великого святителя.

Софья стала полноправной великой княгиней Московской.

Сам факт, что Софья согласилась поехать искать счастья из Рима в далекую Москву, говорит о том, что она была смелая, энергичная и склонная к авантюрам женщина. В Москве ее ожидали не только почести, оказываемые великой княгине, но также враждебность местного духовенства и наследника престола. На каждом шагу ей приходилось отстаивать свои права.

Иван, при всей своей любви к роскоши, был бережлив до скупости. Он экономил буквально на всем. Выросшая в совершенно другой обстановке, Софья Палеолог, напротив, стремилась блистать и проявлять щедрость. Этого требовало ее честолюбие византийской принцессы, племянницы последнего императора. К тому же щедрость позволяла приобрести друзей среди московской знати.

Но лучшим способом утвердить себя было, конечно, деторождение. Великий князь хотел иметь сыновей. Желала этого и сама Софья. Однако, на радость недоброжелателям, она родила подряд трех дочерей – Елену (1474), Феодосию (1475) и опять Елену (1476). Софья молила Бога и всех святых о даровании сына.

Наконец ее прошение было исполнено. В ночь с 25 на 26 марта 1479 года на свет появился мальчик, нареченный в честь деда Василием. (Для матери он всегда оставался Гавриилом – в честь архангела Гавриила.) Счастливые родители связали рождение сына с прошлым годом богомольем и усердной молитвой у гроба преподобного Сергия Радонежского в Троицком монастыре. Софья рассказывала, что при подходе к монастырю ей явился сам великий старец, держащий на руках мальчика.

Вслед за Василием у нее родились еще два сына (Юрий и Дмитрий), затем две дочери (Елена и Феодосия), потом еще три сына (Семен, Андрей и Борис) и последней, в 1492 году, – дочь Евдокия.

Но теперь неизбежно возникал вопрос о будущей участи Василия и его братьев. Наследником престола оставался сын Ивана III и Марии Борисовны Иван Молодой, у которого 10 октября 1483 года в браке с Еленой Волошанкой родился сын Дмитрий. В случае кончины Державного он не замедлил бы тем или иным способом избавиться от Софьи и ее семейства. Лучшее, на что они могли надеяться, – ссылка или изгнание. При мысли об этом гречанку охватывали ярость и бессильное отчаяние.

Зимой 1490 года в Москву приехал из Рима родной брат Софьи, Андрей Палеолог. Вместе с ним вернулись московские послы, ездившие в Италию. Они привезли в Кремль множество всякого рода умельцев. Один из них, приезжий лекарь Леон, вызвался исцелить князя Ивана Молодого от болезни ног. Но когда он ставил княжичу банки и давал свои микс-

туры (от которых тот едва ли мог умереть), некий злоумышленник добавил в эти микстуры отраву. 7 марта 1490 года 32-летний Иван Молодой скончался.

Вся эта история породила множество слухов в Москве и по всей Руси. Общеизвестны были неприязненные отношения между Иваном Молодым и Софьей Палеолог. Гречанка не пользовалась любовью москвичей. Вполне понятно, что молва приписала ей и убийство Ивана Молодого. В «Истории о великом князе Московском» князь Курбский прямо обвинял Ивана III в отравлении собственного сына Ивана Молодого. Да, такой поворот событий открывал путь к престолу детям Софьи. Сам Державный попал в крайне сложное положение. Вероятно, в этой интриге Иван III, приказавший сыну воспользоваться услугами тщеславного лекаря, оказался лишь слепым орудием в руках хитроумной гречанки.

После гибели Ивана Молодого обострился вопрос о наследнике престола. Было два кандидата: сын Ивана Молодого – Дмитрий и старший сын Ивана III и Софьи Палеолог – Василий. Притязания Дмитрия-внука подкреплялись тем, что его отец был официально провозглашенным великим князем – соправителем Ивана III и наследником престола.

Державный оказался перед мучительным выбором: отправить в темницу либо жену и сына, либо сноху и внука... Убийство соперника во все времена было обычной ценой верховной власти.

Осенью 1497 года Иван III склонился на сторону Дмитрия. Он распорядился подготовить для внука торжественное «венчание на царство». Узнав об этом, сторонники Софьи и княжича Василия составили заговор, который предусматривал убийство Дмитрия, а также бегство Василия на Белоозеро (откуда перед ним открывалась дорога в Новгород), захват хранившейся в Вологде и на Белоозере великокняжеской казны. Однако уже в декабре Иван арестовал всех заговорщиков, в том числе и Василия.

В ходе расследования выяснилась причастность к заговору Софьи Палеолог. Не исключено, что именно она была организатором предприятия. Софья добыла яд и ждала подходящего случая, чтобы отравить Дмитрия.

В воскресенье 4 февраля 1498 года 14-летний Дмитрий был торжественно объявлен наследником престола в Успенском соборе московского Кремля. Софья Палеолог и ее сын Василий на этой коронации отсутствовали. Казалось, их дело окончательно проиграно. Придворные бросились угождать Елене Стефановне и ее коронованному сыну. Однако вскоре толпа льстецов отступила в недоумении. Державный так и не дал Дмитрию реальной власти, предоставив ему в управление лишь некоторые северные уезды.

Иван III продолжал мучительно искать выхода из династического тупика. Теперь ему первоначальный замысел не казался удачным. Державному стало жалко своих юных сыновей Василия, Юрия, Дмитрия Жилку, Семена, Андрея... Да и с княгиней Софьей он прожил вместе четверть века... Иван III понимал, что рано или поздно сыновья Софьи поднимут мятеж. Предотвратить выступление можно было только двумя способами: либо уничтожить вторую семью, либо завещать престол Василию и уничтожить семью Ивана Молодого.

Державный на этот раз избрал второй путь. 21 марта 1499 года он «пожаловал... сына своего князя Василь Ивановичя, нарекл его государем великим князем, дал ему Великий Новгород и Псков в великое княжение». В итоге на Руси появились сразу три великих князя: отец, сын и внук!

В четверг 13 февраля 1500 года в Москве сыграли пышную свадьбу. Иван III выдал свою 14-летнюю дочь Феодосию замуж за князя Василия Даниловича Холмского – сына знаменитого полководца и предводителя тверского «землячества» в Москве. Этот брак способствовал сближению между детьми Софьи Палеолог и верхушкой московской знати. К сожалению, ровно через год Феодосия умерла.

Развязка семейной драмы наступила лишь через два года. «Тое же весны (1502 года) князь велики апреля 11 в понедельник положил опалу на внука своего великого князя Дмит-

рея и на его мать на великую княгиню Елену, и от того дни не велел их поминати в ектеньях и литиях, ни нарицати великим князем, и посади их за приставы». Через три дня Иван III «пожаловал сына своего Василия, благословил и посадил на великое княжение Володимирское и Московское и всеа Руси самодержцем, по благословению Симона, митрополита всеа Руси».

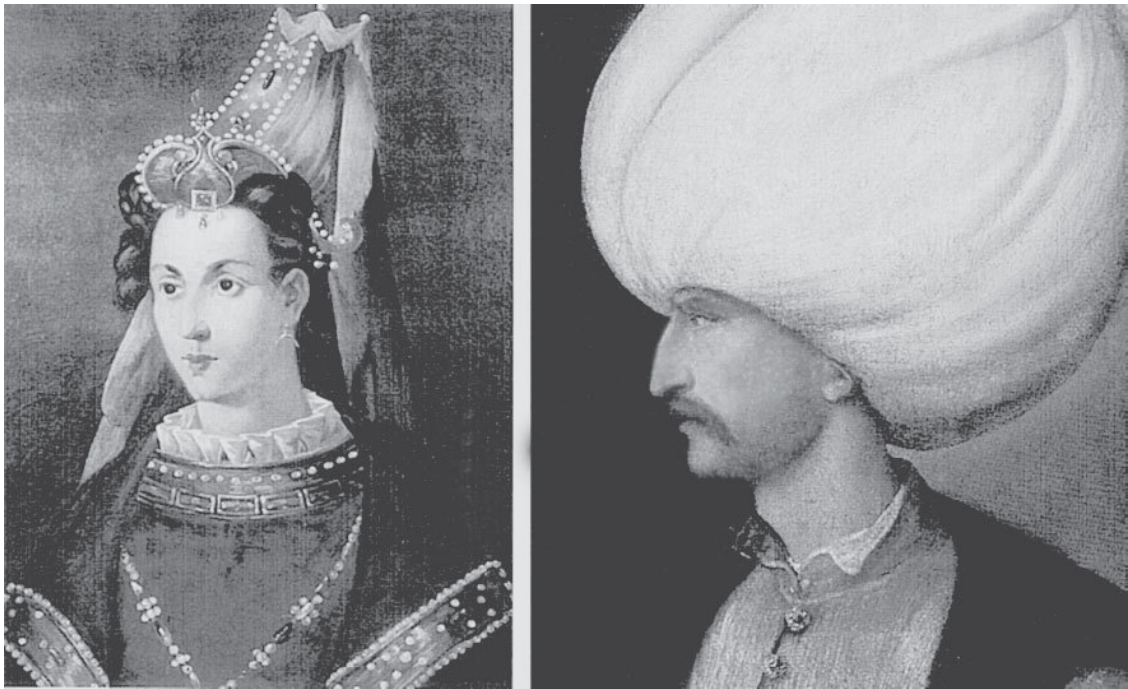
Ровно через год после этих событий, 7 апреля 1503 года, Софья Палеолог умерла. Тело великой княгини было погребено в соборе кремлевского Вознесенского монастыря. Ее похоронили рядом с могилой первой жены царя – тверской княгини Марии Борисовны.

Вскоре ухудшилось здоровье и самого Ивана III. В четверг 21 сентября 1503 года он вместе с наследником престола Василием и младшими сыновьями отправился на богомолье по северным монастырям. Однако святые угодники уже не склонны были помогать кающемуся государю. По возвращении с богомолья Ивана разбил паралич: «...отняло у него руку и ногу и глаз».

Иван III скончался 27 октября 1505 года. В «Истории» В. Н. Татищева есть такие строки: «Сий блаженный и достохвальный великий князь Иоан Великий, Тимофей преже нареченный, многии княжения к великому князю присовокупи и силу умножи, варварскую же нечестивую власть опроверже и всю Рускую землю данничества и пленения избави, и многи от Орды данники себе учини, многа ремесла введе, их же прежде не знахом, со многими дальними государи любовь и дружбу и братство сведе, всю Рускую землю прослави; во всем же том помогаше ему благочестивая супруга его великая княгиня София; и да будет им вечная память во безконечныя веки».

Сулейман I и Роксолана

Во время правления султана Сулеймана I – с 1520 по 1566 год – Османская империя достигла наивысшей точки расцвета. На протяжении двух последних десятилетий Сулейман находился под влиянием своей фаворитки, ставшей широко известной европейцам как Ла Росса, или Роксолана. Пленница из Галиции, дочь украинского священника, она получила от турок прозвище Хуррем, или «Смеющаяся», за свою счастливую улыбку и веселый нрав.

Однако российский историк XVIII Кондратий Биркин высказывал иное мнение о происхождении фаворитки: «Обманываясь созвучием имен – собственного и нарицательного, некоторые историки видят в Роксолане русскую, так как роксоланами называли в Западной Европе славян, живших по бережьям Дона; другие, преимущественно французы, основываясь на комедии Фавара “Три султанши”, утверждают, что Роксолана была француженка. То и другое совершенно несправедливо: Роксолана – природная турчанка – была куплена для гарема еще девочкой на невольничьем базаре для прислуги одаыкам, при которых и занимала должность простой рабыни».

И все же большинство историков считает, что Роксолана была славянских корней. Она пленила султана молодостью, красотой и пламенными ласками. Наложница в совершенстве овладела искусством читать мысли Сулеймана. Ей не составило труда избавиться от своей предшественницы Гюльбахар, «Весенней розы», которая была вынуждена отправиться в своеобразную ссылку на полгода в Магнесию.

В первые пять лет своего сожителства с Роксоланой Сулейман имел от нее сыновей Магомета, Баязида, Селима и Джехангира и дочь Михримак. Семейство еще более привязало султана к наложнице, и тогда-то Роксолана приступила к осуществлению хитрого замысла – посадить на оттоманский престол сына своего, Баязида, обожаемого ею до безумия, особенно после смерти старшего сына, скончавшегося в юных годах. Интригу свою Роксолана вела с тем умом и тактом, которые свойственны женщине, не сомневающейся в своей власти над мужчиной.

Выдав четырнадцатилетнюю дочь за великого визиря Рустем-пашу, Роксолана тем самым привлекла его на свою сторону и приобрела в нем верного сообщника.

Осенью 1542 года в отсутствие Сулеймана, находившегося в походе, Роксолана, поведала муфтию о том, что мечтает построить огромную мечеть с имаретом ради спасения души своей и в угоду Аллаху. Муфтий, одобряя ее благое намерение, заметил любимице султана, что возведение мечети не может послужить ей во спасение души, так как всякое доброе деяние рабыни вменяется в заслугу ее повелителю и только свободная женщина властна в своих поступках.

Роксолана знала о существовании этого закона, но сделала вид, что очень огорчена и в течение нескольких дней была грустна и задумчива. Вернувшийся из похода Сулейман не узнал в ней прежней веселой, страстной красавицы. Когда он попытался выяснить, что произошло, наложница отвечала: «Причина моей тоски – сознание рабства и лишения прав человеческих!»

За улыбку Роксоланы султан готов был обратить в рабство целое царство или, напротив, освободить из-под своего ига тысячи невольников. Он объявил Роксолане, что слагает с нее позорное звание рабыни и дарует ей желанную свободу. Фаворитка улыбнулась и, осыпав поцелуями руку господина, быстро удалилась в свои покои.

Настала ночь. Евнух, посланный султаном за Роксоланой, вернулся один. Когда же она все-таки предстала перед повелителем, возмущенный Сулейман спросил, чем вызвано ее неповиновение?

«А вызвано оно моей покорностью воле Аллаха! – отвечала Роксолана. – Раба исполняет приказания господина, но свободная женщина грешит, разделяя ложе не с законным мужем... Разве ты, высочайший образец для всех правоверных, посмеешь нарушить заповедь пророка?»

Сулейман призадумался и послал за муфтием. Служитель культа одобрил ее действия, сказав, что они вполне согласуются с законом Магомета.

Через два дня Роксолана была объявлена законной супругой своего государя с предоставлением ей всех прав и преимуществ султанши-валиде. За два минувших века подобного не удавалось добиться ни одной наложнице турецких султанов.

Султану в то время было за шестьдесят, Роксолане – около сорока. Ее могущество росло с каждым днем. Она вникала во все тонкости государственных дел, контролировала расходы, интересовалась торговлей сукном и золотом, казнила и миловала. Европейские монархи, отправляя посольства на Восток, посылали гонцов к Хуррем.

Прежде ни одной женщине не позволялось ночевать в Большом Серале. Роксолана же оставалась там до конца своей жизни, и со временем здесь был построен новый гарем.

Султан при всей своей привязанности к близким готов был жестоко расправиться с любимым, кто посягнет на его абсолютную власть. Зная о его подозрительности, Роксолана решила сыграть на этих струнах его натуры. Она была полна решимости обеспечить наследование трона Баязиду.

Но Сулейман видел своим преемником Мустафу, сына Гюльбахар. Он был красивым молодым человеком, «удивительно высокообразованным и рассудительным и в возрасте, когда можно править». Щедрый духом и мужественный в бою, Мустафа завоевал любовь янычар, которые видели в нем достойного преемника своего отца. Мустафа, занимавший должность правителя Сирии, жил в Диарбекире, обожаемый народом и войсками, неизменно покорный воле своего отца и государя.

В канун третьей персидской кампании Сулейман, вступивший в свое шестидесятилетие, впервые не захотел лично возглавить войско и передал верховное командование Рустем-паше.

Роксолана приближалась к зениту своей власти. По ее приказу Рустем уведомил пашей, чтобы те почаще извещали Сулеймана о добрых делах Мустафы. Эти хвалебные послания Роксолана показывала султану в те минуты, когда в нем особенно проявлялись опасения, а не вздумает ли его сын поднять знамени мятежа. «Как его все любят! – говорила Роксолана. – Его, право, можно назвать не наместником, но государем; паши повинуются ему, как велениям самого султана. Хорошо, что он не употребляет во зло своего влияния, но если бы на его месте был человек лукавый, честолюбивый, тот мог бы...»

Отправив сына своего Джехангира в Диарбекир, где тот сошелся и подружился с Мустафой, Роксолана продолжала восторженно восхвалять своему супругу добродетель его наследника Мустафы тем вкрадчивым голосом и в таких выражениях, которые даже в отцовском сердце возбуждают зависть и ревнивые опасения. Роксолана напомнила Сулейману о том, как Селим сместил собственного отца Баязида. Нет-нет, конечно, кроткий и благородный Мустафа на это не способен, но все-таки...

Вскоре через посланца Рустем-паши стали приходить сообщения, что янычары проявляют беспокойство и требуют, учитывая возраст султана, чтобы их возглавил Мустафа. Мол, Сулейман стал слишком стар, чтобы лично идти походом против врага, и что только великий визирь Рустем-паша противится тому, чтобы Мустафа занял место султана. По словам посланца, Мустафа благосклонно прислушивался к подобным подстрекательским слухам, а потому что Рустем-паша умоляет султана ради спасения своего трона немедленно возглавить войско. Это был шанс для Роксоланы. Она продолжала разжигать в сердце супруга ненависть и подозрительность к Мустафе.

Сулейман долго колебался, прежде чем решить судьбу сына. Он попытался получить беспристрастный совет от муфтия, шейх-уль-ислама. Правда, султан говорил ему о некоем рабе, который в отсутствие хозяина начал растаскивать его собственность, замышлять нехорошее против жизни его жены и детей: мало того, задумал убить самого господина. Закончив рассказ, Сулейман спросил: «Какой приговор должен быть вынесен этому рабу?» Муфтий ответил, что «он заслуживал быть замученным до смерти».

В сентябре Сулейман приехал в Эрегли и вызвал Мустафу из Сирии. Друзья умоляли его не подчиняться приказу, но Мустафа не чувствовал за собой вины и с надеждой на отцовскую любовь отправился к Сулейману. Он прибыл без всякой свиты и спокойно вошел в пышный шатер султана. Однако не успел Мустафа и слова сказать, слуги Сулеймана опрокинули его на землю и, набросив шнурок на шею, удушили.

Вслед за Мустафой был умерщвлен его малолетний сын. Вскоре умер и друг Мустафы, Джехангир, сын Роксоланы; от горя – говорят романисты, от яда – гласит история. Кровавые эти события совершились летом 1553 года. Теперь путь Баязиду к престолу был открыт.

Труп Мустафы был выставлен у шатра Сулеймана для прощания с ним войска. Чтобы не вызвать брожения в армии, султан лишил Рустем-пашу поста командующего и других званий и отослал обратно в Стамбул. Но уже через два года, после казни его преемника, Ахмед-паши, он вновь был во власти как великий визирь. Разумеется, по настоянию султанши.

Роксолана добила все, о чем мечтала. Она обеспечила наследование султаната одним из своих сыновей: Селимом, самым старшим и ее любимцем, и Баязидом, средним, несоизмеримо более достойным преемником. Более того, Баязид был фаворитом янычар, напоминая им своего отца Сулеймана.

Теперь ничто не удерживало ее на этой земле. В 1557 году Роксоланы не стало. Горько оплакивал ее смерть Сулейман. Он не разочаровался в жене ни при ее жизни, ни после ее смерти. Да и кто осмелился бы запятнать память Роксоланы в глазах ее супруга? Она была похоронена в усыпальнице, которую султан построил за огромной мечетью Сулеймании.

После смерти Роксоланы султан замкнулся в себе, стал молчаливым. Даже военные триумфы перестали волновать его.

Сулейман ушел в мир иной осенью 1566 года. Он скончался в своем шатре, возможно, от апоплексического удара, возможно, от сердечного приступа. На престол взошел Селим.

Лжедмитрий и Марина Мнишек

...Марине было около шестнадцати, когда в феврале 1604 года в прикарпатский городок Самбор к ее отцу, сандомирскому воеводе Ежи (Юрию) Мнишеку, прибыл человек, которому по прихоти истории суждено было на миг вознестись на российский престол. Кем же был этот искатель приключений, вошедший в российскую историю под именем Лжедмитрий?

Григорий, носивший в миру имя Юрия Отрепьева, родился в небольшом городке Галиче. Путь в жизни с детства пришлось пробивать самому. В 11 лет он поступил на службу к боярам Романовым, а затем принял постриг под именем Григория. Сменив несколько провинциальных монастырей, он очутился в кремлевском Чудовом монастыре. Здесь Отрепьеву удалось довольно быстро выдвинуться благодаря своей образованности и литературным талантам. Но он жаждал опасных приключений, воинских подвигов, страстной любви.

Григорий Отрепьев бежал в Гошу и поступил в протестантскую школу. Там он провел только одну зиму, а весной вновь отправился на поиски своей судьбы. Вскоре Григорий поступил на службу к князю Адаму Вишневецкому. Решение назваться давно умершим царевичем Дмитрием подсказала ему сама жизнь. К тому же Дмитрий был почти ровесник Григория, умер в девятилетнем возрасте в далеком Угличе, а если бы остался жив, то после смерти царя Федора на престол взшел бы он, а не боярин Борис Годунов.

Притворившись смертельно больным, Григорий признался сначала на исповеди попу, а потом и самому князю Адаму Вишневецкому, что на самом деле он не кто иной, как сын Ивана Грозного Дмитрий, чудесным образом спасенный в далеком детстве от рук наемных убийц Бориса Годунова.

Весть о появлении царевича Дмитрия быстро разнеслась по западным окраинам Русского государства. Современники отмечали большую физическую силу Григория, бесстрашие, самонадеянность, неумное честолюбие, ценимые казаками исключительно высоко. Скоро и в Польше мнимый царевич стал очень популярен.

На одном из пиров Лжедмитрий познакомился с сандомирским воеводой Юрием Мнишеком, любившим жить на широкую ногу, явно не по средствам. Впереди его ждало разочарование, и он был готов на любые авантюры, лишь бы поправить свое положение. Хитрый

воевода сразу сообразил, что с помощью московского царевича сможет поправить свои дела. Он познакомил его со своей дочерью Мариной и ввел в дом.

Дмитрий сразу же увлекся Мариной. Кроме того, у нее было много черт, буквально роднивших ее с самозванцем: непомерное честолюбие, мания величия и даже безрассудство. Двойственность образа жизни Марины: с одной стороны, знатность и роскошь, с другой – нужда в деньгах, долги, неопределенное будущее – несомненно, оказала влияние на формирование ее характера. Существует несколько романтических рассказов того времени о поединке, который имел будто бы Лжедмитрий с каким-то польским князем за прекрасную Марину.

Поселившись у Юрия Мнишека, Лжедмитрий сделал его дом самым популярным в Польско-Литовском государстве. Вскоре сам король Сигизмунд удостоил новоявленного Дмитрия вниманием и принял в своей резиденции в Кракове. Это еще больше подняло престиж Мнишеков среди польской знати.

Отзывы современников о Лжедмитрии весьма благосклонны. В Речи Посполитой он освоил местные обычаи, в частности охотно танцевал. Ростом «царевич» был невысок, но хорошо сложен. Хотя он не отличался красотой, ум и уверенность в себе придавали ему особое обаяние.

Марина и Лжедмитрий вскоре были объявлены женихом и невестой. Поддержка Мнишека нужна была самозванцу лишь до вступления на престол; после этого настаивать на свадьбе, торопить Марину и ее отца с приездом в Москву его могло заставить, пожалуй, лишь искреннее чувство.

Отправившись в поход на Москву за «отчим престолом», Лжедмитрий оставил Марину своей официальной невестой, с которой был заключен договор. Документ, подписанный в Самборе 25 мая 1604 года, гласил, что в случае удачи невеста получала Новгород и Псков, богатые подарки, а ее отец – значительные денежные средства. В числе условий брака отмечено, что царь будет стремиться всеми способами привести к подчинению римскому престолу свое Московское государство. Таким образом, будущая царица принимала в глазах католиков высокое, апостольское призвание.

Мнишек советовал Дмитрию держать свое намерение в тайне, пока не вступит на престол. Сандомирский воевода не доверял Сигизмунду и опасался, что король захочет отдать за возможного царя свою сестру. Сама Марина, как говорят, вела себя сдержанно и давала понять Лжедмитрию, что она тогда только осчастливит его своею любовью, когда он добудет себе престол и тем сделается ее достойным.

Ожидание оказалось недолгим. Начав поход на Русь в октябре 1604 года, уже 20 июня 1605 года под перезвон всех колоколов, встречаемый тысячами ликующих москвичей Лжедмитрий въехал в столицу.

В ноябре 1605 года в Краков прибыл посол нового царя дьяк Афанасий Власьев. Он заявил Сигизмунду о намерении своего государя сочетаться браком с Мариной в благодарность за те великие услуги и усердие, какие оказал ему сандомирский воевода. Во время обручения, по обычаю династических браков, Власьеву было поручено представлять своего государя на заочном венчании. Церемония состоялась 12 ноября. После обручения был обед, а потом бал.

«Марина, – говорит один из очевидцев, – была дивно хороша и прелестна в этот вечер в короне из драгоценных камней, расположенных в виде цветов». Московские посланцы и поляки любовались ее стройным станом, быстрыми изящными движениями и роскошными черными волосами, рассыпанными по белому серебристому платью, усыпанному камнями и жемчугом. Московский посол отказался с ней танцевать, заявив, что недостойн прикоснуться к жене своего государя, но внимательно следил за всеми церемониями. В частности, он выразил недовольство тем, что Мнишек велел дочери поклониться королю Сигиз-

мунду, благодаря его за «великие благодеяния», – такое поведение совсем не подобало русской царице.

Марина с огромным удовольствием играла роль царицы: восседала в церкви под балдахином в окружении свиты, посетила Краковский университет и оставила свой автограф в книге почетных посетителей.

Марина получала от Лжедмитрия богатые дары. Ожидалось, что вскоре она отправится в Москву, но отъезд несколько раз откладывался: Юрий Мнишек жаловался зятю на недостаток средств и долги, не позволявшие быстро выехать. Однако вскоре до Марины дошли слухи, что в Москве у нее появилась соперница – прекрасная царевна Ксения, дочь умершего царя Бориса Годунова. Марина сразу засобиралась в дорогу, повелев отцу написать письмо царю.

Наконец Мнишек получил от Лжедмитрия 300 тысяч золотых, и 2 марта 1606 года Марина выехала из родного Самбора, окруженная огромной свитой.

На московской земле Марину встречали священники с образами, народ с хлебом-солью и дарами. Нареченная царица ехала медленно и, приблизившись к Москве, остановилась в заранее подготовленных для нее шатрах.

2 мая царская невеста прибыла в Москву. На улицах ее встречали толпы нарядных горожан. Эта церемония описана многими очевидцами, пораженными ее пышностью, великолепием, роскошью. Малиновый звон колоколов, длинное шествие придворных в раззолоченных нарядах, сияющие панцири кавалерии...

После краткого свидания с Лжедмитрием в Кремле Марину привезли в Вознесенский монастырь, где ее встретила «мать» царя – вдова Ивана Грозного Марфа Нагая.

Свадьба Лжедмитрия и Марины состоялась в четверг 8 мая. Как отмечает историк Костомаров, «свадьба устроена была по заветному прадедовскому чину с караваем, с тысячским, с дружками, со свахами. Марина, не любившая русской одежды, явилась в столовую избу в русском бархатном платье с длинными рукавами, усаженном дорогими камнями и жемчугом до того густо, что трудно было распознать цвет материи; она была обута в сафьянные сапоги; голова у ней была убрана по-польски, повязкою, переплетенной с волосами».

После обычных церемоний новобрачные со свадебным поездом отправились в Успенский собор. Прежде венчания царь изъявил желание, чтоб его супруга была коронована, затем помазана на царство и причастилась Святыми Дарами. Лжедмитрий хотел сделать приятное жене и тестю, подчеркнув особое положение Марины. Она приняла причастие по православному обряду. Царь не хотел принуждать жену к смене веры и желал лишь исполнения ею – для спокойствия подданных – православных обрядов во время торжественных церемоний.

Совершилось венчание. Ксендз произнес в Успенском соборе проповедь на латинском языке. Свадьба, однако, продолжалась во дворце по всем правилам русского свадебного чина.

Потекли веселые дни пиров и праздников. Марина, по требованию царя, хотя и являлась в русском платье, когда принимала поздравления от русских людей, но на свадебном пиру была в польском платье, на столе стояли любимые ее кушанья, в том числе и телятина, которую русские люди не употребляли, считая поганой, играла польская музыка, и все гости танцевали. На русских пирах могли танцевать только скоморохи, поэтому все нововведения польской невесты были сочтены большим грехом.

Марина же, несомненно, была на вершине счастья. Сбылись самые смелые мечты честолюбивой полячки.

В воскресенье готовился маскарад с великолепной иллюминацией, а за городом устраивали бутафорскую крепость. Поляки затевали рыцарский турнир в честь новобрачной четы. Много иных веселых планов представлялось для суетной и избалованной судьбою Марины.

Однако среди москвичей росло недовольство нашествием поляков. Этим обстоятельством решили воспользоваться мятежные бояре во главе с князем Василием Шуйским. Какие-то вести о заговоре дошли до Лжедмитрия, но он лишь отмахнулся.

Ранним утром 17 мая 1606 года москвичи проснулись от звона колоколов. Им объявили, что поляки хотят убить царя Дмитрия, и они бросились громить дома, где жили родственники Марины. Заговорщики ворвались в Кремль, смяли сопротивление царской стражи и стали искать Лжедмитрия. Спасаясь, он выпрыгнул из окна и сломал ногу. Стрельцы хотели было защищать царя, но заговорщики пригрозили им разорением стрелецкой слободы, и те в испуге отступились. Тело убитого Лжедмитрия было выставлено на Красной площади; Шуйские объявили о его самозванстве, несколькими днями позже князь Василий был избран царем.

Марина спаслась чудом. Она вбежала в свои покои, к придворным дамам и, будучи небольшого роста, спряталась под юбкой охмистрины. К счастью, прибежали бояре и разогнали неистовую толпу.

Марина оставалась во дворце до среды будущей недели; к ней приставили стражу. В среду пришли к ней московские люди от бояр и сказали: «Муж твой, Гришка Отрепьев, вор, изменник и прелестник, обманул нас всех, назвавшись Димитрием, а ты знала его в Польше и вышла за него замуж, тебе ведомо было, что он вор, а не прямой царевич. За это отдай все и вороти, что вор тебе в Польшу пересылал и в Москве давал». Марина указала им на свои драгоценности и сказала: «Вот мои ожерелья, камни, жемчуг, цепи, браслеты... все возьмите, оставьте мне только ночное платье, в чем бы я могла уйти к отцу».

У Мнишка забрали десять тысяч рублей деньгами, кареты, лошадей и вино, которое он привез с собою.

Василий Шуйский отправил семью Мнишеков в Ярославль, где они прожили до июля 1608 года. Затем по договору с польским королем Марину с отцом отправили на родину. Но на пути их встретил пан Зборовский, один из руководителей польских отрядов при Лжедмитрии II. Он предложил Марине стать женой второго самозванца, укрепив тем самым его авторитет. В Тушинском лагере она вновь становится русской царицей – 5 сентября 1608 года. Вскоре судьба преподнесла ей новый сюрприз: второй Лжедмитрий был убит. В это время она была на последних месяцах беременности.

Вскоре она родила сына, которого нарекла Иваном, возможно, в честь казацкого атамана Ивана Заруцкого, который отныне стал ее единственным покровителем. Даже с маленьким ребенком на руках Марина продолжала борьбу, надеясь стать московской царицей.

Конец «царствования» Марины был ужасен. Заруцкий как главный «заводчик воровства» был посажен на кол, четырехлетний царевич Иван повешен (во избежание новых смут), а Марина была заточена в одной из башен Коломенского кремля, прозванной потом «Маринкиной». Здесь она умерла не то «от тоски», не то от голода, не то была отравлена.

Джахангир и Нур Джахан

Могольский император Акбар – великий реформатор средневековой Индии любил праздники. Именно он начал устраивать «женские базары», на которых жены и дочери придворных торговали украшениями, тканями и всякими безделушками.

На одном из таких веселых базаров сын императора Салим встретил юную красавицу Мехруннису. Ее отцом был Гийас Бег, тысячник в войске императора. Мехрунниса родилась

на пути в Индию, куда Гийас Бег, иранец по происхождению, отправился на поиски счастья в 1576 году.

Наследник престола так увлекся девицей, что встревоженному Акбару пришлось подыскать Мехруннисе жениха. Им стал иранец Шер-Афкан, служивший в армии императора. После свадьбы Акбар назначил его на более высокую должность и пожаловал ему во владение округ Бурдван в Бенгалии, подальше от двора.

Через несколько лет Акбар скончался и на престол взошел Салим под именем Джахангира. Он вспомнил о прекрасной Мехруннисе, которая жила в Бурдване вместе с мужем и дочерью. Император повелел Шер-Афкану явиться в столицу, полагая, что Мехрунниса будет его сопровождать. Шер-Афкан был верным подданным, но очень осторожным. Заподозрив неладное, он отказался ехать ко двору.

Тогда в Бурдван отправился молочный брат императора Кутб уд-дин, занимавший пост наместника Бенгалии. Его встреча с Шер-Афканом кончилась кровавой драмой. Наместник попытался убедить супруга Мехруннисы подчиниться государевой воле. Шер-Афкан выхватил саблю и нанес Кутб уд-дину смертельный удар в живот. Сам же, истекая кровью после стычки с охранниками наместника, сумел добраться до дома. Он проследовал на женскую половину дома, чтобы убить жену и спасти свое имя от бесчестия. Но гостившая в Бурдване мать Мехруннисы не растерялась и сказала зятю, что несчастная, услышав о случившемся и считая супруга убитым, бросилась в колодец. При этих словах Шер-Афкан упал замертво.

Узнав о смерти соперника, Джахангир вздохнул с облегчением. «Надеюсь, – писал он в своих мемуарах, – что этот гнусный негодяй навечно обретет пристанище в аду». Император приказал доставить Мехруннису ко двору. Однако по существующим законам даже император не мог жениться на ней сразу: ведь она была вдовой человека, объявленного государственным преступником. В течение нескольких лет Мехрунниса находилась при одной из жен покойного императора Акбара.

Лишь в 1611 году Джахангир женился на своей избраннице. Свадьба была отпразднована с необычайной пышностью. Мехрунниса получила новое имя Нур Джахан – Свет Мира, под которым и вошла в историю Индии.

Ей было тридцать четыре года, что считалось солидным возрастом. Несмотря на это Нур Джахан оставалась, по свидетельству современников, блистательной красавицей, едва ли не владевшей магическим секретом вечной молодости. Она писала стихи под псевдонимом Махфи, вышивала золотом; именно ей индийская традиция приписывает изобретение «итр» – эссенции из розовых лепестков.

Джахангир обожал ее. Прежде он имел девять жен и множество наложниц, но до брака с Нур Джахан «даже не подозревал, что такое супружество». Император не мог обойтись без жены и дня. Она даже лечила его, не доверяя другим врачам. Отважная женщина сопровождала Джахангира и в поездках по империи, и на охоте. В своих мемуарах правитель с восторгом рассказывал о том, как его супруга, восседая на слоне, одним выстрелом из мушкета убила тигра-людоеда.

Джахангир всячески поощрял участие жены в решении государственных проблем, в то время как сам все сильнее увлекался вином и опиумом, предаваясь развлечениям. «Она достаточно сильна и мудра, чтобы править, – утверждал Джахангир, – а мне ничего не надо, кроме вкусной еды и хорошего вина».

Нур Джахан выдвинулась на первые роли в управлении империей. Ее имя чеканилось на монетах и стояло на государственной печати рядом с именем супруга. Она принимала послов, выслушивала жалобщиков и просителей; решала вопросы войны и мира, раздавала придворные должности и земельные наделы, особо отличая при этом своих родственников и даже старых слуг. Например, брата Асаф Хана она сделала первым сановником.

Разумеется, далеко не все были довольны переходом государственной власти в руки женщины. Помимо сыновей Джахангира, мечтавших о престоле, за влияние на императора боролось несколько придворных группировок.

Один из высокопоставленных и пользовавшихся особым доверием Джахангира вельмож, Махабат Хан, заявил государю, что не в силах более мириться с позором и бесчестьем, которые повелитель навлек на себя безумной страстью к Нур Джахан. История еще не знала примера подобного подчинения могущественного монарха воле своей жены. Махабат Хан призывал падишаха одуматься.

Джахангир попытался взять в свои руки бразды правления. Но, как с грустью заметил летописец, двести таких, как Махабат Хан, не могли пересилить влияние Нур Джахан на падишаха...

Единственным союзником властолюбивой императрицы был ее брат Асаф Хан. Чтобы прочнее связать себя с правящей семьей, Нур Джахан, у которой не было детей от императора, устроила два важных для себя брака. Один из сыновей Джахангира, Хуррам, взял в жены дочь Асаф Хана (впоследствии Хуррам, став императором Шах Джаханом, построил для нее всемирно знаменитый мавзолей Тадж Махал). Нур Джахан выдала свою дочь от первого брака за другого сына Джахангира. Все это делалось для того, чтобы после смерти мужа императрица осталась у власти.

Казалось, создавшееся положение благоприятствовало честолюбивым замыслам Нур Джахан. Старший сын Джахангира, Хусру, за мятеж против отца был ослеплен и заточен в тюрьму. Другой сын, Хуррам, тоже попытался восстать, но потерпел поражение и, хотя был прощен отцом, находился в опале. Единственной угрозой оставался еще один сын Джахангира, Парвиз, целиком подчиненный влиянию Махабат Хана. Именно эти двое подавили мятеж Хуррама, что принесло им славу и почет!

Кульминация в борьбе двух придворных группировок, одну из которых возглавляли Нур Джахан с братом, а другую – Парвиз и Махабат Хан, наступила в 1626 году, когда император вместе со своим двором выступил из Кашмира в Лахор. Стремясь покончить с Махабат Ханом, Нур Джахан добилась того, чтобы его вызвали ко двору императора с отчетом о тратах во время пребывания наместником в Бенгалии. Махабат Хан понимал всю опасность ситуации, поэтому направился в ставку падишаха с отрядом в четыре тысячи воинов.

Во время переправы Джахангир и его приближенные были пленены Махабат Ханом, который заявил, что остается преданнейшим подданным императора, но государству угрожает честолюбие Асаф Хана и его сестры. Повелитель, безусловно, свободен, но теперь он будет находиться под надежной охраной...

Нур Джахан с отрядом отправилась вызволить мужа из плена.

В итоге Нур Джахан также попала в плен к Махабат Хану. Вельможа наслаждался одержанной победой и раздумывал, что делать дальше. А пока, выполняя волю императора и его супруги, он отправился вместе с ними в Кабул, где позволил одному из придворных набрать среди местных жителей две тысячи всадников якобы для похода на Кандагар, захваченный персами. На самом деле воинов вербовали по тайному распоряжению Нур Джахан.

А потом Джахангир заявил, что хочет провести смотр новых войск, но без участия в нем людей Махабат Хана, дабы избежать стычки между афганцами и индусами. Махабат Хан опрометчиво согласился, и Джахангир, возглавив отряд, легко освободился из плена.

Потерпев поражение, Махабат Хан поспешил дальше на юг, но, получив известие о внезапной смерти принца Парвиза, сразу предложил свои услуги Хурраму, также находившемуся на Декане. Хуррам же не собирался поднимать мятеж: он ждал, когда власть сама перейдет к нему в руки, ведь Парвиз был мертв, а два младших брата, Шахрияр и Джахандар, серьезными соперниками не являлись.

Здоровье Джахангира слабело с каждым днем. Он надеялся обрести исцеление в благодатном климате Кашмира, но тщетно. 28 октября 1627 года Джахангир умер. Царственная вдова недолго предавалась скорби: она хотела возвести на трон своего зятя Шахрияра, который немедленно захватил государственную казну и провозгласил себя падишахом.

Но Асаф Хан объявил государем юного сына принца Хусру. Некогда восставший против отца, Хусру был ослеплен, а потом убит, а сын его, долгое время находившийся в заключении, понятия не имел о государственных делах. Наивный юноша не ведал, что его, по выражению летописца, готовят на роль жертвенного барашка, что Асаф Хан уже тайно послал гонца к Хурраму. Нур Джахан была разгневана предательством брата, но лишь тогда, когда Хуррам отправил на тот свет других претендентов и взошел на престол под именем Шах Джахана, поняла, что окончательно проиграла...

К чести Шах Джахана, он не тронул вдовствующую императрицу. Вместе с овдовевшей дочерью Нур Джахан была отправлена в одно из своих владений, где и умерла через восемнадцать лет. Похоронили ее в Лахоре, в гробнице Джахангира.

Рембрандт ван Рейн и Саския ван Эйленбург

Один из величайших в мировом искусстве художников Рембрандт ван Рейн родился 15 июля 1606 года в Лейдене. Он был восьмым ребенком в семье мельника Харменса Герритса ван Рейна. Вначале Рембрандт поступил в латинскую школу, а по окончании ее – в университет. Вскоре он оставляет университет и начинает учиться живописи.

В 1631 году художник переезжает в Амстердам. Здесь он работает главным образом над портретами. Представители самых разнообразных слоев общества стремились запечатлеть себя.

Саския ван Эйленбург (Эйленбурх) пришла к нему в дом вместе со своим кузеном Хендриком. Недавно осиротевшая дочь бургомистра приехала посмотреть Амстердам из Фрисландии. Но кузина была отнюдь не похожа на обычную провинциальную красавицу.

Устроившись на высоком стуле, Саския повела себя так непринужденно и весело, что натянутость первых минут вскоре рассеялась. Она была очаровательной, с удовольствием поддерживала любую беседу. И вдруг сама предложила художнику написать ее портрет. Рембрандт согласился.

Рембрандт встречался с Саскией не только на сеансах, но и на вечеринках, увеселительных прогулках с друзьями. Наконец художник решил жениться на ней.

При первой же возможности он отправился в дом пастора Сильвиуса, дядюшки его возлюбленной. В доме Сильвиуса все напоминало ему о том, что девушка, чьей руки он собирался просить, – дочь бургомистра города Лейвардена, а родственники ее занимают видные церковные и университетские кафедры.

Саския не давала о себе знать больше недели. Портрет, единственный предлог, позволявший Рембрандту постоянно видеться с ней, был готов; вечеринки в конце лета тоже прекратились. И вдруг он нашел у себя под дверью записку, в которой госпожа Сильвиус приглашала его посетить их дом в пятницу вечером.

Рембрандт нанес пастору второй визит. Хозяева сидели на парных стульях по обеим сторонам столика. Рембрандт занял место справа от госпожи Сильвиус, а Саския опустилась на скамеечку у ног пастора. Но и на этот раз Рембрандт не решался произнести необходимые слова. Объяснение в любви состоялось в саду, куда его увлекла Саския.

Потом пастор сообщил, что отец оставил Саскии сорок тысяч флоринов. Рембрандт ошеломленно молчал. Даже на четвертую часть этой суммы они с Саскией могли жить в роскоши до конца дней своих.

В день обручения Рембрандт набрасывает портрет невесты. Через год они поженились. Брак ввел Рембрандта в высшие круги амстердамского бюргерства.

В июле, когда они с Саскией находились во Фрисландии, куда после свадьбы уехали погостить у ее замужних сестер, Рембрандт получил известие о смерти своего брата Геррита.

В 1635 году в семье родился первый сын – Рембрантус. Казалось, в первые недели его отец только и знал, что рисовать ребенка. Он был не в силах выразить словами и слишком боялся выразить лаской поразительную силу своей любви к малышу.

Но Рембрантус прожил очень недолго и умер в грудном возрасте. Для Саскии это был страшный удар. Она долго не хотела расставаться с телом сына, гнала от себя всех, не выпуская из рук мертвого ребенка. Несчастливая мать ходила с ним по дому, баюкая и называя его всеми нежными именами, которыми она вместе с мужем называла Рембрантуса в первые счастливые дни.

Прошло два года с небольшим – и супругов было не узнать. Здоровые и жизнерадостные, раздетые в шелка и увешанные сверкающими драгоценностями – вот каковы Рембрандт с женой.

Молодые супруги сняли дорогую квартиру на Ниве Дулен и тратили наследство Саскии на все, что только поражало их воображение, – статую Августа, пейзаж Рейсдаля, меха, кружева, жемчуг.

Дела Рембрандта шли успешно, и он покупает большой дом на Бреестрат. Здесь разместилась их огромная коллекция, кстати, довольно необычная: рядом с античными статуями, голландскими и итальянскими картинами, редкими гравюрами, в ней соседствовали старые восточные ткани, потертые ковры, латы, шлемы, боевое снаряжение дикарей, чучела животных, неведомые сушеные травы.

Рембрандт сознавал, что за исключением часов, проводимых у мольберта, жить он может только около Саскии. Только с ней он чувствует себя человеком: любовь – источник жизни, а любит он одну Саскию, и никого больше.

Он неустанно изображал свою жену в картинах, рисунках и офортах. Саския позирует в обычном костюме чинной голландской бюргерши и в фантастических одеждах, преобразующих ее в героиню античной или библейской мифологии. Нежной, вечно юной она предстает в картине «Флора».

В знаменитом «Автопортрете с Саскией на коленях» Рембрандт предстает влюбленным, любимым, радующимся семейному счастью и полностью им довольствующимся.

Памятником любви к Саскии является и один из лучших шедевров Рембрандта – «Даная», которая долгое время представляла собою загадку. Датированная 1636 годом, она вместе с тем в трактовке образа и в живописной манере как бы предвосхищала черты рембрандтовского творчества 1640-х годов. Дело в том, что «Даная» не предназначалась художником для продажи и оставалась в его владении вплоть до распродажи его имущества в 1656 году. Поэтому он смог вновь обратиться к ней через десяток лет после ее написания и в зна-

чительной части переделать ее. Рембрандт изменил и черты лица героини, придав ее облику сходство с Гертге Диркс, служанкой, жившей в его доме после смерти Саскии и состоявшей с художником в интимных отношениях. Сейчас лицо Данаи представляет собой сочетание черт обеих близких Рембрандту женщин.

После смерти Рембрантуса Саския еще дважды теряла детей при рождении. Лишь четвертый ребенок, Титус, появившийся на свет в 1641 году, смог пережить трудные годы младенчества. Мальчик был назван этим именем в память покойной Тиции, сестры Саскии.

Счастливый отец приучил себя смотреть на малыша, не рисуя его: карандаш и тушь уже принесли ему однажды несчастье, и он не входил с ними больше в детскую комнату.

Однако постоянные роды оказали пагубное влияние на здоровье Саскии. Появление у художника чисто пейзажных изображений в конце 1630-х годов объясняют иногда тем, что в это время в связи с болезнью жены Рембрандт вместе с ней много бывал за городом. Портретов в 1640-х годах художник пишет сравнительно мало. Преобладают композиции на библейские и евангельские темы. Причем выбирает те сюжеты, которые дают возможность показать благородные, добрые человеческие чувства – дружбу, материнскую любовь, супружескую привязанность, милосердие.

Саския ван Эйленбург скончалась в 1642 году. Ей было всего тридцать лет. В гробу она выглядела как живая...

В это время Рембрандт работал над знаменитым полотном «Ночной дозор».

В другой картине, датированной этим же трагическим годом, «Прощание Давида с Ионафаном», Рембрандт словно прощается со своей женой. В образе Ионафана без труда узнаются черты лица самого Рембрандта, но постаревшего, ставшего вдруг непривычно серьезным и подавленным. А женственный Давид, с разметавшимися по плечам белокурыми волосами, напоминает о Саскии. Художник хочет забыться в романтической мечте, хочет верить в возможность нового счастья.

Годы приносят Рембрандту все новые жизненные испытания. Неуклонно ухудшается его материальное положение. В 1656 году в результате наступившего разорения продается с аукциона за долги его имущество – дом и великолепные коллекции, собранные с любовью и тонким пониманием, художник был вынужден переехать в один из беднейших кварталов Амстердама.

В 1663 году умирает его вторая супруга – Хендрикке Стоффельс, а в 1668 году Рембрандт теряет и своего единственного сына Титуса. Художник остается с юной дочерью от Хендрикке – Корнелией.

Рембрандт скончался 4 октября 1669 года. Смерть его прошла почти незаметно, о кончине великого художника можно узнать лишь по краткой записи в погребальной книге церкви, при которой он был похоронен...

Петр Первый и Марта Скавронская

Многое в истории Марты Скавронской, взошедшей на российский престол под именем Екатерины I, остается неясным. Она родилась 5 апреля 1684 года. О ее происхождении ходили разноречивые слухи. Согласно одному из них, мать Марты была крестьянкой и рано умерла. Девочку взял на воспитание пастор Глюк. По другой версии, Марта была дочерью лифляндского дворянина и его крепостной служанки. Третьи считали ее уроженкой Швеции. Достоверным является лишь факт, что девочка, рано оставшись без родителей, воспитывалась в семье пастора Глюка, где выполняла обязанности служанки. Детство и юность провела в лифляндском городишке Мариенбурге. Образования она не получила, читать и писать не умела.

В семнадцать лет Марта обручилась со шведским драгуном, которого во время брачного пира срочно вызвали в Ригу. При взятии русскими Мариенбурга она попала в плен к фельдмаршалу Шереметеву, у того красавицу выпросил Меншиков, у последнего ее заметил Петр. Случилось это в 1703 году.

Личная жизнь Петра не складывалась. Распался его брак с Евдокией Лопухиной. Драматично завершился и многолетний роман царя с Анной Монс. Тут-то и появилась Марта, которая приворожила царя.

Она приняла православие и стала Екатериной. Через два года у нее уже было двое незаконнорожденных сыновей Петра. Царь очень привязался к этой жизнерадостной и страстной женщине и, не желая больше делить ее с Меншиковым, сделал Екатерину «своим сердечным другом». Она создала в доме уют, тихую и желанную пристань для отдохновения от трудов и печалей.

Письма царя к ней достаточно красноречиво отражают взлет его привязанности и уважения. «Для Бога, приезжайте скорей, а ежели за чем невозможно скоро быть, отпишите, понеже не без печали мне в том, что ни слышу, ни вижу вас», – пишет он из Петербурга.

5 января 1709 года в предверии генерального сражения Петр составляет на всякий случай записку: в случае его смерти выдать Екатерине с дочерью три тысячи рублей. Сумма для того времени – немалая, особенно учитывая бережливость царя. Переезжая из одного места в другое, Петр не забывает послать своей Екатерине, правда, не очень часто, какую-нибудь безделушку, гостинец, вроде часов «новой моды» (со стеклами – от пыли) или бутылку вина венгерского, чтобы не грустила...

Перед Прутским походом 6 марта 1711 года совершилось тайное венчание царя – у него появилась законная супруга Екатерина Алексеевна.

Она нередко ездила с Петром во время походов. Так случилось, например, в пору Прутского похода. К землям Молдавии царь отправился два года спустя после Полтавской победы. На этот раз стойкость и мужество солдат, изворотливость дипломатов чудом спасли и армию и самого Петра. Сыграла свою роль и Екатерина, находившаяся с ним в окруженном лагере: ее драгоценности, как передавали из уст в уста, преподнесли знатым туркам, и это тоже способствовало заключению мира.

19 февраля 1712 года Петр решил устроить публичные торжества, посвященные своему бракосочетанию с Екатериной. При подъезде к дому новобрачных встречали салютом с Петропавловской и Адмиралтейской крепостей. С 6 до 11 вечера были танцы, а затем «пускали ракеты и бросали бомбы и план был зажжен, на котором были выложены фитилями литеры латинские «Виват...».

Екатерина обзавелась своим двором, стала принимать иностранных послов, давать приемы и встречаться с европейскими монархами на равных.

С 1704 до 1723 года Екатерина родила Петру одиннадцать детей, большинство которых умерло еще во младенчестве: Павел (1704–1707), Петр (1705–1707), Екатерина (1706–1708), Наталья (1713–1715), Маргарита (1714–1715). Горше всего была потеря наследника престола четырехлетнего «шишечки», умершего 25 апреля 1719 года. За ним последовали еще трое – Павел (1717), Петр (1723), Наталья (1718–1725). Из одиннадцати детей в живых осталось только двое, к тому же старшая из дочерей, Анна, ненадолго пережила родителей – скончалась в 1728 году.

Частые беременности не мешали Екатерине сопровождать государя во всех его путешествиях. Она была настоящей офицерской женой, способной совершать долгие походы – целый день скакать на лошади, спать на жесткой постели и подолгу жить в палатке. Царица была высокого роста, почти под стать самому Петру, и имела крепкое здоровье. Да и силой природа ее тоже не обидела.

Суровый деспот, человек с железным характером, Петр в своих отношениях к Екатерине был неузнаваем: посылал к ней письмо за письмом, одно другого нежнее, и каждое – полное любви и предупредительной заботливости, замечает историк Семевский. Сохранилось более сотни писем Екатерины и Петра. Державный супруг в письмах обращается к ней: «Катеринушка, друг мой, здравствуй!», «Катеринушка, друг мой сердешнинькой, здравствуй!»

Когда царь находился в состоянии ярости, никто не решался подойти к нему. Кажется, она одна владела тайной успокаивать царя, могла без страха смотреть в его искаженные гневом глаза. С ролью супруги царя она справлялась легко и непринужденно. «Царь, – писал современный наблюдатель, – не мог надивиться ее способности и умению превращаться, как он выражался, в императрицу, не забывая, что она не родилась ею. Они часто путешествовали вместе, но всегда в отдельных поездах, отличавшихся – один величием своей простоты, другой своей роскошью. Он любил видеть ее всюду. Не было военногомотра, спуска корабля, церемонии или праздника, при которых бы она не являлась».

Екатерина всегда заступалась за тех, на кого грозный и скорый на расправу царь обрушивал свой гнев, и скоро научилась извлекать из этих своих услуг немалую выгоду. Для того

чтобы придворному избежать ссылки или смерти, надо было явиться в покои к Екатерине с мешком денег в руках.

Как и раньше, она была полна заботы по отношению к супругу, посылает ему, все чаще болевшему, лекарства. А он сетует на недомогания, томится вдаль от нее («только без вас скучно»). Екатерина часто упоминает в своих письмах мужу о маленьком Петре, называя его «санкт-петербургским хозяином».

26 июня 1718 года скончался Алексей – сын Петра от первого брака. Смерть его не разрешила волновавшего царя вопроса о своем преемнике. Дело в том, что вслед за Алексеем в 1719 году умер и сын царя от брака с Екатериной – четырехлетний Петр Петрович, объявленный наследником. Утрата эта, несомненно, отразилась на самочувствии царя, ибо, как записал современник, «по мнению многих, царица вследствие полноты вряд ли в состоянии будет родить другого царевича».

Переезды, без труда переносимые лет десять – пятнадцать назад, теперь утомляли царя, да и его супругу тянуло к домашнему уюту. Взаимное стремление быть вместе достаточно четко высвечивает переписка.

После Ништадского мира 1721 года Россия закрепила за собой Восточную Прибалтику. Сенат преподнес Петру титул императора всероссийского, Петра Великого, Отца Отечества. В следующем году Екатерина сопровождала его в Каспийском походе.

В письмах той поры он называет ее уже государыней императрицей. Петр, очевидно, все чаще думает о «Катеринушке» как о своей преемнице. В манифесте 1723 года он обосновывал права супруги на титул императрицы, как его помощницы, участвовавшей во всех его делах, терпевшей лишения походной жизни.

В феврале 1724 года Петр вместе с Екатериной отправился принимать курс лечения марциальными водами, а в марте весь двор, сенаторы, генералитет, президенты коллегий, иностранные дипломаты по последнему санному пути отправились в Москву, чтобы участвовать в церемонии коронации Екатерины. Для нее была изготовлена мантия из парчи с вышитым на ней двуглавым орлом, подбитая горностаем, из Парижа привезли роскошную карету.

Церемония коронации была проведена 7 мая 1724 года в Успенском соборе. Петр был одет в парадный костюм: голубого цвета кафтан, шитый серебром, красные шелковые чулки и шляпу с белым пером. Артиллерийские залпы возвестили, что царь самолично возложил корону на голову стоявшей на коленях Екатерины, а придворные дамы прикрепили мантию. В Грановитой палате состоялся торжественный обед, на котором слово в честь императрицы произнес Феофан Прокопович.

На следующий день императрица принимала поздравления. «В числе поздравителей находился и сам император». Он, как писал Берхгольц, в соответствии со своим чином полковника Преображенского полка и общевойскового генерал-лейтенанта «по порядку старшинства принес свое поздравление императрице, поцеловал ее руку и в губы».

8 ноября 1724 года по приказу царя был арестован 30-летний щеголь Монс, брат Анны Монс, бывшей фаворитки царя. Вилим Монс занимал должность камергера Екатерины и одновременно заведовал ее вотчинной канцелярией.

В месяцы, предшествовавшие аресту Монса, между Петром и Екатериной сохранялись отношения взаимной нежности. Петр обращался к ней в письмах, как и прежде: «Катеринушка, друг мой сердешненькой, здравствуй!» В тон ему Екатерина отвечала: «Друг мой сердешненькой, господин адмирал, здравствуй на множество лет».

Вилим Монс, человек веселый, обходительный и услужливый, был с 1716 года ближайшим другом императрицы. Его успех у Екатерины не был секретом в Петербурге, и вскоре покровительства камергера императрицы стали искать самые высокопоставленные

лица: министры, генералы, посланники зарубежных государств. Монс никогда никому не отказывал, за что и получил репутацию доброжелательного человека.

Петр долгое время не подозревал об этом увлечении императрицы. Но в конце концов узнал о нем из письма анонимного автора, который писал, что Монс задумал отравить царя, дабы самому вместе с императрицей править государством.

После ареста Монс, едва увидев орудия пыток, тут же во всем признался. Петр был настолько взбешен этими признаниями, что едва не убил собственных дочерей. В гневе Петр уничтожает подписанное на имя Екатерины завещание, он мрачен и беспощаден.

Для соблюдения приличий Петр выдвинул против Монса обвинение лишь во мздоимстве. Скорый суд нашел его виновным в злоупотреблении доверием императрицы – за взятки он добивался от нее милостей просителям. 16 ноября палач отсек одним ударом голову Монсу и тут же насадил на шест.

Петр строго запретил всем коллегиям принимать от государыни какие-либо приказания и рекомендации, а на личные средства императрицы был наложен арест.

После открывшегося романа с Монсом отношения между Петром и Екатериной стали настолько натянутыми, что они совершенно не общались друг с другом. Только в начале января 1725 года их дочери Елизавете (будущей императрице) удалось помирить отца с матерью.

Вскоре Петр неожиданно слег в постель. Врачи ничего не могли поделать. Во время болезни Петра императрица не отходила от постели умирающего, ухаживала за ним, подавала еду и лекарство. 28 января 1725 года в пять утра Петр I умер.

Екатерина I не умела ни читать, ни писать. Однако в течение трех месяцев обучения грамоте она научилась подписывать государственные бумаги. Этим, собственно говоря, и ограничилась ее государственная деятельность.

Императрица, в сущности, делами не занималась: праздники, пиры, прогулки занимали все ее время. Решение всех важных государственных дел было поручено Меншикову и созданному им Верховному тайному совету.

Царствование Екатерины I было коротким. Она умерла 6 мая 1727 года.

Людовик XVI и Мария-Антуанетта

19 апреля 1770 года 16-летний дофин Людовик-Август женился на 14-летней Марии-Антуанетте, своенравной и умной дочери Марии Терезии и Франца I Австрийских. Супруга будущего короля Франции была похожа на обиженного ребенка, несмотря на величественную осанку и изысканно уложенные вокруг диадемы светлые волосы.

Папский нунций Висконти служил мессу в стенах готического храма под звуки величественных гимнов.

Свадебные торжества омрачились двумя жуткими происшествиями, которые и во Франции, и за ее пределами породили суеверное предчувствие, что новобрачных ждет беда. Во время венчания в Версале придворные, хлынув к алтарю, сбили с ног и насмерть задавили многих (по некоторым сведениям, сотню) швейцарских гвардейцев. А фейерверк на площади Людовика XV, ставшей через 23 года местом казни супругов, завершился страшной давкой – обезумевшие парижане опрокидывали экипажи, топтали друг друга. По одним данным, на этом народном «гулянии» погибли 333 человека, а по другим – более тысячи.

Мария-Антуанетта чувствовала себя в общем счастливой в первые годы супружества. О политике она еще не думала. Это был веселый, живой ребенок. В ее распоряжении находилось только несколько книг, учение шло медленно. Она сама не выражала большого желания чему-нибудь серьезно учиться и немало времени проводила вместе с подругами и друзьями, участвуя в постановке пьес во дворце. Единственным слушателем этих пьес являлся ее муж Людовик. Постановка «Ифигении» (в апреле 1774 года) доставила ей неслыханное удовольствие. Успех вскружил голову, и она устроила целый ряд празднеств. Супруга дофина была счастлива.

Неожиданная болезнь Людовика XV приводит к его кончине 10 мая 1774 года. Народ возлагал большие надежды на юного короля. «Мы начали править слишком молодыми», – замечает Людовик XVI своей венценосной супруге.

Мария-Антуанетта чувствует, что вот-вот совершится нечто серьезное, возможно роковое. Она пишет матери: «Да хранит нас Бог! Что с нами будет? Дофин и я, мы очень боимся, что нам в таком юном возрасте надо будет управлять страной. О, матушка, не скупитесь на советы вашим несчастным детям».

Большинство французов наивно и трогательно обожали своего монарха, связывая с ним и его наследниками самые светлые надежды.

Людовик XVI был трагической фигурой: исполненный доброй воли, он руководствовался законами христианства. Он хотел избежать любого применения силы и кровопролития, но из-за своей уступчивости и слабости не смог справиться с исключительными трудностями управления страной.

А вот его супругу, юную австриячку, французы невзлюбили, полагая, что будущий король попадет под ее каблучок, а это неблагоприятно скажется на делах государства. Выяснилось, что Мария-Антуанетта капризна и упряма, что она недопустимо много тратит на наряды и драгоценности, на бесчисленные увеселения и пиршества, что она покровительствует консерваторам и самым ярким защитникам сословных привилегий. К тому же у нее так долго не было детей. Только в 1778 году, через восемь лет после свадьбы, она родила дочь, в 1781-м – первого, а в 1785-м – второго сына.

Считалось, что Мария-Антуанетта обладает невероятной властью, да и она сама производила впечатление влиятельной королевы, тогда как истинное ее влияние оставалось до сих пор весьма слабым. Королева и не мечтала о том, чтобы править, как это представляли даже самые серьезные наблюдатели, она проявляла лишь одно желание – жить в свое удовольствие.

Над Францией уже клубились революционные тучи. Борьба между правительством и парламентом начала принимать острый характер. Народ был недоволен, и, чтобы заглушить его грозный голос, правительство решилось на государственный переворот, дабы одним ударом сломить оппозицию.

Положение короля оказалось затруднительным с самого начала. На его высочайшее имя посылались многочисленные петиции, подписанные политическими деятелями. В них требовались реформы и говорилось, что если последние не будут проведены, королевская власть погибнет. Нервы Людовика на пределе.

В это тяжелое для Марии-Антуанетты время ее постигает новое несчастье: умирает старший сын, а потом и отец. Это подействовало на королеву угнетающе. Ей всего 34 года, но волосы уже начинают седеть. Кто мог знать в апреле 1770 года, когда она, веселая, жизнерадостная и счастливая, впервые въезжала в Париж, что ее ожидает? Но нужно было принимать быстрые, решительные меры. И ей приходит в голову смелый план – войти в соглашение с руководителями оппозиции. Она же первая намечает Мирабо, этого народного кумира, и Мирабо вполне отдается королеве, восхищенный ее умом, энергией, предприимчивостью.

«Среди приближенных короля есть только один мужчина, и этот мужчина его жена!» – сказал про нее Мирабо. Королева составляла документы, которые исправлял Мирабо, она пыталась всеми силами удержать на расстоянии грозный призрак революции. К несчастью для нее, болезнь унесла Мирабо в могилу. Рухнула последняя надежда.

С этой минуты началась агония Марии-Антуанетты, а вместе с этим и агония королевской власти во Франции. Император Леопольд несколько раз советовал королеве бежать, но она каждый раз отвергала его предложения.

Единственно, чего она хочет, это покинуть Париж с семьей и найти безопасное место где-нибудь во Франции. Наконец она решается на бегство. Не она составила план. Она только уступила. И тем не менее, когда план не удался, когда венценосную чету арестовали и доставили обратно в Париж, все стали указывать на Марию-Антуанетту, как на виновницу бегства. Она была жертвой, искушавшей чужие грехи.

В 1791 году королева писала сестре Марии-Христине: «Я страдаю днем и ночью, с каждой минутой меняюсь в лице. Мои прекрасные дни прошли, если бы у меня не было детей, мне бы хотелось мирно почить в гробе. Они убьют меня; после моей смерти защитой меня всеми силами... Я всегда заслуживала твоего уважения и уважения всех справедливых людей всех стран...»

В Париже король был в тревоге за себя и своих близких. Правда, еще 14 июля 1790 года во время Праздника федерации он произнес клятву на верность народу и закону, вызвав шумное одобрение всех присутствующих и доказав, что его популярность еще достаточно велика. Король мечтал восстановить во Франции, – пусть даже с помощью войск, в том числе иностранных, – многие прежние порядки, укрепить свою власть.

В ночь на 21 июня 1791 года, подстрекаемый королевой, он вместе с семьей во второй раз бежит из Парижа в Мец, где находилась армия генерала Буалле, верная Бурбонам. Но и здесь его ждала неудача – в местечке Варенн переодетого короля узнал почтовый чиновник. Под конвоем Национальной гвардии, сквозь враждебные толпы возвращались беглецы в столицу. Законодательное собрание, ставшее преемником Учредительного, отстранило короля от власти, но вскоре восстановило на троне, сохранив за ним лишь титул и право отлагательного вето.

...В ночь на 10 августа 1792 года Париж не спал. Надрывно звонили колокола, сухо трещали выстрелы, грозно ухали пушки. Толпы вооруженных революционеров штурмовали Лувр. Восстание удалось. Дворцовые чертоги заполнили ликующие победители. Королевская семья была взята под стражу, король был лишен трона и вместе с семьей заключен сначала в Люксембургский дворец, а затем в одну из башен Тампля.

Необычному арестанту отвели помещение на третьем этаже с прихожей, столовой, спальней и комнатой для слуги. Его близких разместили на четвертом этаже.

Отставной государь давал семилетнему сыну уроки географии и латинского языка, играл с желающими в шахматы, гулял по монастырскому двору. При его встречах с Марией-Антуанеттой всегда присутствовали два офицера стражи. Обедали всем семейством в столовой на третьем этаже.

21 сентября Людовика XVI ожидал еще один удар. Вновь избранное Законодательное собрание – Конвент – приняло декрет о ликвидации во Франции монархии.

20 ноября в Лувре был обнаружен секретный сейф, в котором хранились документы, свидетельствовавшие о тайных связях короля с недругами Франции, в частности, с государями враждебных ей стран. Понятно, что в республике, решавшей судьбу бывшего монарха и его семьи, эти связи были объявлены преступными.

Процесс начался уже 11 декабря в Конвенте. Король держался с большим достоинством. Не соглашался ни с одним из предъявленных ему обвинений. При поименном голосовании недавний суверен был признан виновным и приговорен к смерти.

Людовику позволили попрощаться с семьей. За день до казни он долго молился; ночь провел довольно спокойно и даже спал. На утро его духовник аббат де Фирмон отслужил в спальне узника мессу. Затем последний, недолгий, но такой страшный путь от Тампля до Площади революции в простом экипаже с двумя стражниками и духовником. На эшафот Людовик XVI взошел мужественно и твердо, к гильотине приблизился, не дрогнув. Он пытался сказать, что невиновен, что прощает своих врагов, но голос его заглушил барабанный бой, а через несколько мгновений его жизнь навеки оборвал нож гильотины. Так окончил жизнь Людовик XVI – единственный во французской истории казненный король, за 15 лет правления которого не был убит ни один политический заключенный.

Мария-Антуанетта уже больше не королева. Она «госпожа Капет», как язвительно называют ее в народе. Вскоре ее разлучают с Людовиком, а 21 января она получает его венчальное кольцо – безмолвный знак последнего прощания. 4 июля у нее был взят любимый сын, а вскоре отнята и дочь Мария-Тереза, впоследствии герцогиня Ангулемская. Затем ее доставляют в жалкую тюрьму Консьержери и начинается процесс. Королева спокойно и гордо держится на суде.

Мария-Антуанетта с презрением отвечает на обвинение Гебера в безнравственных поступках, гордо и равнодушно выслушивает смертный приговор. И когда 6 октября 1793 года она предприняла свое последнее путешествие – к гильотине, лицо ее говорило о полном душевном спокойствии и примирении с судьбой. С уст ее сорвались трогательные последние слова: «Боже, просвети и тронь сердца моих палачей! Прощайте навсегда, дети, иду к вашему отцу...»

Наполеон Бонапарт и Жозефина Богарне

Французский государственный деятель и полководец, император Наполеон Бонапарт родился в 1769 году в Аяччо (Корсика) в семье адвоката. Он избрал для себя карьеру военного и весьма в этом преуспел. В 24 года Бонапарт получает чин бригадного генерала, и, когда потребовалось подавить роялистский мятеж, Директория прибегает к его услугам. С этой задачей Бонапарт успешно справляется.

Молодой генерал быстро осознал: чтобы заручиться поддержкой одного из «королей Республики» – Барраса, необходимо добиться расположения его знаменитой любовницы мадам Тальен, а для этого следует появиться в свете. И вот сентябрьским вечером 1795 года он отправляется в салон той, кого называли «Термидорской Богоматерью». Именно здесь он впервые увидел другую королеву парижских салонов – нежную и страстную Жозефину де Богарне и сразу же без памяти влюбился в нее.

Жозефина – так ее назовет Бонапарт, а крещена она как Мари-Жозефа-Роза – уже многое повидала в жизни. Ей тридцать два года, у нее двое детей – сын Евгений и дочь Гортензия. Креолка с Мартиники, выданная замуж в шестнадцать лет за виконта Богарне, приехала в Париж в 1779 году. Муж очень скоро покинул ее, и Жозефина широко пользовалась предоставленной ей свободой. Она путешествовала, жила на Мартинике, а потом, уже в дни Революции, произошло примирение с мужем. Однако во время Террора Богарне попал под гильотину, а Жозефина была арестована.

Падение режима Робеспьера спасает ей жизнь. В тюрьме, в ожидании казни, она знакомится с другой аристократкой, Терезой де Фонтене, будущей женой Тальена, одного из руководителей Директории.

Оказавшись на свободе, Тереза и Жозефина погружаются в пучину развлечений. Тереза вводит подругу в дом другого руководителя Директории, Барраса, с которым их вскоре связывают более чем нежные отношения.

Наполеон стремится показать себя во всем блеске. Жозефина де Богарне присматривается к нему. Разговор его так остроумен, что она невольно забывает о том, как жалко он одет.

28 октября Бонапарт получает письмо от «вдовы Богарне». «Вы совсем не навещаете любящего вас друга, – упрекает его Жозефина. – Совершенно забыли его, и напрасно, потому что друг этот вам искренне и нежно предан. Приходите завтра ко мне обедать».

Наполеон отвечает на приглашение возлюбленной. Бурное свидание. Наконец-то она принадлежит ему.

Едва расставшись с Жозефиной, он сейчас же пишет ей письмо: «Мое пробуждение полно тобой. Твой облик и пьянящий вечер, проведенный с тобой вчера, не оставляют в покое мои чувства. Нежная, несравненная Жозефина! Что за странные вещи творите Вы с моим сердцем! Стоит мне представить, что Вы сердитесь, или грустите, или встревожены, как душа разрывается от боли, и Ваш друг не знает более покоя. Не находит она облегчения и тогда, когда, отдавшись во власть покорившего меня глубокого чувства, я приникаю к Вашим губам и к Вашему сердцу, но черпаю в них лишь пожирающее меня пламя...».

7 февраля 1796 года они сообщают о предстоящем бракосочетании, а уже 2 марта состоялось официальное назначение молодого генерала на пост главнокомандующего армией, которой предстояло действовать в Италии. «Приданое Барраса», – усмехались завистники.

9 марта назначен день свадьбы.

8 сопровождении одного из адъютантов, Ле Маруа, Наполеон торопливо отправляется в путь. Он уже преподнес Жозефине маленькое кольцо с сапфирами в качестве свадебного подарка. Внутри кольца выгравировано: «Это судьба».

Когда он входит в здание мэрии, уже 10 часов. Его давно ждут. По брачному контракту жениху оказалось двадцать восемь лет, а невесте – двадцать девять (на самом деле Бонапарту двадцать шесть лет, Жозефине – тридцать два). Этот брак был для «маленького генерала» хорошей сделкой. Женившись на вдове Богарне, он вошел в высшее общество, которое привлекало его блеском и элегантностью.

Спустя два дня он покидает ее и уезжает в армию. Итальянская весна – счастливейшее время в жизни Бонапарта. Он удачлив на войне, он верит, что удачлив и в любви. В Париже его ждет жена, которой он каждый день отправляет по несколько страстных писем.

Разлука с Жозефиной наполняет его невыразимой мукой. После каждой победы его охватывает желание броситься в Париж и потребовать, чтобы она следовала за ним.

Но вдруг через какое-то время тон писем меняется.

«Настанет день, когда ты меня разлюбишь; скажи мне об этом. Тогда я хотя бы смогу с достоинством встретить свое горе. Правдивость, искренность без границ... Жозефина, Жозефина! Вспомни, о чем я не раз говорил тебе. Природа наделила меня душою сильной и решительной, тебя же она соткала из газа и кружев. Или ты меня разлюбила?... Прощай же, прощай, я ложусь спать без тебя и без тебя проведу эту ночь. Прошу тебя, не лишай меня сна. Вот уже которую ночь мне кажется, что я сжимаю тебя в объятиях. Сладкий сон, но увы, всего лишь сон...»

Только Жозефина могла заполнить одинокие ночи, проведенные им в Милане. На ее портрете треснуло стекло. Дурной знак. Она либо больна, либо изменяет ему.

«Если бы ты меня любила, то писала бы мне дважды в день. Впрочем, тебе легче с 10 часов утра и до часу ночи болтать с теми ничтожествами, что заявляются к тебе с визитом, выслушивать их глупый вздор. В краях, где существует такая вещь, как нравственность, в 10 часов вечера все порядочные люди уже ложатся спать или пишут своим мужьям, думают

о том, что живут ради них. Прощай, Жозефина. Ты – чудовище, понимать которое я отказываюсь».

Ревность буквально пожирает его. Ему доносят, что Жозефина, которую отныне величают «Богоматерью побед», обедает у Баррасса. Что Мюрат и Жюно – его собственные адъютанты, отправленные им в Париж, чтобы поторопить Жозефину с отъездом, – сделались ее любовниками. Что она повсюду таскает за собой лейтенанта Ипполита Шарля...

Никакие отговорки больше не помогали, и Жозефина поехала к нему. Она ждала его в Милане, он примчался на два дня – два дня сердечных излияний, любви, страстных ласк. Потом они снова оказались в разлуке, его армия была на грани полного разгрома, а он, среди приказов, каждый день писал длинное любовное письмо.

Отправляясь весной 1798 года в Египет, Бонапарт условился с Жозефиной, что, как только завоюет эту страну, жена приедет к нему. Но уже в пути беспокойство охватило его. Он начал ее подозревать, расспрашивал о жене друзей, которым доверял. Как только у Бонапарта открывались глаза, как только иллюзии рассеивались, он начинал подумывать о разводе и решил не отказывать себе в развлечениях. При армии были женщины-европейки. Одна из них стала его любовницей.

Вернувшись во Францию, Наполеон, встреченный народом с восторгом, хотел развестись с Жозефиной. Но эта женщина поняла: разрыв с Бонапартом лишит ее всего.

Жозефина плакала, колотила в его дверь. Через час добрая служанка Агата, которая тоже рыдала на лестнице, с другой стороны двери, решила позвать Гортензию и Евгения, чтобы они попробовали смягчить Бонапарта, и они, заливаясь слезами, стали умолять его: «Не покидайте нашу мать! Она умрет, и мы, которых эшафот в детстве лишил отца, сразу лишимся и матери, и второго отца, посланного нам Провидением!»

Тогда Бонапарт открыл дверь. Бледный, с горящими глазами, он раскрыл объятия Жозефине, которая к нему устремилась.

Бонапарт простил жену окончательно и великодушно. Он оплатил все ее долги – более двух миллионов, и мадам Бонапарт понимала, что такая щедрость и положение в обществе, дарованные ей мужем, стоят того, чтобы вести себя безукоризненно.

По мере того как усиливалось могущество Бонапарта, количество просительниц и честолюбивых интриганок становилось все больше, всех их не перечесть. Наполеон был в расцвете своей славы, умственных и физических сил, мужской привлекательности и темперамента. Он не искал любовных приключений, но и не избегал их. Теперь уже Жозефина ревнует супруга.

Она понимает, что ей уже не удастся родить Наполеону ребенка, и боится, что тот из-за этого разведется с ней. Вот почему она так активно берется за устройство брака своей дочери от первого брака Гортензии с братом Наполеона Луи. Франция еще республика, Наполеон только консул, но Жозефина предчувствует, что восхождение к власти еще не завершено. Она вспоминает предсказание собственной судьбы, сделанное ей еще на Мартинике: «Ты выйдешь замуж за сверхчеловека и взойдешь на трон». Но трону потребуется наследник.

В 1804 году Бонапарт коронован императором французов. Как следует из решения сената, «управление республикой доверяется императору Наполеону». Решение сената также одобрено плебисцитом.

Одновременно императрицей коронуется Жозефина. В канун церемонии она раскрывает папе римскому страшную тайну – ее брак с Наполеоном так и не освящен церковью. Однако Бонапарт так и не сделает этого шага. Да, он по-прежнему ей предан. Но Жозефина никогда не подарит ему наследника...

Во время пребывания в Польше начался один из самых пылких и нежных романов Наполеона с Марией Валевской. Жена богатого старика, молодая красивая полька родила Бонапарту сына, которому было пожаловано звание графа империи.

О том, что Бонапарт решил развестись с ней, Жозефина узнала в октябре 1807 года от министра полиции Фуше.

Но пройдет еще два года, прежде чем император объявит той, которую некогда так любил, что должен покинуть ее. Жозефина упала на ковер в нервном припадке.

Когда она успокоилась, начался торг. Жозефина требовала у Бонапарта три замка – Елисейский дворец в Париже, Мальмезон в предместье столицы и замок в провинции Наварре, а также оплату всех своих долгов – приблизительно четыре миллиона франков. Небольшой спор возник при обсуждении ежегодной ренты. Вначале Наполеон предложил миллион, но, увидев лицо Жозефины, удвоил сумму, после чего она гордо ответила: «Три миллиона, сударь». От себя великодушный Бонапарт преподнес ей самый бесценный подарок того времени – Жозефина сохранила за собой титул императрицы.

После развода (15 декабря 1807 года) Бонапарт постоянно интересовался ею, но встречался с ней только на людях, словно боялся, что эта самая непоколебимая, самая властная и слепая любовь снова вспыхнет в нем с прежней силой.

Император из династических соображений отказался от намерений связать судьбу с преданной ему Валевской. В 1809 году он заключил брак с дочерью австрийского императора, Марией-Луизой.

Долгие годы Наполеон продолжал посылать Жозефине письма, в которых без конца интересовался всем, чем жила его отвергнутая возлюбленная и жена.

Ее последней победой станет император Александр I, который, вступив в Париж в 1814 году, посещает Жозефину в ее дворце Мальмезон. Александр настолько пленяется пятидесятилетней императрицей, что обещает ей свое покровительство и сохранение всех ее привилегий. Но свидание с Александром становится роковым – во время прогулки с ним по парку Жозефина простужается. В разгар торжеств по случаю вступления союзников в Париж Жозефина умирает от воспаления легких.

Наполеон Бонапарт был сослан на остров святой Елены, где он прожил свои последние дни. Перед смертью он прошептал имя единственной женщины, которую любил: «Жозефина...»

Карл Вебер и Каролина Брандт

16 сентября 1810 года во Франкфурте состоялась премьера оперы «Сильвана». Ее автором был 24-летний композитор Карл Вебер. Действие оперы разворачивается в двух враждующих семьях. Главная героиня – похищенная девушка Сильвана.

Вебер сам нашел певицу на роль Сильваны. В одном из концертов он услышал семнадцатилетнюю Каролину Брандт. Дочь скрипача и певца из Кельна, она, подобно Веберу, выросла в театре и с восьми лет выступала в комической опере «Дунайская русалка». Каролина получила очень скудное образование: родители начали учить ее лишь в одиннадцать лет и через два года сочли образование законченным. К тому времени оркестр, где работал отец, был распущен, семья впала в нужду. Каролине вместе со старшим братом пришлось снова выйти на сцену. Брандт исполняла роли служанок, юных девушек или мальчиков. А. Кенигсберг, биограф Вебера, отмечает: «Нежное сопрано и яркое драматическое дарование, уверенность, с какой она держалась на сцене, наивная кокетливая грация и изящная фигура, выразительные серые глаза и пепельные волосы – все в Каролине нравилось Веберу».

Через некоторое время композитор пригласил свою франкфуртскую Сильвану в Прагу.

Каролина становится любимой артисткой пражской оперы. Увлечение певицей заполняло сердце и мысли Вебера. Его поражала скромность новой пражской «звезды»: она жила с матерью, отказываясь от покровительства богатых бездельников. Вебера же, никогда не знавшего своего дома, привлекал семейный уют, сердечная атмосфера, царившие в доме Брандтов. Он писал Каролине пылкие письма, стихи. Вебер просил руки Каролины с тем условием, что она оставит сцену и уедет с ним из Праги. Но Брандт трудно отказаться от

любимого искусства, и она попросила время на раздумье. Мать пугала ее беспорядочной жизнью Вебера, его необеспеченностью, долгами.

В середине октября 1816 года Брандт получила приглашение на гастроли в Берлин; Вебер поехал с ней. Скромного дирижера пражского театра там встречали как национального героя. Каролина впервые задумалась над тем, что ее искусство артистки ниже, чем его искусство композитора-творца.

19 ноября они объявили о своем обручении.

Свадьбу отпраздновали в Праге почти год спустя, 4 ноября 1817 года. Карл отказался от музыки в церкви. Однако в тот момент, когда священник начал свою речь, раздался торжественный мужской хор в сопровождении органа – хористы театра, работавшие с Вебером, не могли отказать себе в удовольствии присутствовать на его свадьбе.

Насколько серьезно смотрел Вебер на женитьбу, можно судить по записи в его дневнике: «Да благословит Господь наш союз, и да даст он мне силу сделать мою возлюбленную Лину счастливой и довольной так, как я этого хочу в глубине души и как она вполне заслуживает». Молитва его была услышана. Карл был образцовым мужем и отцом и усердно работал для блага своей семьи.

На Рождество Вебер получил место капельмейстера Дрезденского театра и 13 января 1817 года приехал в столицу Саксонии.

Карл был приветливым хозяином, а Каролина – хорошей хозяйкой, быстро научившейся готовить. Как истинный немец, Вебер очень ценил кулинарные способности жены, и в его дневнике столь же жирно, как сообщение о премьере «Вольного стрелка», подчеркнуто: «Впервые ел из собственной кухни».

Летом 1818 года осуществилась давняя мечта Веберов – поселиться в деревне. Недалеко от Пильница, увеселительного замка короля, в двух часах езды от Дрездена, они купили загородный домик.

Карл купался в Эльбе и совершал с женой длительные прогулки на лодке. В это время у него зародилась мысль о таинственном Волчьем ущелье, где развернутся фантастические сцены его «Вольного стрелка».

Опера рождалась в трудное для семьи время. Каролина ждала ребенка и была не совсем здорова. После долгих мучений она произвела на свет девочку.

Для того чтобы содержать семью, Карл брался за любой заказ. В середине марта 1819 года он слег, а через месяц умерла его дочь. Каролина пыталась скрыть от мужа несчастье и вскоре сама тяжело заболела. Ей удалось поправиться гораздо быстрее мужа, который впал в настолько глубокую депрессию, что не мог писать музыку. Но уже в июле и августе Вебер много сочинял – в работе он находил утешение от жизненных бед.

Карл сумел преодолеть кризис и приступил к завершению «Вольного стрелка».

Премьера оперы состоялась 18 июня 1821 года в Берлине. Ее ждал настоящий триумф. Бетховен с восхищением произнес: «В общем мягкий человек, я от него этого никак не ожидал! Теперь Вебер должен писать оперы, только оперы, одну за другой».

Окрыленный успехом, Карл принялся сочинять «Эврианту». Он жил в загородном домике, по несколько раз в неделю наезжая в Дрезден – то в карете, то верхом. Завершению «Эврианты» предшествовало радостное событие – рождение сына 25 апреля 1822 года. В тот день шел «Вольный стрелок», и младенец в честь героя оперы получил имя Макс Мария.

Дрезден тепло принял «Эврианту». Успех определился уже на репетициях. Все испытывали необычайный подъем.

Однако постановка «Эврианты» на других сценах (Франкфурт, Кассель, Прага) сопровождалась лишь полууспехом, что не могло не огорчать ее автора.

Вебер давно страдал болезнью легких. По возвращении в Дрезден здоровье его резко ухудшилось: непрерывный кашель сотрясал все тело; речь стала почти неслышной, он с

трудом держался на ногах. Однако все просьбы Каролины и друзей отказаться от поездки в Англию, где хотели поставить его оперу, были напрасны. Вебер прекрасно понимал, что при туберкулезе путешествие в сырой Лондон – самоубийство. Но выхода не было. «Не все ли равно? – говорил он. – Поеду я или не поеду, я в этом году умру. Однако если я поеду, мои дети будут иметь пищу, когда их отец умрет, и они будут голодать, если я останусь».

Рано утром 7 февраля 1826 года, после ночи, проведенной в слезах, простившись с Каролиной и перецеловав спящих детей, Вебер покинул Дрезден.

В апреле состоялась премьера «Оберона». Это был беспрецедентный триумф Карла Марии фон Вебера. Публика вынудила его выйти на сцену – событие редчайшее для английской столицы.

Увы, через два месяца, 5 июня 1826 года, композитор скончался от туберкулеза легких и опухоли в гортани. Ему не было и сорока лет. 21 июня при огромном стечении народа под звуки Реквиема Моцарта Лондон хоронил Вебера.

Страшное известие Каролине должна была передать ее близкая подруга. Но, приехав в Пильниц, где в летнем домике жила Каролина, она не решилась пойти к ней, а направилась к соседу, чтобы вместе с ним подготовить несчастную к известию о смерти мужа. Но Каролина услышала шум подъезжающей кареты, выбежала навстречу и сразу обо всем догадалась. Четырехлетний Макс бросился вслед за ней и увидел мать лежащей на траве без чувств...

14 декабря 1844 года, под звуки траурного марша, сочиненного Вагнером на мотивы «Эврианты», прах Вебера был опущен в родную землю. На траурном торжестве присутствовали Каролина и Макс (младший сын, Александр, незадолго до этого умер).

Джоаккино Россини и Изабелла Кольбран

В сентябре 1815 года Доменико Барбайя, крупнейший итальянский импресарио, приглашает в Неаполь Джоаккино Россини.

«Эту публику нужно ошеломить! – говорил Барбайя. – Никаких тонкостей – только сила. Никаких нежностей – кипучие страсти. Никаких нюансов – петь в полную мощь». А потом добавил: «Рекомендую тебе Кольбран».

Россини знал, почему он рекомендует именно ее. Испанская певица была сердечной подругой Барбайи. Кроме того, ей покровительствовал король. Но, главное, Изабелла Кольбран имела редкостное сопрано. Она обладала тонким музыкальным вкусом и славилась актерским дарованием трагедийного накала. Красивая, высокая женщина с пышными формами, она была в зените славы.

Когда Джоаккино еще мальчиком принимали в Музыкальную академию Болоньи, было объявлено, что ее членом стала молодая, но уже знаменитая певица – Изабелла Кольбран. Ей было тогда двадцать один год, ему – четырнадцать лет. Теперь же, как того требовала галантность, оба утверждали, что они примерно одногодки. Россини в свои тридцать лет и в самом деле выглядел молодым человеком. Кольбран же не скрывала своего возраста. «Это была очень эффектная женщина, – пишет А. Фраккароли, биограф Россини. – Ярко выраженная испанка – огромные черные глаза, полные губы, смугловатая кожа. Высокого роста, она со своей немалой полнотой выглядела весьма солидной, внушительной дамой, но это нисколько не мешало ей держаться с изяществом и быть элегантной. Словом, красивая женщина, такого типа, какой нравился Россини».

Изабелла и Джоаккино сразу же потянулись друг к другу. Оба были красивые, молодые, знаменитые, оба привыкли к беззаботной жизни и страстно любили искусство.

В течение шести лет Изабелла и Джоаккино не раз сближались и расставались, снисходительно относясь друг к другу и взаимно прощая измены. Ее искренние слова любви доставили Джоаккино огромную радость. В порыве быстро вспыхивающей и столь же быстро гаснущей страсти они стали думать о том, что неплохо бы соединиться в браке и жить не разлучаясь, вместе работать в театре.

...Оперу «Зельмира» Россини писал торопливо, да и репетировали ее наспех, хотя и с превосходным дирижером Фестой и под наблюдением автора. Премьера состоялась 16 февраля 1822 года. Публика в первый же вечер встретила оперу восторженно.

Неделю спустя Россини выехал из Неаполя. Вместе с ним в коляске сидела Кольбран. Изабелла покидала не только Неаполь, она выходила замуж за Россини.

Соединиться в браке они решили еще пять месяцев назад и держали это намерение в тайне. Нужно было не вызвать подозрений и ревности Барбайи, избежать сплетен и пересудов публики.

Пылкий, но практичный, Россини не забывал и о материальной стороне дела, находя, что союз этот хорош со всех точек зрения. Он зарабатывал такие деньги, какие не зарабатывал ни один другой маэстро. И Кольбран была богата, была знаменитой певицей, и голос ее приносил ей огромные деньги, а рядом с таким прославленным композитором, как Россини, доходы ее увеличатся еще больше. И маэстро тоже обеспечивал свои оперы великолепной исполнительницей.

Бракосочетание состоялось в Кастеназо, недалеко от Болоньи, в часовне Верджине дель Пилар на вилле Кольбран. Они обвенчались через девять дней после отъезда из Неаполя – 6 марта 1822 года, – обвенчались поспешно, без обычного объявления в церкви, без пышных торжеств.

Только неделю из медового месяца провели они на вилле в Кастеназо. Затем супруги отправились в Вену согласно контракту с Итальянским театром у Каринтийских ворот.

Контракт этот предложил Барбайя, не подозревавший, что Джоаккино и Изабелла вернутся к нему мужем и женой. Он жил в Вене уже три с половиной месяца, готовя большой итальянский сезон, состоявший в основном из опер Россини.

Первая встреча супругов с Барбайей вылилась в весьма резкое выяснение отношений. Импресарио, узнав о женитьбе, сначала решил, что его разыгрывают – от весельчака Россини всего можно ожидать. Барбайя никак не мог успокоиться, но Джоаккино помог ему быстро прийти в себя, сделав только одно замечание: «Выходит, ты предпочитаешь, чтобы я покинул тебя? Хочешь – пожалуйста... Только скажи. Разумеется, со мной уедет и Изабелла».

Барбайя был вынужден отступить. Вскоре начались репетиции «Зельмиры». Этим спектаклем для супружеской четы начался триумфальный сезон.

26 марта 1827 года в переполненном зале французского театра Одеон состоялась премьера «Моисея» Россини. Успех был грандиозный. Но незадолго до премьеры умирает мать композитора. Вместе с трауром начался разлад в семье маэстро. Синьора Изабелла была в зените славы, но голос ее начал звучать неровно. В Париже она пела в «Семирамиде», стараясь своим изумительным мастерством скрыть слишком явные недостатки голоса, но это принесло ей большое разочарование.

Слишком умная и тонкая певица, она хорошо понимала, что упорствовать бессмысленно, и оставила сцену. Пытаясь отвлечься от мрачных мыслей, Кольбран начала играть в карты. Друзья певицы собирались в доме маэстро и играли вечера напролет.

Он пытался отвлечь ее от пагубной страсти. Желая показать, что не одобряет сборище картежников, Джоаккино не раз покидал гостиную, ни с кем не попрощавшись.

Россини отправляется в длительную поездку. Путешествие в Испанию, и особенно в Бельгию и Германию, показало маэстро, как высоко чтит его весь мир. Никогда еще ни один музыкант на свете не пользовался такой широкой, поистине всемирной известностью и признанием. Заграничный вояж маэстро затянулся. По возвращении в Болонью или Кастеназо – он знал это – его ожидает не слишком приятная ситуация. Если не считать недолгого пребывания в Италии год назад, когда он приезжал на родину из-за болезни, прошло шесть лет с тех пор, как он покинул Изабеллу. Даже при всей снисходительности к самому себе он признавал, что поступил очень несправедливо по отношению к жене. Тем более что другая страсть – Олимпия Пелиссье – завладела им. Эта особа была немолода (ей за сорок), не очень умна, с сомнительным прошлым и не очень строгой моралью.

Изабелла, оставленная мужем, созывала гостей, приглашала певцов и певиц – своих старых знакомых по театру, устраивала концерты, банкеты. Ей нужны были деньги на расходы.

Кольбран быстро устала от такой жизни – с мужем, который вовсе и не муж и совершенно забыл ее. К тому же она знала о существовании Пелиссье, поэтому на предложение Россини расстаться она ответила согласием. Через адвокатов были оговорены условия.

Маэстро оставлял жене виллу Кастеназо («Как великодушно – она же моя!» – заметила Изабелла), сто пятьдесят скудо в месяц и скромную квартиру в городе на зимнее время. Россини был доволен собой: «Я поступил благородно, во всяком случае, все настроены против нее из-за бесконечных безумств».

Как только было принято решение о разводе, маэстро вызвал в Болонью Олимпию Пелиссье. Изабелла пригласила ее к себе в гости вместе с Россини. Вот тогда и был разыгран этот феноменальный спектакль. Любезнейшим образом встретила Кольбран свою заместительницу, и тем самым унизила мужа, дав ему понять, что о нем никто не сожалеет и никому он не нужен.

...Летом 1845 года, охваченный какой-то странной тоской, Россини решил выяснить, как поживает его бывшая жена. Оказалось, что Кольбран существует на скромные средства и старается не уронить свое достоинство. Старые коллеги по театру, бывая в Болонье, охотно навещали ее, и синьора Изабелла всегда встречала их радушно. Иногда она устраивала домашние концерты, давала уроки пения синьоринам из богатых семей.

Когда Изабелла серьезно заболела, Россини поспешил в Кастеназо, в котором не был целых семь лет. Бывшие супруги встречаются. Через полчаса Джоаккино покидает ее. Верный слуга, провожающий маэстро, замечает, что по лицу его ручьем текут слезы. «Бедная женщина, бедная женщина!» – вздыхает Россини. Прерывающимся от волнения голосом он приказывает службе исполнять любое желание синьоры, а если что-то понадобится, сразу же обращаться к нему и постоянно сообщать ему о ее здоровье.

Месяц спустя Изабелла Кольбран умирает. Ее последние слова были обращены к Россини: «Мой Джоаккино!» Она звала его с такой безутешной печалью, что все, кто был рядом, невольно прослезились.

Через десять месяцев после смерти Изабеллы, 16 августа 1846 года, Россини и Олимпия Пелиссье обвенчались, почти тайно, без церемоний, в небольшой часовне на вилле...

Сергей Волконский и Мария Раевская

... 11 января 1825 года в Киеве девятнадцатилетняя дочь прославленного генерала Раевского выходит замуж за Сергея Волконского. Шафером на свадьбе был Павел Пестель, среди гостей – Леонтий Дубельт, в то время один из друзей дома Раевских, а впоследствии начальник штаба корпуса жандармов.

Родители невесты думали, что обеспечили Марии блестящую, по светским воззрениям, будущность. Сергей Волконский принадлежал к старинному княжескому роду участвовал в турецкой кампании, особо отличился в Отечественной войне 1812 года, получив чин генерал-майора.

Вокруг брака Волконских существует множество разноречивых суждений. Бытует мнение, что юная Мария Николаевна вышла замуж без любви, покорная воле родителей. А разве не мог блестящий генерал, герой тех же сражений, в которых участвовал горячо любимый ею отец, пробудить в ней интерес и симпатию, позднее переросшие в привязанность и любовь?..

Несколько месяцев молодые прожили вместе, потом Мария заболела и с матерью и сестрой отправилась в Одессу на морские купания. Князь остался при своей дивизии. «До свадьбы я его почти не знала, – пишет Волконская. – Я пробыла в Одессе все лето и, таким образом, провела с ним только три месяца в первый год нашего супружества; я не имела понятия о существовании Тайного общества, которого он был членом. Он был старше меня лет на двадцать и потому не мог иметь ко мне доверия в столь важном деле».

Волконский приехал за женой к концу осени, отвез ее в Умань, где стояла его дивизия, а сам отбыл в Тульчин – главную квартиру второй армии. События развивались стремительно: «Он вернулся среди ночи; он меня будит, зовет: “Вставай скорей”, я встаю, дрожа от страха... – рассказывает Мария Волконская в своих “Записках”. – Он стал растапливать камин и сжигать какие-то бумаги. Я ему помогла, как умела, спрашивая, в чем дело? – “Пестель арестован”. – “За что?” – Нет ответа». Уничтожив все бумаги, имевшие отношение к делам общества, Волконский отправляет жену в родительское имение Болтышки.

2 января 1826 года Мария Николаевна родила сына Николая. Через три дня Волконский приезжает повидать ребенка, а 7-го числа его арестовывают в Умани. Около двух месяцев с воспалением мозга проводит в постели молодая мать. Дома – заговор молчания. К ней никого не допускают, письма просматриваются.

Об аресте мужа Марии становится известно лишь 3 марта от генерала Раевского. Она пишет Волконскому: «Всего два дня назад я узнала о твоём аресте, милый друг. Я не позволяю себе отчаиваться [...] Какова бы ни была твоя судьба, я ее разделю с тобой, я последую за тобой в Сибирь». Три дня спустя Волконская заявляет старшему брату Александру: «Сергей – лучший из мужей и будет лучшим из отцов, и я его сейчас люблю более, чем когда-либо, ведь он несчастен...»

Повинуясь зову сердца, Мария Николаевна устремляется в Петербург, надеясь добиться свидания с Волконским, заключенным в Алексеевский равелин Петропавловской крепости. В это время ее брат Александр ставит князю условия, на которых может состояться свидание. Сергей Григорьевич обязан утаить от жены степень своей виновности и настоять на том, чтобы она тотчас же вернулась к сыну.

Волконский согласился на условия Раевских, о чем позднее сожалел. Свидание состоялось 22 апреля в доме коменданта крепости и в его присутствии.

23 апреля она сообщает мужу: «Я уезжаю завтра – раз ты этого желаешь» и возвращается к сыну в Александрию, имение Браницких близ Белой Церкви.

Волконский был осужден к 15 годам каторги и дальнейшему поселению. Узнав об этом от брата, Мария Николаевна сразу объявила, что последует за мужем. Она сознавала, что ей придется разлучиться с сыном, правда, как тогда думала, лишь на время, на один год, после чего вернется за ним.

В октябре Сергей Волконский был доставлен в Благодатский рудник Нерчинских горных заводов. Декабристам приходилось работать в кандалах в тесных шахтах. Волконский не скрывал в письмах тех трудностей, которые возникнут перед ней, если она решится отправиться в Сибирь.

Однако Марию Николаевну ничто не могло остановить. Она заложила свои бриллианты, заплатила некоторые долги князя и отправила государю письмо, прося разрешения следовать за мужем. Такое разрешение было получено 21 декабря 1826 года.

Волконская долго не решалась сказать отцу, что назначает его опекуном Николиньки. При расставании генерал Раевский благословил дочь и отвернулся, не в силах вымолвить ни слова. Она смотрела на него и думала: «Все кончено, больше я его не увижу, я умерла для семьи».

29 декабря Волконская покинула Москву. Путь был нелегок – 6 тысяч верст. Дважды по приказанию императора Николая I пытались вернуть ее с дороги: первый раз в Казани, вто-

рой – в Иркутске, где гражданский губернатор Цейдлер делал все возможное, чтобы отговорить княгиню от дальнейшего следования. Однако старания его оказались тщетными. Губернатор взял с нее подписку, в которой среди прочего сообщалось: «Жена, следуя за своим мужем и продолжая с ним супружескую связь, делается естественно причастной его судьбе и потеряет прежнее звание, то есть будет уже признаваема не иначе, как женою ссыльно-каторжного».

Долгожданная встреча произошла 12 февраля. «В первую минуту я ничего не разглядела, так как там было темно, – пишет Мария Волконская, – открыли маленькую дверь налево, и я поднялась в отделение мужа. Сергей бросился ко мне; бряцание его цепей поразило меня: я не знала, что он был в кандалах. Суровость этого заточения дала мне понятие о степени его страданий. Вид его кандалов так воспламенил и растрогал меня, что я бросилась перед ним на колени и поцеловала его кандалы, а потом – его самого».

Почти одновременно с Волконской в Благодатский рудник прибыли Екатерина Трубецкая и Александра Муравьева. Приезд жен сказался благотворно на душевном настрое декабристов, хотя они могли видеться только два раза в неделю в присутствии офицера и унтер-офицера... Появилась возможность наладить связь с родными. Женщины взяли на себя не только переписку со своими близкими, они регулярно писали письма и родственникам других осужденных. Им удавалось переправлять в тюрьму продукты, табак, книги.

Пребывание в Благодатском руднике продолжалось 11 месяцев. Весть о переезде в Читу вселила надежду на лучшие перемены. Климат там был значительно здоровее сырого климата рудников. Да и работа была полегче: декабристам предстояло засыпать рвы, ремонтировать дороги, чистить улицы.

В августе 1828 года пришло разрешение снять кандалы. Это было несказанным облегчением, хотя, как пишет Мария Волконская, первое время странным казалось их отсутствие.

В Чите Волконских настигло и первое горе: в январе 1828 года умер их сын Николино.

Через полтора года новое потрясение – Мария Николаевна узнала о смерти отца.

Осенью 1830 года декабристов разместили в специально выстроенном каземате при железоделательном Петровском заводе, неподалеку от Верхнеудинска. В новом остроге почти каждый заключенный получил небольшое помещение. Супругам разрешили жить вместе. «...В нашем номере я обтянула стены шелковой материей (мои бывшие занавеси, присланные из Петербурга). У меня было пианино, шкаф с книгами, два диванчика, словом, было почти все нарядно», – вспоминает Волконская. С этого времени «начался в Петровске длинный ряд годов без всякой перемены в нашей участи».

Но «перемены» были. В 1832 году у Волконских родился сын Михаил, через два года – дочь Елена. Всю свою энергию Мария Николаевна отдает воспитанию детей: «Я жила только для вас, я почти не ходила к своим подругам. Моя любовь к вам обоим была безумная, ежеминутная».

23 декабря 1834 года умирает мать Сергея Григорьевича. При вскрытии ее духовного завещания было обнаружено письмо к императору с просьбой «облегчить участь сына, принадлежащего к числу государственных преступников по происшествию 14 декабря 1825 г., и вывести его из Сибири, где он доньше находится в каторжной работе, дозволив ему жить под надзором в имении». Царь из уважения к ее памяти повелел «государственного преступника Сергея Волконского освободить ныне же от каторжной работы, обратив в Сибири на поселение».

Свобода на поселении ограничивалась для мужчин – правом гулять и охотиться в окрестностях, а дамы могли ездить в город для покупок. Родные присылали им сахар, чай, кофе и другие продукты, а также одежду. В Урике у Сергея Григорьевича появились более широкие возможности для занятий земледелием.

На первых порах в домашнем обучении Миши Волконского роль педагогов с успехом исполняли товарищи по изгнанию. Но домашнее образование было недостаточным. Ссылаясь на свое болезненное состояние, требующее постоянного лечения, Мария Николаевна добивается разрешения переехать с сыном в Иркутск. Через несколько месяцев к ним присоединился и глава семейства.

Дом Волконского усилиями его жены превратился в своеобразный центр духовной жизни Иркутска. Здесь всегда было много народу, устраивались балы, маскарады, домашние спектакли.

Мишу удалось устроить в Иркутскую гимназию, которую он окончил с золотой медалью. Дальнейшая судьба сына декабриста складывалась вполне благополучно. Он был принят в канцелярию генерал-губернатора Восточной Сибири Николая Николаевича Муравьева – человека «больших достоинств и прогрессивных взглядов», как характеризовал его М. Фонвизин.

А вот судьбу дочери Мария Николаевна устраивает вопреки воле отца, выдав замуж за чиновника канцелярии иркутского генерал-губернатора Дмитрия Молчанова, человека весьма сомнительной репутации. Через два года ей пришлось об этом пожалеть. Молчанов был обвинен во взяточничестве, отдан под суд, вскоре заболел и, сойдя с ума, умер.

Летом 1855 года Волконский остается в Иркутске в одиночестве. Здоровье Марии Николаевны ухудшилось, и ей разрешили выехать для лечения в Москву. 6 августа 1855 года она покинула Иркутск. Но декабрист не жалуется. «Я в своем одиночестве живу ладненько, – пишет он И. Пущину, – счастлив тем, что это одиночество обеспечит спокойствие, утешение моим». Однако надежда на встречу с близкими не покидает его.

26 августа 1856 года по случаю коронации Александра II выходит манифест, который дарует декабристам «все права потомственного дворянства, только без почетного титула, прежде им носимого, и без прав на прежние имущества, с дозволением возвратиться с семейством из Сибири и жить где пожелает в пределах империи, за исключением С. Петербурга и Москвы, но под надзором». 30 августа детям декабристов Волконского и Трубецкого был возвращен княжеский титул.

В сентябре Сергей Григорьевич выезжает из Иркутска в Москву. Официально он поселяется в деревне Зыково Московского уезда, но большую часть времени, пользуясь покровительством московского генерал-губернатора Закревского, проводит в Москве в доме дочери.

В 1857 году за границу для лечения уезжает Мария Николаевна с овдовевшей дочерью. В сентябре следующего года Сергей Григорьевич получает высочайшее разрешение присоединиться к ним на три месяца. Путешествие это, однако, затянулось, так как обострилась болезнь самого Волконского. За время пребывания за границей он посетил многие города Европы – Дрезден, Франкфурт, Париж, Рим...

Лето 1863 года Волконский проводит в семье сына в Фалле. Здесь он, прикованный к постели жесточайшим приступом подагры, получает горестное известие о смерти Марии Николаевны, случившейся 10 августа.

Смерть жены так повлияла на Волконского, что вернувшийся после похорон сын был потрясен переменой, произошедшей с отцом: болезнь усугубилась, ноги почти перестали служить, пришлось прибегнуть к креслу на колесах. Только летом следующего года Волконский смог съездить на могилу жены.

Резко ухудшившееся здоровье заставляет Михаила Волконского перевезти отца в Петербург, где Сергей Григорьевич проводит свою последнюю зиму. К лету он перебирается в Воронки, к дочери. Однако здесь декабрист прожил недолго. 28 ноября 1865 года Елена сообщила брату: «Отец скончался в час пополудни без страданий, после причастия тихо заснул. Вчера сидел в галерее и писал».

Александр Пушкин и Наталья Гончарова

В конце 1828 года на балу у знаменитого московского танцмейстера Йогеля поэт Александр Сергеевич Пушкин встретил 16-летнюю Наталью Гончарову. Юная красавица только начала выезжать в свет, но о ней уже говорили с восхищением.

Очарованный «романтической» прелестью девушки, Пушкин вскоре сделал ей предложение и получил неопределенный ответ. Но он не отступил: слишком сильна была его влюбленность. Наталья казалась ему такой спокойной, нежной, умиротворяющей.

И вот наконец в апреле 1830 года согласие было получено. «Участь моя решена. Я женюсь... Та, которую любил я целые два года, которую везде первую отыскивали глаза мои, с которой встреча казалась мне блаженством – боже мой – она... почти моя...», – пишет Пушкин сразу после помолвки.

Он готовился к браку с величайшей ответственностью, устроил денежные дела.

Все это позволило ответить на многочисленные претензии и притязания будущей тещи Натальи Ивановны, происходившей из старинного дворянского рода Загряжских. Майорат Гончаровых Полотняный Завод, в который входили калужские фабрики и несколько имений, находился в упадке.

Накануне свадьбы Пушкин собрал своих приятелей на «мальчишник». Пришли Нащокин, Вяземский, Д. Давыдов, Баратынский, Языков, Иван Киреевский, брат Левушка. Разговаривали, спорили, читали стихи, кричали, шумели, много пили.

Венчание Пушкина и Гончаровой состоялось 18 февраля 1831 года в церкви Большого Вознесения у Никитских ворот.

Свадьба прошла торжественно, но во время венчания упали с аналоя крест и Евангелие, когда молодые шли кругом. Потом у поэта потухла свечка. «Tous les mauvais augures» («Все плохие предзнаменования»), – сказал Пушкин. К слову – у матери новобрачной разбивается зеркало. Наталья Ивановна пророчески восклицает: «Добра не будет!»

Итак, свадьба состоялась. Надо всем теперь царило радостное и непривычное чувство. «...Женка моя прелесть не по одной наружности», – пишет поэт Плетневу. «Светлое существование» – так он назвал первое время супружеской жизни. Наталья Николаевна была достаточно образованна, чтобы понимать мужа. Она безукоризненно говорила и писала на французском языке, знала английский и могла изъясняться на немецком.

После свадьбы Пушкины прожили в Москве почти три месяца – до 15 мая. Теща Наталья Ивановна не переставала мучить поэта денежными требованиями, клеветала на него дочери, попрекала безбожием, безнравственностью, даже скупостью. Жизнь рядом с ней в Москве становилась невыносимой. Александр Сергеевич вместе с молодой женой уехал в Царское Село, на дачу, которую снял для них Плетнев.

С переездом осенью 1831 года в Петербург Наталья Николаевна через тетку свою, уважаемую при дворе фрейлину Загряжскую, перезнакомилась со всей знатью. В ноябре сестра Пушкина писала своему мужу: «Моя невестка – женщина наиболее здесь модная; она вращается в самом высшем свете, и говорят вообще, что она – первая красавица; ее прозвали Психеей». Все были влюблены в жену Пушкина. Император Николай садился на ужинах рядом с ней.

Ревность поселилась в доме Пушкиных с самого начала семейной жизни, причем ревность взаимная, но если Александр Сергеевич ревнует горячо и быстро отходит, то Наталья Николаевна действует методично и жестоко.

Пушкин всегда был готов увлечься понравившейся ему женщиной. Супружество в этом отношении несколько его не изменило. С. Н. Карамзина, дочь историка, писала в 1834 году: «Жена Пушкина часто и преискренно страдает мучениями ревности, потому что посредственная красота и посредственный ум других женщин не перестают кружить поэтическую голову ее мужа».

Однажды на балу у австрийского посла Фикельмона поэт усердно ухаживал за приехавшею из Мюнхена белокурой красавицей баронессой Крюднер. Наталья Николаевна это заметила и дома отвесила мужу полновесную пощечину. Пушкин со смехом сообщал Вяземскому, что «у его мадонны рука тяжеленька».

Жизнь Натальи Николаевны проходила в непрерывных увеселениях, празднествах и балах. Возвращалась домой часов в четыре-пять утра, вставала поздно; обедали в восемь вечера; после обеда она переодевалась и опять уезжала. Пушкин вынужден был сопровождать ее, хотя на балах ужасно скучал.

Александр Сергеевич полагал, что после женитьбы ему придется проживать вдвое больше, чем в холостое время. Оказалось – вдесятеро!

В феврале 1833 года Пушкин жалуется Нащокину: «Жизнь моя в Петербурге ни то, ни сё. Заботы мешают мне скучать. Но нет у меня досуга, вольной холостой жизни, необходимой для писателя. Кружусь в свете; жена моя в большой моде; все это требует денег, деньги достаются мне через мои труды, а труды требуют уединения».

В семье Пушкиных родилось четверо детей. Первая дочь Маша появилась на свет в Петербурге в мае 1832 года.

Любимец, старший сын Сашка, родился в июле 1833 года. Наследник вполне оправдал свою фамилию, избрав военную стезю, никогда «не баловался» стихотворчеством, впрочем, как и все дети Пушкина. От этого их некогда предостерегал отец: «Посмотрим, как-то наш Сашка будет ладить с порфирородным своим тезкой, с моим тезкой я не ладил. Не дай Бог ему идти по моим следам, писать стихи да ссориться с царями! В стихах он отца не перещеголяет, а плетью обуха не перешибет».

Нащокин рассказывает, что поэт «плакал при первых родах и говорил, что убежит от вторых». Действительно, весной 1835 года он вдруг уехал в деревню, собирался возвратиться «прежде десяти дней, чтобы поспеть к родам Наташи», но опоздал и приехал, когда жена уже родила сына, нареченного Григорием в честь далекого предка по линии отца.

В мае 1836 года жена опять должна была родить – опять Пушкин задержался в Москве у Нащокина и по возвращении писал ему: «Я приехал к себе на дачу в полночь и на пороге узнал, что Наталья Николаевна благополучно родила дочь Наталью за несколько часов до моего приезда».

В последний день 1833 года Пушкин был пожалован в камер-юнкеры, что было неприлично для его 34 лет. Теперь Наталья Николаевна могла танцевать в Аничковом дворце, где собирался довольно тесный круг придворных.

Вместе с униженным камер-юнкерством Пушкин получил массу хлопот и расходов. На каждый бал жене требовались новые платья и украшения. К тому же дела его родителей оказались настолько запутаны, что поэту пришлось взять их долги на себя.

Летом 1834 года Наталья Николаевна уезжает в семейное имение Полотняный Завод, и Пушкин пытается освободиться от царевой опеки. Он просится в отставку. Из письма к жене: «На днях хандра меня взяла: подал я в отставку. Но получил от Жуковского такой нагоняй, а от Бенкендорфа такой абшид, что я вструхнул и Христом Богом прошу, чтоб мне отставку не давали...»

Наталья Николаевна сообщает ему, что вернется в Петербург вместе с сестрами и что они будут жить в их доме.

В сентябре 1834 года Пушкин живет в Болдине, устраивая дела отца и ожидая вдохновения. Но уже в середине октября он возвращается в Петербург. Присутствие сестер Гончаровых – Екатерины и Александрины – не только осложнило семейную жизнь Пушкина, но и внесло дополнительное напряжение. В результате – отчужденность, холодность жены, гнев и ревность мужа.

Летом 1835 года Пушкин делает еще одну попытку освободиться от унижительной зависимости перед государем, он просит об отставке и разрешении выехать в деревню на несколько лет. Но ничего не получается. Император через Бенкендорфа передает, что слушать никого не заставляет, но в случае отставки Пушкин лишается права работать в архивах. Смягчая жесткость отказа, Николай предлагает отпуск на полгода и ссуду в 30 тысяч рублей.

Выбора у поэта нет. Лишиться права работать в архивах именно тогда, когда он так активно занят историей Петра Великого, невозможно. Пушкин принимает предложение царя. Однако Наталья Николаевна категорически отказывается ехать в деревню. Поэт не хочет уступать. Если не едут они все, то поедет он один...

В светском обществе Пушкин и его жена были в моде: она – за красоту и изящество манер, он – за ум и талант. Но их не любили и охотно распространяли о супругах ядовитые сплетни. Александр Сергеевич и раньше не отличался сдержанностью. Теперь же, когда приходилось жить в долгах, он бывал резок до крайности. Он часто бывал в разъездах и боялся, чтобы Наталья Николаевна не сделала в свете ложного шага.

Тем временем в высшем свете видное положение занял кавалергардский поручик барон Жорж Дантес, принятый на русскую службу и усыновленный голландским посланником бароном Геккерном. Самоуверенный красавец, живой, веселый, остроумный, везде желанный гость.

По иронии судьбы Дантес оказался дальним родственником Натальи Николаевны. Пушкин приглашает его в свой дом. Француз проявляет определенный интерес к жене поэта, но при этом не выходит за пределы приличий. Он бывает в их доме, ездит с ней на прогулки.

Однако Пушкин обеспокоен. В мае 1836 года он отчитывает жену: «И против тебя, душа моя, идут кое-какие толки... видно, что ты кого-то довела да такого отчаяния своим кокетством и жестокостью, что он завел себе гарем из театральных воспитанниц. Нехорошо, мой ангел; скромность есть лучшее украшение вашего пола».

4 ноября 1836 года Александр Сергеевич получил три экземпляра анонимного послания, заносившего его в орден рогоносцев и, как он был убежден, намекавшего на настойчивые ухаживания за его женой бароном Дантесом.

Пушкин отказал французам от дома. Но сплетни не прекращались, и поэт вызвал Дантеса на дуэль. Тот принял вызов, но через барона Геккерна попросил отсрочки на пятнадцать дней.

За это время выяснилось, что Дантес сделал предложение Екатерине Николаевне Гончаровой – и Пушкин взял свой вызов назад. В январе 1837 года состоялась свадьба. Друзья поэта успокоились, посчитав инцидент исчерпанным. Но они ошибались. Пушкин послал Дантесу новый вызов.

Дуэль состоялась на Черной речке 27 января 1837 года. Дантес выстрелил первым и смертельно ранил Пушкина.

Поэта отвезли домой. Александр Сергеевич благословил детей, просил не мстить за него, простился с друзьями и книгами. На смертном одре, через несколько часов после дуэли, он сказал о Наталье Николаевне доктору Спасскому: «Она, бедная, безвинно терпит и может еще потерпеть во мнении людском».

Великий поэт скончался 28 января. Его отпевали в придворной конюшенной церкви, после чего А. И. Тургенев отвез его тело для погребения в Святогорский монастырь близ Михайловского.

Перед смертью Пушкин успел отдать Наталье Николаевне наказ, ставший последним: сколько она должна носить траур и печалиться... Точно по этому наказу она все и исполнит. Но замуж выйдет не через завещанных быстрых два года, а после долгих семи лет.

Наталья Николаевна вместе с детьми и сестрой Александрinou уехала в Полотняный Завод. В Петербург она вернется в январе 1839 года и будет жить вдали от света, встречаясь только с друзьями Пушкина.

В 1844 году Наталья Николаевна вышла замуж за кавалергардского генерал-майора Петра Петровича Ланского, человека порядочного, доброго. Она родила ему сына Александра и дочерей Софью и Елизавету. Пушкин обеспечит будущее своих детей – за посмерт-

ное издание сочинений наследники получают 50 тысяч рублей. Наталья Николаевна скончалась 26 ноября 1863 года.

Гектор Берлиоз и Гарриэт Смитсон

В сентябре 1827 года молодой композитор Гектор Берлиоз увидел в Париже знаменитую ирландскую актрису Гарриэт Смитсон и страстно, до безумия, влюбился в нее. Она пленила его своей грацией, обаянием, красотой. Гарриэт создавала на сцене незабываемые образы Офелии и Джульетты. Восхищенный ее талантом, Берлиоз писал: «Я узнал смысл великолепия, красоты, сценической правды... Изучение высокой драматической музыки стало религией, которой я отдался душой и телом».

Однако Гарриэт осталась равнодушной к чувствам одного из многих своих поклонников. В записях, отражавших то, как порывистый Гектор атаковал ирландскую актрису, слились факты и вымысел. Посылал ли он Гарриэт столько цветов, что она сочла его сумасшедшим? Бросался ли он на мостовую так, что она приказала своему кучеру выбрать другой маршрут? Заявил ли он ей: «Я ваш раб!», на что она, как говорят, возразила: «Рабство отменено!»? Сам Берлиоз писал: «Сон был более не властен надо мной... Я бесцельно бродил по парижским улицам... Вернувшись после одного из таких странствий (во время которого я выглядел как человек, ищущий свою потерянную душу), я наткнулся дома на копию ирландских мелодий Томаса Мура и, открыв ее на странице, начинавшейся словами «Когда тот, кто тебя обожает», сразу же написал музыку к душераздирающему прощанию. Эту песню я назвал Элегией».

Гектор работает со страстным увлечением, утоляя музыкой великую жажду любви. Гарриэт должна узнать его не как сумасшедшего поклонника, а как великого маэстро. Он

делает наброски «Тайных судей» и пишет увертюру. Но ничего еще не закончено. Поэтому он берется за новую редакцию «Мессы».

В день святой Цецилии, 22 ноября 1827 года, «Месса» звучит в стенах церкви Сент-Эташ. Но Берлиоз в отчаянии: Гарриэт в храм не пришла. И это вполне объяснимо – она любимица Парижа. Сотни поклонников ее таланта не смогли попасть на бенефис Смитсон в Опере.

Берлиоз не сдается и начинает сочинять самую фантастическую симфонию, о которой непременно все заговорят. Тогда Гарриэт сама будет искать знакомства с ним.

Но Смитсон отправляется в длительное турне, а сам Берлиоз дает в пансионе уроки игры на гитаре. Здесь он познакомился с бойкой, жизнерадостной Камиллой Мок, которая вела класс фортепиано. Пылкий маэстро до того увлекся Камиллой, что готов был предложить ей руку и сердце. Но в 1830 году он получил престижную Римскую премию и на три года уехал в Италию.

7 ноября 1832 года Берлиоз вернулся из Италии. Он снял квартиру в любимом парижском районе на улице Нев-Сен-Марк. И тут Гектор узнал, что совсем недавно из этой квартиры выехала Гарриэт. Страстные воспоминания о прежней любви тут же ожили в нем.

Между тем дела у актрисы и ее собственной труппы шли далеко не блестяще.

Берлиоз пригласил Офелию на свой концерт, программу которого составили Фантастическая симфония и монодрама Лелио. Гектор хотел объявить Офелии о своих чувствах в возвышенной манере.

На другой день маэстро добился разрешения быть представленным мисс Смитсон. Она говорила на ломаном французском, он – на плохом английском. Гектор отваживается произнести: «Я благословляю провидение, даровавшее мне эту минуту высшего восторга».

Теперь они встречаются регулярно. Восторженный Берлиоз пишет отцу, что хочет взять в жены ирландскую актрису Гарриэт Смитсон. Убеденный роялист доктор Берлиоз и его набожная жена запретили сыну даже думать об этом.

Гектор подписывает у парижского нотариуса первую просьбу о разрешении на вступление в брак и отправляет ее родителям. Отныне он в ссоре с семьей. Берлиоза не смущает, что Офелию преследуют кредиторы (четырнадцать тысяч франков долгов – крупная сумма по тем временам). Желая произвести на Гарриэт впечатление, он отдает ей свою стипендию, оставаясь без гроша в кармане.

8 начале марта Гарриэт поскользнулась и сломала ногу. Гектор сделался ее верной сиделкой. Он говорил: «Если даже она будет покинута небом и землей, я все равно останусь подле нее, такой же пылкий и такой же верный в любви, как и в дни расцвета ее славы».

2 апреля 1833 года в зале Фавар состоялся бенефис Смитсон и Берлиоза. В антракте играли Шопен и Лист. Выручка в 6500 франков позволила погасить часть долгов актрисы.

Берлиоз посылает очередную просьбу о разрешении на брак.

Гектор проявляет настойчивость. Правда, между ним и Гарриэт то и дело возникают шумные ссоры. В начале августа, например, они были близки к разрыву. В тот раз они помирились. Но уже 30 августа маэстро пытался в ее комнате покончить с собой. «Она упрекала меня, – писал он, – что я ее не люблю. Я... принял яд у нее на глазах. Душераздирающие крики Генриетты!.. Предел отчаяния!.. Мой жуткий смех!.. Желание вернуться к жизни при виде необыкновенных свидетельств ее любви!.. Рвотное... Ипекакуана!.. Меня выворачивало два часа! Осталось лишь два шарика опия... Два дня я был болен и выжил».

Но когда Гарриэт сказала ему «да», Гектор от счастья едва не лишился чувств.

Венчались они в часовне британского посольства 3 октября 1833 года в отсутствии родителей. Среди свидетелей – двадцатидвухлетний Ференц Лист.

Медовый месяц Берлиоз и Смитсон провели в Венсенне. Между ними установилось полное взаимопонимание. Офелия наслаждалась обществом мужа, наконец-то по достоинству оценив его любовь и гений.

На следующий день после свадьбы Гектор в порыве откровенности сообщил Феррану: «Она была девственна, в высшем смысле этого слова, идеал девственности... Это сама Офелия – нежная, кроткая и застенчивая».

В конце октября Гектору пришлось вернуться в Париж, где он с головой уходит в работу – надо было на что-то существовать, а кроме того, оплатить самые срочные долги.

Гектор добился нового бенефиса Смитсон – Берлиоз – 21 ноября 1833 года. На этот раз их постигло разочарование. Спектакль был встречен холодно, если даже не враждебно. Гектор готов был взяться за любую работу, лишь бы божественная Гарриэт чувствовала себя счастливой. Он начал вести колонку театра и музыки в «Реноватере».

В апреле 1834 года супруги Берлиоз переехали в дом на Монмартре, на самую вершину холма. Здесь у них родился сын Луи.

Выйдя замуж и завершив свою сценическую карьеру, Гарриэт быстро состарилась, превратилась в ворчунью и начала пить.

Эрнест Легуве с присущей ему иронией пишет: «К сожалению, часто случается, что муж и жена – как бы две чаши одних весов, которые редко находятся в равновесии: когда поднимается одна, опускается другая. Так произошло и в этой молодой семье. Чем горячее становилась Смитсон, тем больше остывал Берлиоз. Его чувства к ней превратились в добрую дружбу, учтивую и спокойную, тогда как с уст жены то и дело срывались властные требования и бурные упреки, к сожалению, вполне законные. [...] Ее ревность постоянно запаздывала. Сердце Берлиоза порхало так быстро, что она не могла за ним поспеть...»

1841 год. У Берлиоза – ни одного сольного концерта. Он лишь дирижирует в Опере «Фрейшютцем» великого Вебера. Месяц за месяцем проходят у Гектора в изнурительной борьбе с... Офелией, той самой Офелией, которую он еще недавно боготворил. Семейный очаг превратился для маэстро в сущий ад. Берлиоз находит утешение в объятиях любовницы – оперной певицы Марии Ресио.

Гарриэт долго и тяжело болела, стойко перенося разлуку с мужем и сыном... Гектор помогал ей деньгами, но последние дни божественная Офелия провела в одиночестве. Знаменитая актриса умерла 2 марта 1854 года. Узнав о трагическом конце жены, Берлиоз не смог сдержать слез.

Спустя месяц после смерти жены Берлиоз писал любимому дяде Феликсу Мармиону: «Бедняжка Гарриэт обладала глубочайшим пониманием мира поэзии! Она интуитивно постигала вещи, которым ее никто и никогда не учил. Она открыла мне мир Шекспира, и одному Богу известно, какое влияние оказало и будет оказывать это открытие на мое творчество... Поэтому я... никогда не смогу ее забыть».

Вскоре Берлиоз женился на Марии, но более из чувства долга, нежели по любви.

В 1862 году умерла и Мария. Две любимые женщины маэстро теперь покоились рядом, ожидая, как говорил Берлиоз, «когда я внесу свою долю разложения в этот склеп». Он умер 8 марта 1869 года, в 12.30 пополудни...

Джузеппе Гарибальди и Анита Ребейра

Большая часть жизни великого борца за независимость Италии Джузеппе Гарибальди прошла в скитаниях по странам и континентам. Он – коренной житель Ниццы, города на лазурном берегу Средиземного моря. Там в морском реестре 1832 года записано: «Гарибальди Джузеппе Мария, сын Доменико Гарибальди и Розы Раймонди, родился 4 июля 1807 года в Ницце, внесен в список капитанов ниццкого управления 27 февраля 1832 г. за № 289». Став капитаном, Гарибальди плавал на торговых судах и одно время, как говорят, нанялся даже во флотилию тунисского бея Хуссейна.

В июне 1835 года Гарибальди вернулся в Марсель, где свирепствовала эпидемия холеры. В порту он узнал, что бриг «Морепоплаватель» отправляется в Рио-де-Жанейро, столицу Бразилии. Получив на корабле место второго помощника капитана, Гарибальди надолго распрощался со старой Европой – на целых тринадцать лет!

В Южной Америке он принял участие в освободительной революции маленькой республики Риу Гранди ду Сул (провинции Бразильской империи).

Несмотря на успехи республиканцев, Гарибальди не мог забыть потери своих лучших друзей.

В это время произошло событие, сыгравшее в его жизни большую роль. Спустя много лет Гарибальди писал в «Мемуарах»: «Я никогда не помышлял о браке и считал себя неспособным к нему вследствие независимости своего характера и склонности к жизни, полной приключений. Иметь жену, детей – это казалось мне совершенно неуместным для человека, который посвятил всю жизнь борьбе за осуществление своих идей, борьбе, делающей невозможным душевный покой, необходимый для отца семейства. Судьба решила иначе. Потеряв Карнилью, Эдоардо Мутру и других своих сверстников, я остался совершенно одинок. Мне казалось, что я один в целом мире. Мне нужна была подруга. Именно подруга, так как я всегда считал, что женщина – это совершеннейшее из существ. Что бы там ни говорили,

именно среди них бесконечно легче найти любящее сердце. Обуреваемый такими печальными мыслями, я с кормы «Итапарики» глядел через подзорную трубу на берег. Невдалеке высился холм Морро делла Барра (на правом берегу устья Лагуны). Я увидел у его подножия нескольких женщин, занятых работой по хозяйству. Особенно понравилась мне одна из них, молодая. Я велел причалить к берегу и, высадившись, направился к дому, где жила эта женщина. У дверей дома я увидел человека, который пригласил меня войти – выпить чашку кофе. Войдя, я увидел ту, которая мне так понравилась. Это была Анита (впоследствии мать моих детей). Несколько мгновений мы стояли неподвижно, молча вглядываясь друг в друга. Затем я поклонился и сказал (я плохо говорил по-португальски и произносил слова с итальянским акцентом): «Ты будешь моей!» Я завязал узел, который могла разорвать одна только смерть».

В таких выражениях Гарибальди повествует о своей первой встрече с будущей женой и боевым товарищем Анитой Рибейра. В дальнейшем жизнь этой смелой и страстной женщины, всем сердцем полюбившей Гарибальди, без колебаний бросившей ради него отца, друзей, родной дом, тесно переплелась с его героической жизнью. Красавица Анита в детстве часто сопровождала отца на охоту и рыбную ловлю, была прекрасной наездницей.

Бразилианка последовала за Гарибальди и вскоре приняла участие в морском сражении. Когда стало совсем горячо, Гарибальди велел Аните плыть в лодке к берегу. Она же его не послушалась. Вдруг вражеское ядро ударило в палубу: несколько человек упало, среди них – Анита. Двоих убило, но она не была даже ранена. Опасаясь за жизнь подруги, Гарибальди потребовал, чтобы она немедленно спустилась в трюм. «Хорошо», – ответила Анита. Но через несколько минут девушка вернулась, с торжеством ведя за собой трех спрятавшихся в трюме матросов.

Анита сопровождала мужа во многих опасных походах. Однажды она попала в плен. Когда конвоир сказал, что Гарибальди убит, Анита целый день бродила среди трупов, но тела его не обнаружила. Джузеппе жив! – решила Анита. Ночью она незаметно покинула вражеский лагерь. Поймав в степи неукрощенного жеребца, девушка заставила его повиноваться своей воле. Началась дикая скачка, без отдыха. После восьми дней, в течение которых приходилось питаться дикорастущими плодами и кофейными зернами, она добралась, наконец, до местечка Лажес, где стояли республиканцы, и упала в объятия своего Джузеппе.

16 сентября 1840 года Анита родила своего первенца Менотти в бедной хижине Мустарды, близ Сан Симона.

Беззаветная любовь к «Жозе» (как она называла Гарибальди по-португальски) совершенно переродила юную бразилианку. Чтобы не разлучаться с мужем, она научилась владеть мушкетом, делать перевязки и лечить раны. Эта храбрая, терпеливая женщина проводила целые ночи верхом на коне, переносила в походе множество тяжелых лишений.

Между тем дела республиканцев с каждым днем становились все хуже. Гарибальди приходилось отступать. Зимой 1841 года, под непрерывными потоками дождя, без провианта, в густых лесах, голодные, больные воины республики теряли всякую надежду на спасение. Анита смертельно волновалась за жизнь своего трехмесячного ребенка. При переправе через реку Гарибальди привязывал завернутого в платок маленького Менотти к своей шее. Наконец отступление кончилось. Уцелевшие люди добрались до Ваккарии. На этом, собственно, закончилось участие Гарибальди в революционной борьбе Риу Гранди.

В мемуарах он пишет: «Шесть лет жизни, полной лишений и всевозможных приключений (1836–1842), не испугали бы меня, будь я человеком одиноким. Но я уже обзавелся к тому времени небольшой семьей. Я обязан был позаботиться об улучшении условий жизни моей дорогой жены и ребенка. Поэтому я решил переехать в Монтевидео, хотя бы временно».

В начале 1842 года Гарибальди приехал с женой и ребенком в Монтевидео. Здесь у них родились сын Риччиотти и дочь Терезита. Анита отказывала себе во многом. Хлеб и масло, немного вина – вот почти все, чем питалась семья. Доктор Одичини рассказывал биографу Гарибальди Джесси Марио, что, когда родилась Терезита, в доме не было огня и, кроме гнилой фасоли, не из чего было приготовить бульон для роженицы. Доктору пришлось пойти домой и принести все необходимое.

Анита невыносимо страдала в разлуке с Джузеппе, уехавшим из Монтевидео в далекие и опасные экспедиции.

Гарибальди ждал благоприятного момента для возвращения на родину. В декабре 1847 года он отправил в Европу Аниту с детьми. Среди итальянцев, живущих в Южной Америке, был открыт сбор денег на экспедицию в Италию под командой Гарибальди.

Приехав в Ниццу, на родину мужа, Анита писала 7 марта 1848 года своим знакомым в Монтевидео: «...Генуэзский народ необычайным образом меня приветствовал. Более трех тысяч человек стояли под моими окнами, восклицая: «Да здравствует Гарибальди!», «Да здравствует семья нашего Гарибальди!»

«Ежедневно толпы народа заполняют набережную и вглядываются в прибывающие из Монтевидео корабли, на каждом корабле они жадно ищут взорами Гарибальди...»

21 июня народ Ниццы шумно приветствовал на пристани Гарибальди и легионеров, прибывших на «Сперанце». Наконец Джузеппе смог прижать к груди Аниту и своих детей!

Пребывание в Ницце явилось сплошным праздником. «Героя Монтевидео» буквально носили на руках. Но не прошло и пяти дней, как Гарибальди распрощался с родными и уехал в Геную, – воевать с врагами итальянской свободы!

Джузеппе никогда не забывал о своем верном друге Аните. Он писал жене в Ниццу письма, сообщая о последних событиях в Риме и выражая беспокойство о ее здоровье. И вдруг случилось то, чего Гарибальди никак не ожидал.

«14 июня 1849 года, утром, – пишет он в мемуарах, – мы завтракали в Вилле Спада... Я был несколько взволнован, так как только что приговорил к расстрелу одного нашего офицера-неаполитанца за то, что он трусил и покинул свой пост... Вдруг я услышал в коридоре быстрые шаги. Дверь открылась, и я увидел Аниту, которая приехала ко мне в сопровождении Оригони. Дорогая Анита! Я прижал ее к своему сердцу. В эту минуту мне казалось, что все наши желания сбудутся!..»

Анита рассказала мужу о своих переживаниях. С опасностью для жизни пробиралась она через территорию, занятую неприятелем. В Тоскане ей удалось обмануть бдительность австрийских шпионов и избавиться от их слежки. Наконец она благополучно пробралась через французский фронт. Отныне Анита уже не расставалась с «Жозе» до самой своей смерти.

В течение ряда месяцев Гарибальди много раз прорывался сквозь железное кольцо трех армий, не давая себя разбить. Однако положение его отряда становилось все более уязвимым.

Вечером 1 августа они увидели берег Адриатического моря – в Чезенатико. Гарибальди приказал плыть по направлению к Венеции. Он был удручен тяжелым состоянием здоровья Аниты, которая была на шестом месяце беременности. Она скрывала свое недомогание, уверяя, что чувствует себя прекрасно.

В Сан-Марино у нее начались приступы злокачественной лихорадки. Лишенная в течение многих дней хорошей еды, часто не имея даже возможности утолить жажду, босая, в лохмотьях, беременная Анита невыносимо страдала. Но она ни за что не желала покидать отряда.

Когда Гарибальди и его люди плыли к берегам Венеции, австрийские суда заметили их и открыли огонь из пушек. Джузеппе с Анитой укрылись на ферме. Увы, но верной подруге

Гарибальди уже никто не мог помочь, и 4 августа 1849 года она умерла на руках своего мужа. «Мы приехали в Мандриолу в телеге, в которой на матраце лежала Анита... – писал Гарибальди. – Подняв матрац за четыре угла, мы положили ее в постель, мне почудилось в ее лице выражение смерти. Я пощупал пульс: сердце больше не билось! Передо мной лежал труп... Это была мать моих детей, которую я так любил! Что я теперь отвечу детям, если при встрече со мной спросят о ней? Горько оплакивал я потерю Аниты, неразлучного товарища во всех приключениях моей жизни!»

Гарибальди многое сделал, чтобы Италия обрела независимость. Вместе с ним сражались его сыновья Менотти и Риччиотти. Долгое время он оставался верен Аните. Лишь в январе 1860 года Джузеппе женился на молодой светской красавице Раймонди. В этот же день Гарибальди получил анонимное письмо, извещавшее, что у него «есть счастливый соперник». Он тут же вскочил на коня и ускакал прочь с виллы Фино. С этого дня Джузеппе больше никогда не виделся со своей «женой», хотя, по суровым правилам католического брака, был скован с ней целых двадцать лет!

Через несколько лет Гарибальди сошелся с Франческой Армозино, которая родила ему троих детей – Клелию, Розу и Манлия. Правда, Роза вскоре умерла. Желая узаконить свои отношения с Франческой, он долго хлопотал о расторжении брака с маркизой Раймонди. Но только в 1880 году Джузеппе обвенчался с Франческой. Жил он главным образом литературным трудом.

Умер Гарибальди 2 июня 1882 года на Капрере. В минуту смерти на постели его лежали томик «Гробницы», поэмы Фосколо, и альбом с портретами 1 117 героев сицилийского похода...

Альберт и Виктория

20 июня 1837 года скончался король Великобритании Вильгельм IV. Так как у него не было прямых наследников, на трон взошла Виктория – дочь его брата Эдуарда Кентского и принцессы Виктории Лейнингенской из баварского герцогского рода Саксен-Кобургов.

Принцесса Виктория родилась в Кенсингтонском дворце 24 мая 1819 года. Ее родители проделали долгое путешествие из Баварии только для того, чтобы ребенок родился именно

в Лондоне. Принцесса обучалась языкам, арифметике, географии, музыке, конной выезде, рисованию. Она находилась под постоянным надзором и наказывалась за малейшую провинность.

Отец Виктории, герцог Кентский, никогда не отличавшийся примерным образом жизни, умер, когда Виктории было восемь месяцев. В какой-то мере отца ей заменил дядя Леопольд, король Бельгии, также принадлежавший к Саксен-Кобургской династии. Рассчитывая играть важную роль при дворе, он мысленно сосватал Викторию своему племяннику Альберту. По просьбе Леопольда 17-летняя наследница престола даже принимала двоюродных братьев Альберта и Эрнста в Лондоне.

На английском троне больше ста лет не было женщины. Виктория стала королевой в возрасте 18 лет. Она оказалась далеко не такой покладистой, как хотелось бы ее окружению. Дяде Леопольду королева сразу дала понять, что в его советах не очень-то и нуждается.

Тем не менее в октябре 1839 года дядюшка вновь направил в Лондон Альберта. Тот согласился на эту поездку, так как решил положить конец прожектам Леопольда.

Однако встреча молодых людей имела неожиданные последствия. Альберт возмужал и превратился из подростка в красивого мужчину. К тому же он обладал разнообразными талантами: увлекался техникой, любил живопись, архитектуру, музыку, слыл прекрасным фехтовальщиком. Виктория записала в свой интимный дневник: «Встреча с Альбертом всколыхнула мои чувства. Как он красив! Его губы завораживают, у него такие симпатичные усики и бакенбарды».

Через три дня королева, следуя придворному этикету, сама сделала Альберту предложение. «Я недостоин вас, – промолвил Альберт. Затем, выдержав паузу, добавил: – Я буду счастлив провести рядом с вами всю свою жизнь».

Виктория вздохнула с облегчением. «Я люблю его больше, чем думала, – отметила она в дневнике, – и я сделаю все, что в моей власти, чтобы облегчить его жертву». О какой жертве идет речь? Дело в том, что Альберт мог стать наследником престола только по решению парламента.

Окружение, свита, дом – все это выбиралось Викторией.

Бракосочетание состоялось 10 февраля 1840 года. Свадебная церемония прошла с соблюдением многовековых традиций. Медовый месяц молодые супруги провели в Виндзорском замке. Королева писала дяде Леопольду: «Спешу Вам сообщить, что я самая счастливая женщина в мире. [...] Мой муж ангел, и я его обожаю».

Однако Виктория никогда не забывала о своих обязанностях и уже через две недели после свадьбы приступила к работе. Для начала ей пришлось отведать родственников. Мать Виктории захотела переехать в Букингемский дворец. Получив отказ, она заявила, что родная дочь гонит ее из дому. Свекор, герцог Кобургский, намекнул, чтобы Виктория погасила его долги за счет государственной казны. Но и он остался ни с чем.

В кабинете королевы был поставлен письменный стол для Альберта. В первое время принц вникал в дела государства. «Я читаю и подписываю бумаги, а Альберт их промочает...» – отмечала Виктория. Но постепенно принц входил во вкус.

Альберт и Виктория считались идеальной парой. Ни измен, ни скандалов, ни даже малейших порочащих супружескую добродетель слухов. Это было тем более удивительно, что семейная жизнь их родителей не сложилась.

За семнадцать лет супружества Виктория родила четырех сыновей и пятерых дочерей. Королева искренне считала, что предназначение женщины состоит именно в рождении и воспитании детей. Однако каждый ребенок давался ей с немалыми муками: беременность и роды протекали тяжело, и всякий раз она боялась умереть. Альберт с трогательной нежностью ухаживал за женой.

Быть может, именно личный опыт позволил королеве поддержать врачей, начавших применять во время родов обезболивающие средства. Церковь выступила против этих нововведений, будучи убежденной, что женщина обязана в муках нести наказание за первородный грех. Но мнение Ее Величества имело решающее значение.

В ноябре 1840 года королева родила девочку, названную Викторией Аделаидой Марией Луизой, по-домашнему – Вики. Тогда же была сшита знаменитая кружевная рубашка, которая будет служить до наших дней крестильной рубашкой всех принцев и принцесс Англии.

Через три месяца после рождения Вики королева снова забеременела. В положенный срок на свет появился мальчик Альберт Эдуард – будущий король Эдуард VII и основатель Саксен-Кобургской династии, которая во время Первой мировой войны, дабы не раздражать соотечественников немецким звучанием, была переименована в династию Виндзоров. Бerti (так его звали дома) женился на Александре Датской. В этом браке родилось шестеро детей.

За Альбертом Эдуардом последовали: Алиса, Альфред, Хелена, Луиза, Артур, Леопольд; девятым и последним ребенком в семье была принцесса Беатрис, родившаяся в 1857 году.

Все дети воспитывались в чрезвычайной строгости; учебные занятия продолжались с 8 утра до 7 вечера шесть дней в неделю.

Родители заранее подбирали им партию. Старшая дочь Вики была представлена крон-принцу Фридриху Вильгельму Прусскому (будущему императору Фридриху III) в возрасте десяти лет, а уже в семнадцать помолвлена с ним. У них было семеро детей, причем старший сын стал императором Вильгельмом II, а дочь Софи – греческой королевой.

Рано вышли замуж и три другие дочери Альберта и Виктории.

Принцесса Алиса Мод Мария подарила семерых детей Людвигу Гессенскому. Их дочь Аликс была женой российского императора Николая II.

Счастье принцессе Хелене Августе Виктории принес Кристиан Шлезвиг-Гольштейнский. Супруги произвели на свет пятерых детей.

Принцесса Луиза Каролина Альберта была замужем за герцогом Эргильским.

Лишь младшая Беатрис Мария Виктория засиделась в девицах до 28 лет – мать никак не хотела расстаться с ней и держала ее при себе в качестве компаньонки. Беатрис вышла замуж за Генриха Баттенбергского, но продолжала жить с королевой.

К сожалению, один из сыновей Виктории, Леопольд Георг Дункан, страдал тяжким недугом – гемофилией. Клирики толковали болезнь как кару за нарушение библейского завета: при родах впервые была использована анестезия хлороформом. Несчастный Леопольд обладал поразительными умственными способностями. Окончив Оксфорд, он был незаменимым советником матери. Леопольд женился на Хелене Фредерике Вальдекской, имел двоих детей и умер в возрасте 30 лет от кровоизлияния в мозг.

Принц Альфред Эрнест Альберт составил пару великой княжне Марии, дочери Российского императора Александра II. В этом браке родилось пятеро детей. Принцесса Мария вышла замуж за румынского короля Фердинанда I.

Наконец, принц Артур Уильям Патрик был женат на Луизе Маргарите Прусской. У них было трое детей.

«Чем тяжелее и крепче цепи супружества, тем лучше, – писал Альберт своему брату. – Супруги должны быть прикованы друг к другу, неразделимы и жить только друг для друга».

Альберт стремился сделать жизнь с Викторией более разнообразной. «Для того, чтобы оживить пейзаж в серых тонах», как он называл придворную жизнь, приглашались знаменитости. При дворе начали играть в вист и другие карточные и настольные игры. Альберт пробовал музицировать: особым успехом пользовались фортепианные пьесы в четыре руки. Он играл на органе произведения Баха, пел песни на музыку Мендельсона.

Альберт стал незаменимым помощником в делах королевы. Она называла его «мой драгоценный, мой несравненный Альберт». С раннего утра принц писал письма, составлял ответы на запросы министров. Королеве оставалось только завизировать документы.

По инициативе Альберта в Лондоне состоялась Первая Всемирная выставка, к открытию которой был построен знаменитый Хрустальный Дворец.

В 1856 году королева обратилась к премьер-министру с просьбой признать и закрепить права принца Альберта. Но только через год решением парламента он получил специальный «королевский патент», именовавший его принцем-консортом, то есть принцем-супругом.

Альберт стал почти что королем. Как заметил писатель Андре Моруа, «некоторые политики находили, что у него слишком много власти. А его идеи относительно королевской власти многие считают несовместимыми с английской конституцией... Он вел Англию к абсолютной монархии».

Хотя при дворе немало людей недолюбливало принца-консорта, считая его занудой, скрягой, мелочным педантом, и вообще человеком с тяжелым характером, никто не ставил под сомнение безупречность королевского супружеского союза.

В начале декабря 1861 года «милый ангел», как называла мужа королева, сильно простудился. Она вначале не придавала значения его недомоганию. Лишь 14 декабря, к пяти часам вечера выяснилось, что заболевание опасно для жизни. Уже теряя сознание, Альберт прошептал: «Моя дорогая жена...»

Виктория осталась вдовой в 42 года. Она погрузилась в глубокий траур. В течение пяти лет королева отказывалась произносить тронную речь в парламенте. «Моя жизнь как жизнь счастливого человека окончилась. Мир померк для меня», – писала она Леопольду.

Положение королевы сильно пошатнулось, однако недруги рано радовались. «Я твердо решила, – сообщает она дяде, – бесповоротно решила, что все его пожелания, планы, мысли будут для меня руководством к действию...»

Виктория продолжала жить, как если бы Альберт находился рядом. Поговаривали, что королева «связывается» с ним во время спиритических сеансов. По ее распоряжению было сооружено несколько зданий в память о покойном муже, в том числе Альберт-мемориал и знаменитый концертный зал – Альберт-холл около Музея Виктории и Альберта.

Заметно увеличив состояние королевской семьи, Виктория не расставалась с властью вплоть до самой своей смерти. В эти годы Англия добилась величайших успехов в индустриальном развитии, торговле, финансах, морском транспорте и расширении империи, сделалась символом устойчивости, порядочности и процветания. И современники, и потомки связывали эти успехи с именем королевы.

Через сорок лет после смерти мужа Виктория воссоединилась со своим «милым ангелом». Это случилось 22 января 1901 года. Она завещала похоронить себя в белом платье. Не снимавшая в течение сорока лет траурных одежд, вдова решила отправиться на встречу с Альбертом именно в белом. Великую королеву похоронили рядом с самым близким ее другом и советником. Так завершилась долгая викторианская эпоха...

Роберт Шуман и Клара Вик

В тридцатые годы XIX столетия композиторский гений немецкого композитора Роберта Шумана раскрывается во всей своей полноте. Одно за другим появляются его лучшие фортепианные произведения. Почти все, созданное им в это время, сам Шуман связывал с образом Клары Вик, с мечтами о ней, с драматической историей их любви. Он писал своей возлюбленной: «Я целиком погрузился в мир моих мечтаний за фортепиано и не знаю ничего, кроме тебя, – я рассказываю моему старому другу только о тебе одной».

Роберт Шуман родился в 1809 году в маленьком городке Цвинкау и был пятым ребенком в дружном бюргерском семействе. В отрочестве он увлекался и музыкой, и литературой, не зная, чему отдать предпочтение. Встреча с известным фортепианным педагогом Фридрихом Виком и его девятилетней дочерью, пианисткой-вундеркиндом, разрешила сомнения Шумана.

Роберт впервые увидел Клару Вик в конце марта 1828 года, через несколько дней после приезда в Лейпциг. Летом он почти ежедневно встречается с юной пианисткой, посещая дом ее отца.

Клара Жозефина прошла серьезную школу фортепианной игры. Мать девочки, Марианна Тромлиц, была сначала ученицей Фридриха Вика, а с 1816 года – его женой. Через восемь лет брак распался. Клара и ее младшие братья Альвин и Густав остались в доме отца.

В одиннадцать лет Клара дает первый самостоятельный концерт в лейпцигском Гевандхаузе. В Веймаре девочку слушает у себя дома 83-летний Гете, который называет ее «замечательным феноменом».

Роберт с огромным интересом следит за артистическим созревaniem Клары. Почти одновременно с ним она выпускает в свет свои первые сочинения.

Музыка отчасти сглаживала разницу в возрасте, дружба Клары и Роберта становилась все более серьезной. В письме 1832 года он признается: «Я часто думаю о Вас не как о сестре или товарище, но, пожалуй, как думает пилигрим о далеком образе в алтаре».

Во второй половине 1833 года Шумана потрясли известия о смерти брата Юлия и невестки Розалии. В ночь с 17 на 18 октября Роберт испытал первый приступ болезни, ставшей позднее его ужасной судьбой: «сильный прилив крови, невыразимый страх, остановка дыхания, мгновенные потери сознания». Ему впервые пришла мысль о потере рассудка.

Новая ученица Вика, восемнадцатилетняя Эрнестина фон Фриккен, приехала в Лейпциг в апреле 1834 года. Ее любовный роман с Шуманом привел к тайному обручению. Однако уже в начале следующего года Роберт испытал разочарование, чему немало способствовала его глубокая привязанность к Кларе Вик. Вскоре моральные обязательства перед Эрнестиной были им ликвидированы.

Весной 1834 года, когда Клара вернулась в Лейпциг из очередного турне, Шуман нашел ее очень повзрослевшей, серьезной, необычной. Ревность к Эрнестине была первым горем Клары, но в ее взгляде Роберт заметил «скрытый луч любви».

Возобновилась прежняя дружба, и жизнь все теснее сплетала их интересы. Вик – в центре шумановского кружка единомышленников; под именем Клары или Цилии она нередко фигурирует на страницах «Нового музыкального журнала», ей посвящаются и ею вдохновляются главные страницы сочинений Шумана...

На пути их сближения возникла неожиданная преграда: решительное сопротивление Фридриха Вика. Конечно, он заботился о будущем дочери, и ему крайне рискованным казался брак с бедным композитором, да еще с романтиком-фантазером.

Пытаясь разлучить влюбленных, Вик в январе 1836 года увозит Клару в Дрезден. Однако через друга Эрнста Беккера Шуману все-таки удается подать о себе весть. Потом происходит тайная встреча.

Клара концертировала в Дрездене, Праге, Вене. Переписка с Робертом требовала большой изобретательности и выдержки, так как отец запрещал ей запирается в своей комнате. Использовались вымышленные адреса или адреса посредников, так как Фридрих Вик мог перехватить письмо на почте.

Шуман много раз восхвалял верность Клары, стойкость ее души. Однако даже у Роберта не было уверенности, что она сумеет противостоять житейским доводам, а главное – сильной воле отца. Вспоминая время их вынужденной разлуки, Шуман писал невесте: «Я ждал, что когда-нибудь найду в газете извещение о твоей помолвке, и дрожь охватывала меня с ног до головы...»

Упорное и враждебное сопротивление Вика становилось все более очевидным. Оставался только один выход – открытый конфликт, и 16 июля 1839 года Роберт и Клара обращаются в суд.

Судебный процесс, который Вику удалось затянуть на тринадцать месяцев, приносит им новые мучительные испытания. Кларе отец предъявляет денежные требования. На заседании суда Фридрих Вик обвиняет Шумана в пьянстве и беспутной жизни. Роберт без труда опроверг эти и другие обвинения; за него охотно поручились уважаемые люди Лейпцига.

Решение апелляционного суда вступило в силу 12 августа 1840 года. Через месяц Роберт и Клара обвенчались в небольшой церкви близ Лейпцига (Шёнефельд). Клара записывает в дневнике: «Это был прекрасный день». Вскоре молодые дали первый совместный концерт, на котором Клара впервые выступила под фамилией мужа.

Лейпцигские годы супружеской жизни Шуманов в их скромной квартирке протекали в атмосфере любви, душевного и творческого содружества. «Их брак оказался благословенным, – отмечает биограф Д. Житомирский. – Шестнадцать лет они были соединены светлой, не омрачаемой изменами любовью и музыкой».

1 сентября 1841 года появляется на свет Марихен, появляется, как записывает Роберт, «между молнией и громом, ибо как раз в небе были грозовые тучи».

Уже с осени 1840 года Клара нередко записывает, что ее игра отодвигается на второй план, что каждый день без работы за инструментом означает для нее шаг назад. Об этом, естественно, думал и Роберт; так, в 1842 году, после выступления жены в лейпцигском концерте, Шуман замечает: «Она играла, как всегда, хорошо, прекрасно».

Шуман называл свою невесту «героической девушкой». Он мог бы с еще большим основанием сказать так о своей жене. Заботы о детях (за годы совместной жизни она родила восьмерых!), заботы о Роберте, часто болевшем, мнительном, впадавшем порою в депрессию, – все это ложилось на плечи Клары. Хотя композиторские доходы Шумана возросли. Чтобы покрыть возрастающие семейные нужды, выручала опять-таки Клара, которая выступала с концертами.

В Лейпциге в семье Шуманов родились две дочери: Мария, впоследствии преподававшая фортепианную игру и жившая с матерью, и Элиза, вышедшая замуж за купца и народившая большое потомство. Дети приносят в дом Шуманов нескончаемую радость. Вечерами Роберт с удовольствием играет с ними и «не может насытиться» этим общением. В письме к Мендельсону он пишет, что дети – это «величайшая милость, какая может быть нам оказана на земле».

Уже в ноябре 1841 года, менее чем через два месяца после рождения Марии, Клара дает концерты в Веймаре. В феврале следующего года вместе с Робертом она предпринимает поездку в Бремен, Гамбург и далее одна в Копенгаген.

Для Шумана поездки с женой были во многих отношениях тягостны. Они отрывали от любимой работы, кроме того, Роберту очень не нравилось, когда его принимали за рубежом лишь в качестве мужа, сопровождающего известную артистку.

Поездка в Россию в 1844 году была богатой по впечатлениям. Посетив города Прибалтики, Шуманы пробыли затем два весенних месяца в Петербурге и в Москве.

Уже во время путешествия по России Шумана мучили частые недомогания. В Лейпциге летом и осенью 1844 года его состояние заметно ухудшилось. Усиленная работа над «Сценами из «Фауста» довела это ухудшение до крайней степени. Шуман впервые испытал столь тяжелый и длительный приступ нервной болезни; его преследовал безотчетный страх, терзали слуховые галлюцинации.

Врач предписал ему полный покой и рекомендовал перемену места жительства. Супруги решили переехать в более спокойный Дрезден, где Роберт мог полностью сосредоточиться на творческой работе.

В Дрездене у Шуманов родилось четверо детей: Юлия, которая потом была замужем за итальянским ученым, графом Витторио Радикати ди Марморито, и умерла от чахотки; Эмиль; Людвиг, скончавшийся в больнице для душевнобольных, где провел три десятилетия; Фердинанд, будущий банковский служащий.

В последние годы жизни болезнь Шумана становится хронической, давая ему лишь временные передышки. Но когда периоды депрессии кончались, он переживал периоды творческого подъема.

Обстановка Дрездена все менее удовлетворяла Шумана. В сентябре 1850 года Роберт вместе с семьей переселился в Дюссельдорф, где взял на себя обязанности городского дирижера. Здесь прославленных супругов встретили торжественным концертом.

В Дюссельдорфе появились на свет: Евгения Шуман – представительница семьи, дольше всех жившая (она умерла в 1938 году в возрасте 87 лет), учительница музыки и биограф своего отца, и Феликс, который так же, как и Юлия, болел чахоткой.

10 февраля 1854 года у Шумана начался необычный по резкости приступ болезни. Более всего терзали его слуховые галлюцинации, не дававшие уснуть. Он слышал один

непрерывно тянущийся звук, нередко (как он объяснял Кларе) «великолепную музыку, с такими удивительно звучащими инструментами, каких невозможно услышать на земле».

27 февраля Роберт покинул дом и под дождем, без верхней одежды направился к Рейну. Дойдя до середины моста, он бросился в воду. Шумана спас рыбак, но Роберт снова спрыгнул в реку; и снова был вытащен на берег и доставлен домой. 4 марта Шумана отвезли в частную психиатрическую клинику в Энденихе близ Бонна. Здесь Роберт провел последние месяцы своей жизни.

23 июля 1856 года Клара получила телеграмму из Эндениха, в которой сообщалось о том, что состояние Роберта критическое. Вместе с Брамсом она тут же выехала в клинику, но к мужу ее допустили лишь 27-го. Она записала: «Я видела его между семью и восемью часами вечера. Он улыбался мне и с большим усилием обнял меня, так как не мог уже управлять своими движениями; его руки обвили меня – никогда этого не забуду... Мой Роберт, вот как суждено было нам снова увидеться... Он все время много говорил, как казалось, с [невидимыми] духами... почти ничего нельзя было понять. Только один раз я поняла «моя», – наверное, хотел сказать «Клара», так как при этом приветливо смотрел на меня».

Смерть наступила 29 июля 1856 года. Через два дня в Бонне состоялись похороны. Гроб несли Брамс и Йоахим. Из Кельна приехал Шиллер. Клара пишет: «Я никого не извещала, так как не хотела, чтобы пришло много чужих. Его любимейшие друзья шли впереди, я позади (незаметно), и так было лучше всего, наверно, в его духе! Так с его уходом ушло и все мое счастье!».

Клара Шуман до конца своей жизни пропагандировала сочинения своего мужа. Она пережила Роберта на сорок лет и скончалась в 1896 году.

Карл Маркс и Женни фон Вестфален

...Элеонора Маркс однажды заметила, что без Женни фон Вестфален ее отец никогда бы не мог стать тем, кем он был. С этим трудно не согласиться: жена Карла Маркса была не только первой читательницей и переписчицей его работ, но и первой советчицей.

Женни Маркс, урожденная баронесса фон Вестфален, принадлежала к одной из обедневших аристократических семей города Трира. Ее отец, тайный советник Людвиг фон Вестфален, был большим знатоком и ценителем литературы.

Семья Вестфаленов подружилась с семьей адвоката Генриха Маркса. Для того чтобы иметь возможность заниматься адвокатской деятельностью и дать детям образование, Маркс в 1816 году принял протестантство. Это был человек, воспитанный на французской культуре, на просветительных идеях XVIII века.

На фоне семейной дружбы Марксов и Вестфаленов, обмена визитами, длинных бесед родителей и игр детей зарождается и затем прорывается горячим пламенем любовь ослепительной красавицы, «сошедшей точно с картины Рубенса», Женни и молодого Карла.

Женни фон Вестфален получила хорошее образование. По понятиям среды, она имела все, чтобы обеспечить себе блестящую будущность: красоту, обаяние, а также аристократическое происхождение. Карл же был гордостью родителей с детских лет, его иначе и не называли как «сын счастья». На него возлагали все надежды.

Женни обладала сильной волей, что проявилось в те годы, когда ей пришлось сделать жизненный выбор. Она пренебрегла богатыми претендентами на ее руку ради Карла с его неопределенным будущим, полным опасностей. Достаточно вспомнить, что уже в гимназии Маркс считал самым счастливым «того, кто принес счастье наибольшему количеству людей».

Они обручились тайно, не спросив родителей, когда Карлу минуло 18 лет (его избранию было 25). Это произошло во время летних студенческих каникул после первого года, проведенного им в Боннском университете. Маркс должен был готовиться к профессии юриста, но его больше интересовали философия и история. После первого года веселой студенческой жизни в Бонне ему предстоял переезд в Берлин (в связи с переводом в Берлинский университет) и новая долгая разлука с любимой Женни.

Отец Маркса писал сыну, томившемуся и тосковавшему по своей любимой, что Женни тоже «имеет в себе нечто гениальное... Ты можешь быть уверенным, что ни один князь в мире не в состоянии ее отнять у тебя».

Карл был «опьянен любовью и беден надеждой». И позднее, в письме от 10 ноября 1837 года, он признавался родителям, что для него «открылся новый мир, мир любви, к тому же вначале страстной, безнадежной любви». Вдохновленный большой любовью и лишенный возможности переписываться с любимой, он выразил свои чувства в трех тетрадах стихов под названием «Книга песен» и «Книга любви», которым предпослал посвящение: «Моей дорогой, вечно любимой Женни фон Вестфален».

Женни получила эти тетради стихов и читала их «со слезами любви и боли». По свидетельству Лафарга, она бережно хранила эти стихи и никому их не показывала.

В сентябре 1836 года Карл рассказал отцу о помолвке с Женни. В семье Маркса обручение было вскоре одобрено, хотя отцу не понравилось, что все произошло без ведома родителей невесты. Тем более что Вестфалены возражали против этого союза. Чтобы не оскорбить чувства семьи Марксов, в качестве причины называлась молодость Карла. Естественно, они хотели видеть в качестве жениха для Женни обеспеченного молодого человека из своей среды, а не студента без определенных видов на будущее.

Свадьбу пришлось отложить. Целых семь лет ждал Карл свою прекрасную Женни!

Лето 1841 года застает его в Трире. Карл думает о своем будущем. Женни, которая за это время тоже «прошла сквозь строй гегелевских и фейербаховских категорий», понимает своего бунтаря.

В июне 1843 года состоялась долгожданная свадьба Женни и Карла.

Молодожены совершили свадебное путешествие по Рейну. «Мы уехали из Крейцнаха через Эбернбург в Пфальц и возвратились через Баден-Баден обратно в Крейцнах, где и оставались до конца сентября», – вспоминает Женни.

В октябре 1843 года Женни и Маркс отчаливают от «родных берегов», покидают Германию, где для них не нашлось уголка, и уезжают в добровольное изгнание в Париж. Вскоре изгнание превратилось в вынужденное и почти пожизненное, если не считать того короткого периода, когда революция 1848 года открыла им врата Германии.

В начале мая 1844 года у Марксов родилась дочь Дженни.

Вскоре Маркс получает приказ о высылке и переезжает в Брюссель. Вслед за ним тронулась в путь и Женни с крошечной дочуркой. Для этого ей пришлось продать мебель и даже часть белья. В Брюсселе они проживут около трех лет.

Через некоторое время к Марксам приехала Елена Демут. Девятилетней девочкой она попала в дом баронессы фон Вестфален – матери Женни, которая затем передала ее дочери «как самое лучшее из всего, что могла ей дать». Елена ведала хозяйством, готовила, шила, стирала.

В Брюсселе у Марксов родилось двое детей: 26 сентября 1845 года – вторая дочь Лаура, а в феврале 1847 года – сын Эдгар. Невзирая на свой багаж с тремя «червячками» – так шуточно говорила Женни о своих малышах, – эта удивительная женщина ухитряется помогать Карлу в его работе.

В 1849 году Марксы надолго обосновались в Лондоне. Для Женни это было действительным изгнанием, со всеми его ужасами. После пребывания в меблированных комнатах

они оказались в двух крошечных комнатках в Челси. 5 ноября 1849 года родился мальчик Генрих Гвидо, или Фоксик, как его прозвали в честь заговорщика Гая Фокса.

По поводу многочисленности своей семьи Маркс писал с присущей ему иронией Фридриху Энгельсу: «Обратно пропорциональное отношение плодородия почвы к человеческой плодovitости должно было глубоко смущать такого многодетного отца семейства, как я. Тем более что мой брак более продуктивен, чем мое ремесло».

С 1850 по 1856 год Марксы живут в квартире на Дин-стрит, в плохом и бедном районе. Здесь 19 ноября 1850 года умирает Гвидо. Спустя много лет Женни писала: «Моя скорбь была так велика! Это был первый ребенок, которого я потеряла. Увы, я тогда не подозревала, что мне предстоят еще такие страдания...»

28 марта 1851 года у Женни родилась дочь Франциска, которая прожила чуть более года.

Марксам приходилось экономить буквально на всем.

Помощь Энгельса, литературные заработки несколько облегчили по сравнению с первыми страшными годами материальное положение Марксов. Но денег требовалось все больше и больше, что объяснялось прежде всего увеличением семьи и необходимостью дать образование подросшим детям, отчасти ростом дороговизны в Лондоне. Однако нередко бывало, что дети пропускали школу из-за отсутствия зимней одежды и возможности внести плату за учебу. Иногда Маркс не мог пойти в Британский музей, потому что последний сюртук был в ломбарде.

В 1855 году Марксы потеряли сына Эдгара, и эта смерть особенно сильно потрясла Женни. Эдгар, как самый младший, естественно, был любимцем и баловнем всей семьи.

Брак Женни и Карла был одним из тех редких союзов, которые выдерживают все испытания. Это был союз двух людей, удачно дополнявших друг друга. Маркс в течение всей жизни питал к своей жене не только любовь, но и влюбленность. Вот отрывок из письма, которое Маркс писал жене в Германию в 1856 году: «Моя любимая! Снова пишу тебе, потому что нахожусь в одиночестве и потому, что мне тяжело мысленно постоянно беседовать с тобой, в то время как ты ничего не знаешь об этом, не слышишь и не можешь мне ответить. Как ни плох твой портрет, он прекрасно служит мне. [...] Бесспорно, на свете много женщин, и некоторые из них прекрасны. Но где мне найти еще лицо, каждая черта, даже каждая морщинка которого пробуждали бы во мне самые сильные и прекрасные воспоминания моей жизни?»

Письма Женни к мужу также говорят о том, что и она до самой старости сохранила к нему не меньшую любовь и свежесть чувства.

После смерти матери в 1856 году, а также родственницы, жившей в Шотландии, Женни получила небольшое наследство, позволившее Марксам переехать из нездоровой части города и снять коттедж в более возвышенной части Лондона.

Самой большой радостью в жизни Женни и Маркса были дети. Им удалось создать дружную и веселую семью. Дочери – Дженни, Лаура и Элеонора – были не только большой гордостью родителей, но друзьями и любимицами всех эмигрантов, гостивших в доме Марксов. Наряду со школой девочек обучали дома языкам, рисованию, пению, музыке. Для Карла общество детей, по словам Либкнехта, было потребностью, с детьми он отдыхал и освежался.

6 июля 1857 года у Женни родился седьмой ребенок, девочка Марианна, но лишь для того, чтобы один раз вздохнуть. Она умерла тотчас же после появления на свет. Затем последовал фогтовский процесс и страшное заболевание Женни оспой, болезнь самого Маркса и домашних...

Снова наступили трудные дни. «...Постоянные денежные затруднения, мелочные заботы и подсчеты. Несмотря на все ограничения, нам никак не удавалось свести концы

с концами, и поэтому с каждым днем и каждым годом бремя долгов все возрастало...», – вспоминала Женни.

В 1861 году Маркс поехал на континент, с одной стороны, по семейным делам в Голландию, с другой – по политическим делам в Германию. Это была первая более или менее длительная его отлучка. Все домашние с нетерпением ждали возвращения Маркса.

Наступили 1870-е – последний период жизни Маркса и Женни. Их друг Энгельс смог наконец обеспечить Карлу безбедное существование для завершения теоретических работ. Маркс получил возможность ездить на курорты, лечиться, наконец, и семья его могла немного отдохнуть и зажить по-человечески.

Но уже в 1876 году Карл Маркс писал Энгельсу, что его жена тяжело больна. Позже было установлено, что у Женни рак и ей предстоит медленная мучительная смерть.

В конце июня 1881 года Маркс вывез больную Женни к морю, на курорт Истборн, где они прожили месяц. Затем, следуя горячему желанию Женни повидать внуков, супруги едут во Францию.

Заметно уставшая Женни вернулась в Лондон 19 августа. Вскоре серьезно заболел Карл. Дочь Элеонора так описывала этот период в письме к Либкнехту: «Осенью 1881 года, когда наша дорогая мамочка была уже настолько больна, что лишь изредка вставала с постели, Мавр [так звали Маркса домашние] схватил тяжелое воспаление легких... Это было ужасное время. В первой большой комнате лежала наша мамочка, в маленькой комнате, рядом, помещался Мавр. Два эти человека, так привыкшие друг к другу, так тесно сросшиеся один с другим, не могли быть вместе в одной комнате...

Мавр еще раз одолел болезнь. Никогда не забуду я то утро, когда он почувствовал себя, достаточно окрепшим, чтобы пройти в комнату мамочки. Вместе они снова помолодели, – это были любящая девушка и влюбленный юноша...».

2 декабря Женни не стало. Маркс ненадолго пережил свою подругу. После ее смерти он очень тяжело заболел. Врачи послали его в Алжир. Маркс писал Энгельсу: «...ты знаешь, что мне более чем кому-либо чужд демонстративный пафос; однако было бы ложью не признать, что мои мысли большей частью поглощены воспоминаниями о моей жене, которая неотделима от всего того, что было самого светлого в моей жизни». Энгельс был прав, сказав после смерти Женни: «Мавр тоже умер».

Со времени смерти жены Карл всегда носил с собой ее фотографию, сделанную на стекле. «Мы нашли ее, – говорит Элеонора, – в кармане его пиджака после его смерти».

Карл Маркс скончался 14 марта 1883 года.

Трагично сложилась судьба его дочерей. Мужем старшей, Дженни, стал Шарль Лонге, бывший член совета Коммуны и редактор ее официальной газеты. 38-летняя Дженни умерла в январе 1883 года, оставив пятерых детей.

Лаура вышла замуж за Поля Лафарга. 26 ноября 1911 года они покончили с собой, потому что пришла старость и ушли силы, необходимые для политической борьбы. Лафарг впрыснул цианистый калий сначала Лауре (по уговору), а затем себе.

Младшая дочь Марксов, Элеонора, посвятила свою жизнь революционной борьбе. Она покончила с собой в возрасте 42 лет в расцвете сил и творческих способностей...

Отто Бисмарк и Иоганна Путкаммер

Отто Эдуард Леопольд фон Шенхаузен Бисмарк родился 1 апреля 1815 года в замке Шенхаузен в маркграфстве Бранденбургском. Он был четвертым ребенком помещика Фердинанда фон Бисмарка, ротмистра в отставке, и его жены Вильгельмины, дочери публициста, профессора Менкена.

Детство мальчик провел в родовом поместье Книпхоф под Наугардом, в Померании. В шесть лет его отдали в частную школу Пламана. Мать Бисмарка сразу определила ему карьеру дипломата, поэтому особое внимание уделялось изучению иностранных языков.

В 1832 году Бисмарк приступил к изучению права в Геттингенском университете. Двадцать семь дуэлей, шрам на щеке, умение пить, не теряя памяти, – таковы его приобретения за время обучения в университете.

Переход в Берлинский университет ничего не изменил в его жизни. Он все-таки выдержал первый государственный экзамен на звание юриста и стал референтом окружного управления в Ахене. Но рутинная работа оказалась ему не по нраву. Бисмарк часто нарушал служебную дисциплину. Ахенские власти рекомендовали ему продолжить службу в Потсдаме.

Но и там он долго не задержался. За Потсдамом был Грайфсвальд. Бисмарк слушал лекции в сельскохозяйственном институте в Эльдене. Сменив несколько мест, весной 1839 года он занялся обустройством поместья Книпхоф. Смерть отца, последовавшая в 1845 году, заставила его задуматься о своей судьбе. Отто переехал в Шенхаузен, где устроился инспектором плотины, а также стал депутатом ландтага провинции Саксония.

В доме своих друзей Бланкенбурга он познакомился с чудесной девушкой Иоганной фон Путкаммер. Хозяин дал ей такую рекомендацию: «Она чрезвычайно умна, очень музыкальна, мила, и у нее глубокое, благочестивое сердце... Если тебе она не нужна, я возьму ее себе – второй женой».

Во время путешествия по Гарцу Отто и Иоганна быстро сближаются, и «один как будто бы бесконечно удивляется, открывая для себя другого». По возвращении он начинает читать Библию, с почтением говорит о Боге и в одном из писем Бланкенбургам сообщает относительно Иоганны, что она ему нравится, но он еще не вполне решился.

Через несколько недель он вновь встречается с Иоганной в доме Бланкенбурга. На этот раз Отто объясняется с девушкой.

В декабре 1846 года он обращается к ее отцу Генриху фон Путкаммеру с «письмом-предложением».

В письме брату Бисмарк представляет невесту как «женщину редкой души и редкого благородства убеждений». Брак с Иоганной станет для Бисмарка основой существования в самом широком смысле слова, незыблемой опорой в любой критический момент до самой смерти жены.

Благочестивый отец слышал о Бисмарке «много дурного и мало хорошего» и медлит с ответом. Нетерпеливый жених неожиданно приезжает в Рейнфельд. «Бог знает, какое направление приняли бы переговоры, если бы я, едва завидев свою невесту, не заключил ее в объятия и тем не перевел переговоры, к изумлению родителей, в другую стадию. В течение пяти минут все было решено».

Бисмарк – сама любезность. Он покоряет обитателей дома. Отто пьет с хозяином шампанское, танцует вальс с невестой, и даже ее властная мать вынуждена признать «этого бородастого еретика» (Бисмарк тогда носил бороду).

Во время разлуки Отто пишет Иоганне ободряющие письма. Он часто цитирует Библию. Отношение к браку у него лютеранское, Бисмарк убежден: муж и жена – одна душа и одна плоть, они должны вместе страдать и ничего не скрывать друг от друга.

С февраля 1847 года Бисмарк представлял остэльбское рыцарство в Объединенном ландтаге, причем назначение исходило непосредственно от короля Фридриха Вильгельма IV. В мае Бисмарк получает место в Соединенном ландтаге в Берлине.

Письма к невесте, по-прежнему сердечные, все больше приобретают характер донесений, и когда она заболевает, он хоть и молится за нее, но остается «на своем посту», обещает тоскующей Иоганне, что приедет на Троицу.

Но и на Троицу не приезжает, а только пишет: «Я не хочу, да мне и не нужно объяснять, почему я должен так поступить, когда здесь решаются судьбы нашей страны и дело подчас зависит от одного голоса... Вы, женщины, удивительны, и всегда такими останетесь, с вами лучше общаться устно, а не письменно».

Но откладывать свадьбу нельзя, замечает Бисмарк. Иоганна может преспокойно хворать, уже став замужней, иначе он будет чувствовать себя в Рейнфельде бездельником. Он уже заявляет, что политика лишает его сна и аппетита, что у него «разливается желчь от лживой, клеветнической нечестности оппозиции», но в то же время он скучает по лесу и по Иоганне.

Свадьба состоялась 28 июля 1847 года. Подруга подарила невесте платочек и вышила на нем белую розу. Молодой супруг прожег эту вышитую розу сигарой. Этим жестом он хотел заявить, что пришел конец Жан Полю и мистике девических лет.

Молодожены совершают длительное свадебное путешествие. Бисмарк пишет брату: «Так что все путешествие обошлось нам обоим приблизительно в 750 талеров, значит, за 57 дней приблизительно – 13 талеров в день... Хуже то, что в мое отсутствие я потерял из-за сибирской язвы шесть коров и одного быка, и все лучшие экземпляры».

Получив место в парламенте, Бисмарк с головой уходит в политику. Любимая жена, имение отодвигаются на второй план. Он честолюбив и жаждет действовать.

В Берлине Бисмарк с большим неудовольствием ведет жизнь холостяка. Если он подыскивает квартиру на несколько зимних месяцев, то высылает жене точные чертежи всех комнат, пишет, где должен стоять его диван, где детская кроватка, где обозначенный пунктиром тенник, и что это обойдется в треть его парламентского содержания.

Их брак отмечен сердечностью и спокойствием. Когда Иоганна родила дочь, он был «рад, что первенец – девочка, но будь это даже кошка, я бы все равно на коленях благодарил Бога за то, что Иоганна разрешилась от бремени».

На третий год его семейной жизни на свет появляется Герберт, старший сын, и все семейство собирается путешествовать. Бисмарк изливает свое неудовольствие в юмористическом послании к сестре.

Теперь он постоянно экономит, не позволяя себе никаких увлечений, кроме вина. Приезжая домой, он кажется себе школьником на каникулах. «Я веду бесконечно ленивую жизнь. Курю, читаю, гуляю, играю в отца семейства, о политике узнаю только из газет... Это идиллическое одиночество мне весьма полезно; я лежу на траве, читаю стихи, слушаю музыку и жду, пока созреют вишни».

Когда жена и дети больны или под угрозой болезни, он сразу теряет самообладание, всю свою веру вкладывает в молитву о том, чтобы все у него были здоровы и никто бы не умер.

Но даже если близкие бодры и веселы, страхи за них доводят его до истерического состояния, и если в течение нескольких дней нет письма, он тревожится так, «что ни на что не способен, как только сидеть перед камином, глядеть на угасающее пламя и воображать себе тысячи вариантов болезни, смерти, почтовых безобразий...»

В 36 лет Бисмарк становится посланником короля. Новое назначение отнимает у него много нервов и сил. Он недоволен всем, что происходит в Пруссии, но не может ничего изменить.

Иоганна любит покой в той же мере, как он – борьбу, ей недостает всего, чего у него в избытке: честолюбия, кругозора, здоровья; она часто хворает, у нее ухудшается зрение, ей прописывают ванны.

Все, к чему он стремится и чего достигает, Иоганне не по душе.

Отто Бисмарк любит делать Иоганне подарки. Причем, как истинный знаток женщин, заботится о деталях – о том, что кашемировая шаль, которую он просит своего парижского коллегу приобрести, должна быть ослепительно белого цвета; чтобы позолоченный веер посильнее шелкал, хотя сам он этого звука терпеть не может.

Но жизнь с политиком тяжела. В период конституционного конфликта страх перед покушениями лишает Иоганну покоя, Бисмарк часто описывает ее во власти бессонницы, с сердцебиением из-за расстроенных нервов, павшей духом; он отправляет ее на курорты, опасаясь при этом за нее и за себя; в сорок лет она уже подписывает свои письма к детям «ваша старая мама».

Когда дети подрастают и болеют не так часто, она целиком посвящает себя мужу. Иоганна отказывается от всего – от желаний, увлечений, даже от собственного мнения.

Однажды во время увеселительной поездки в обществе Кайзерлинга Отто спрашивает ее, хочет ли она ехать дальше или предпочитает вернуться, она ответила: «Поступай, как тебе угодно, иной воли, чем твоя, у меня нет».

С 1871 года Бисмарк – рейхсканцлер Германской империи. Его жесткая политика многим не нравится. В «железного канцлера» стреляют. Бисмарк чудом остается жив. Покушение долго занимало его мысли, пожалуй, то был единственный момент во всей его карьере, когда он всерьез взвешивал мысль об отставке: «Пусть эти ребята стреляют теперь в другого канцлера! Первого апреля мне исполнится шестьдесят, и тогда я вернусь к жизни сельского дворянина!»

Иоганна готова защищать мужа. С годами она становится все более нетерпимой к его врагам.

Бисмарку приходится слегка поучать жену. Перед отъездом на благотворительный базар он говорит ей в присутствии постороннего: «Вы не должны там оставаться дольше короля. Вам не подобает долго находиться в этой сутолоке». Зато за столом, при почетных иностранных гостях она завязывает ему галстук.

Известен следующий анекдот из семейной жизни Бисмарка. Однажды железного канцлера посетил какой-то посол. Проговорив долгое время, посол заметил, что Бисмарка, наверное, тревожат многие и подолгу, и тут же полюбопытствовал, как он освобождается от назойливых или неприятных визитеров.

– Очень просто, – ответил Бисмарк. – Как только жене покажется, что тот или другой гость меня задерживает слишком долго, она посылает за мной человека, и наша беседа кончается.

Не успел Бисмарк окончить свое объяснение, как в комнату вошел лакей и доложил, что княгиня просит к себе Бисмарка на несколько минут. Посол покраснел и тотчас удалился.

Муж по-прежнему нежен с ней, и если проводит долгие летние недели без Иоганны, то пишет ей (после сорока лет брака!): «Любимая...», «Шлю тебе этот любовный привет» или сообщает друзьям из Фридрихсру: «Без лошадей и без жены я здесь долго не выдержу. Завтра мы возвращаемся».

В Берлине ей теперь нравится больше, чем раньше, и ее подруга свидетельствует, что перед длительным пребыванием в Варцине «княгиня испытывала ужас, так как абсолютное одиночество действовало ей на нервы».

Дети проявляют вполне бисмарковский эгоизм. Дочь, которую один из друзей дома назвал «скорее странной, чем приятной», с годами становится все более нескладной.

Что касается сыновей, то оба помогали Бисмарку. Младший, Билл, был одарен, но ленив. Он заключил брак с кузиной. Старшему, Герберту, не позволяли жениться по любви. Оба изрядные кутилы и умерли рано, когда им было немногим за пятьдесят.

В марте 1890 года Отто Бисмарк уволен в отставку.

В первые месяцы отставник пытался, после сорока лет государственной службы, вернуться к роли сельского дворянина. Однако заниматься делами своих больших имений ему почему-то расхотелось.

Он обеспокоен состоянием здоровья жены. У Иоганны часто бывают приступы удушья. Лечиться на курортах она больше не хочет, не решаясь расстаться с мужем. Бисмарка охватывает желание умереть с нею вместе. Она была тихим ангелом, усмирившим и успокоившим бури, которые клочкотали в душе железного человека в годы расцвета молодости и сил.

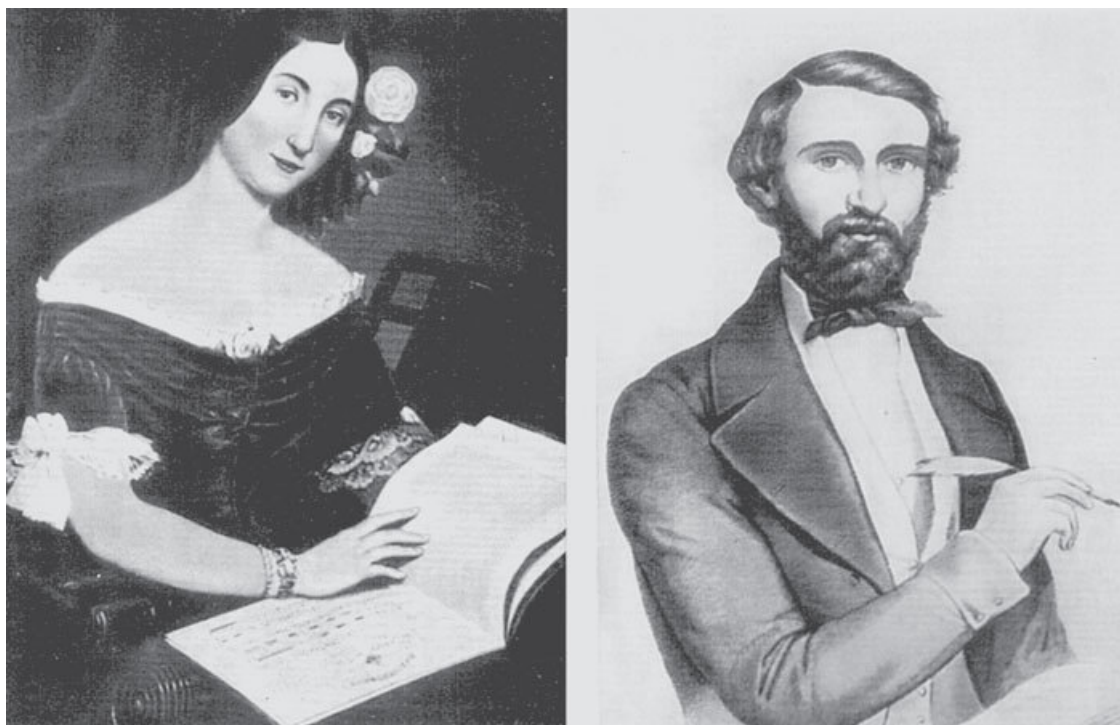
Он перевозит Иоганну в Варцин и пишет сестре: «...сегодня мы получили от бедняги Билла огорчительное известие о новом приступе подагры... Раньше я всегда бывал радостно возбужден, когда мог поехать в Варцин, нынче без Иоганны я бы навряд ли на это решился...»

17 ноября 1894 года жена его угасает в возрасте 70 лет. Бисмарк, склонившись над ней, плачет, как ребенок. В тот же вечер он сравнивает конец своей власти с концом супружества: «Это более значительный итог по сравнению с 1890 годом, и он глубже вторгается в ход моей жизни... Будь я сейчас еще на службе, я бы с головой ушел в работу. Теперь мне отказано в утешении».

«Все, что у меня оставалось, была Иоганна, – пишет Бисмарк сестре, – общение с ней, ежедневная забота о ее самочувствии, стремление делом выразить мою благодарность, с какой я оглядываюсь на минувшие сорок восемь лет. А сегодня все пусто и одиноко...»

Великий канцлер умер 30 июля 1898 года. Его смерть была, по выражению его сына Гербе, «тихой и мирной». Император Вильгельм II назвал покойного «мастером искусства управлять государством» и торжественно пообещал «то, что Он, великий канцлер, создал при императоре Вильгельме Великом, хранить и приумножать, а если понадобится, защищать любой ценой».

Джузеппе Верди и Джузеппина Стреппони

1839 год. Джузеппе Верди необходим дебют, он просто обязан заявить о себе во весь голос. Ему двадцать шесть лет, маэстро женат, но у него нет денег на собственный дом.

Джузеппе пытается заручиться рекомендациями. Он знакомится с певицей из Ла Скала. Ее зовут Джузеппина Стреппони, говорят, что она любовница Мерелли, знаменитого импресарио. Верди проигрывает ей на фортепиано свою оперу «Оберто», и певица находит, что она весьма интересна.

В июне 1840 года умирает жена маэстро Маргарита Барецци, а в сентябре проваливается его опера «Король на час» в Ла Скала. Верди переживает тяжелый кризис, пытается найти утешение в работе.

В канун рождества он показывает Стреппони оперу «Набукко» и проигрывает партию Абигайль, которую написал, думая о ней и ее голосе. Сопрано в восторге, она обещает самую горячую поддержку, обещает уговорить импресарио Мерелли, который пока полон сомнений...

Верди избегал сложных любовных отношений. И все же он не может не чувствовать, что все больше нуждается в обществе Джузеппины. Если певица находится в гастрольной поездке в Бергамо, Верди не упускает возможности съездить к ней. Если же она в Милане, он напоминает о себе записочкой или букетом цветов.

Джузеппина обладает не только привлекательной внешностью. Она умная и мягкая женщина, с чувством юмора, прекрасно образованная, великолепно говорит по-французски, много читает. Жизнь не баловала ее. У Стреппони двое детей, которых не признал отец, известный тенор. Несмотря на молодость, ее карьера певицы из-за болезни легких идет к закату. Она, видимо, влюблена в Верди. Одержимость этого человека покоряют Джузеппину. И его гений тоже.

Когда 21 марта 1844 года Джузеппе возвращается в Милан, Стреппони в письмах к общим миланским друзьям спрашивается о маэстро, интересуется его планами и приемом его опер.

Зима 1848 года. Стреппони уже два года живет в Париже, дает уроки пения и изредка выступает с концертами, в которых исполняет романсы, в основном из опер Верди. Ей недавно исполнилось тридцать, голоса у нее почти нет. Именно в Париже маэстро наконец решает, что должен связать свою жизнь с Джузеппиной.

Они снимают небольшую виллу в Пасси, парижском пригороде. Стреппони видит в своем возлюбленном яркую личность – художника и человека, – сложную, неуживчивую, полную противоречий, упрямую. Она знает также, каких низостей и глупостей можно ожидать от него. Знает, насколько он эгоистичен, упрям. Но ей важно, что он с нею, что жизнь ее проходит вместе с ним.

Возлюбленная создает домашний очаг, в котором Верди чувствует себя деспотичным хозяином. С Джузеппиной маэстро мог быть самим собой, она стала для него совершенно необходимой. Но о браке речи не идет. После потери жены слово «семья» внушает Верди страх.

Они живут очень уединенно. Маэстро не любит бывать в светских салонах. Из Парижа Верди поддерживает тесные связи с итальянскими импресарио, либреттистами и издателями, а также руководит работами по благоустройству поместья Сант-Агаты в окрестностях итальянского города Буссето. Он пишет множество писем, неустанно ищет новые темы, новые характеры, новые сюжеты для своих произведений.

Дом в Пасси красив, обставлен со вкусом, в прекрасном саду множество цветущих роз и азалий. Джузеппина поддерживает идеальный порядок, давая точные указания садовнику. Другая ее забота – усовершенствовать французский язык Верди, которого она называет то Волшебником, то Медведем.

В конце июля 1849 года Верди и Стреппони прощаются с Парижем, домом в Пасси и направляются в Италию. Верди едет прямо в Буссето и располагается в собственном палаццо Дордони. Это его родные места.

Джузеппина прекрасно понимает, что ждет ее в Буссето. Враждебность крестьян Верди в глубине души беспокоит ее. Но она не делает из этого трагедии. С приездом Джузеппины дверь особняка Дордони будет открываться крайне редко. Верди всеми силами стремится избежать пересудов, сплетен. Вместе с Джузеппиной он ведет крайне замкнутую жизнь. Маэстро работает над «Луизой Миллер», которую начал писать еще в Париже.

Написав немало страниц, он зовет Джузеппину, садится за фортепиано и играет ей музыку, которую сочинил. Он прислушивается к ее советам, потому что знает, что у его подруги тонкий слух и врожденное чутье. Они не тратят на обсуждение лишних слов, говорят только по существу. В «Луизе Миллер» появляется какая-то особая, тонкая выразительность, неожиданная для композитора, который до сих пор писал броско, довольствуясь блестящей мишурой...

Когда Стреппони по воскресеньям появляется в церкви, дамы Буссето сторонятся ее, демонстративно опуская глаза, чтобы не смотреть в лицо содержанке. И в тех редких случаях, когда Джузеппина одна проходит по площади Буссето, никто не здоровается с ней.

Верди раздражен всей этой провинциальной возней. В начале 1850 года он вместе с Джузеппиной уединяется в поместье Сант-Агата, где возводит между собой и остальным миром высокую каменную ограду, защищенную к тому же деревьями.

Кипучая композиторская деятельность вынуждала Верди разъезжать по Европе, но Сант-Агата будет его любимой резиденцией до конца жизни. Лишь зимние месяцы супруги предпочитали проводить либо в Милане, либо в Генуе.

Верди и Стреппони часто бывали в Париже. Однажды они попали на спектакль по пьесе Дюма «Дама с камелиями». Увиденное потрясло обоих. И маэстро решает написать «Травиату». Эта опера будет совершенной песней любви – огромной, побеждающей унижения, измену и саму смерть.

В 1859 году Верди решает наконец заключить с ней брак. Он опасается, что в случае смерти его собственность перейдет к родственникам, а не к верной подруге. Джузеппина же хотела, чтобы брак узаконил их чувства. Важное событие должно было произойти в местечке Коллонж-су-Салев, в Верхней Савойе, в конце апреля. Но 23 апреля Австрия предъявляет ультиматум Пьемонту и через несколько дней объявляет войну. Свадьбу приходится отложить. Стреппони пишет Чезарино Де Санктису: «...Мы здоровы, страха не испытываем, но обеспокоены серьезными событиями, которые происходят тут...»

В августе 1859 года муниципалитет Буссето выбирает Верди своим представителем на ассамблею пармских провинций, которая должна провести плебисцит по вопросу присоединения Пармского герцогства к Пьемонту. В конце месяца Стреппони и Верди тайно отправляются в Коллонж-су-Салев, и 29 августа проходит их бракосочетание, причем в качестве свидетелей присутствуют звонарь и кучер. Никакого празднества, никакого свадебного путешествия.

Через несколько счастливых лет Джузеппе Верди вдруг почувствовал, что навсегда уходит какая-то часть жизни, и он недоволен тем, что его ждет впереди. Маэстро страдает от возникшего ощущения, что больше не влюблен в свою жену.

В последние месяцы 1867 года Джузеппе обретает некоторое душевное спокойствие. Вместе с Пеппиной, знаменитым дирижером Мариани и его подругой, богемской певицей Терезой Штольц он снова в Париже. Друзья проводят две очень памятные для них недели – бывают всюду, где только можно послушать хорошую музыку, ходят в театры, музеи, церкви, много гуляют по городу. Всем сразу же становится ясно, что именно Штольц, певица из Богемии с «белоснежной грудью», покорила Верди. Тереза намного моложе его. Он очарован ее сильной личностью, ее характером – она, похоже, нисколько не боится ни вспышек гнева Медведя, перепадов его настроения.

Джузеппина страдает безгранично. Оплакивает в душе то счастливое время, когда Верди не любил других женщин и принадлежал только ей. Теперь он совсем отдалился от нее, держится еще более властно и совершенно отчужденно.

Супруги переживают тяжелый кризис. Джузеппина занимает позицию отвергнутой, забытой женщины, но продолжает окружать Верди вниманием, заботой и любовью.

Джузеппина страдает от ревности и говорит, что не хочет, чтобы с нею обращались как с надоевшей мебелью. А Верди? В глубине души он признает справедливость доводов жены. Но весьма далек от мысли расстаться со Штольц. Эта женщина, исполненная жизненной энергии, необходима ему. Верди возвращается в Геную, где живет Пеппина. О чем говорят они – неизвестно. Однако Джузеппе, видимо, не очень удручен, поскольку находит время написать подробнейшее письмо Рикорди по поводу постановки «Силы судьбы».

В новой редакции опера «Сила судьбы» идет на сцене Ла Скала 27 февраля 1869 года. Субботний вечер, дождь. Театр переполнен. Спектакль имеет успех. Исполнителей вызывают бесконечно – Штольц, Тиберини, Венса, дирижера маэстро Туриани. Вместе с Верди на премьере присутствует Джузеппина. Она молча сидит весь вечер в глубине ложи, стараясь, чтобы ее не узнали.

Стреппони еще не знала, что так будет продолжаться несколько долгих лет... Это Терезе маэстро подарит партию Лиды, пригласит на первое исполнение «Реквиема», будет трепетно ждать ее из гастрольных поездок, не особенно заботясь о чувствах жены. Настанут даже такие дни, когда Штольц будет чувствовать себя в их доме хозяйкой больше, чем Джузеппина.

Наконец горькие годы позади. Штольц – в Милане, а Верди – рядом с верной Пеппиной. Прекрасные аккорды сообщают о благополучном рождении мелодий новой оперы – о ревнивом и доверчивом мавре. Они вновь остались вдвоем. Теперь маэстро замечает, как была полезна ему Пеппина, какого драгоценного и незаменимого спутника нашел он в ней...

Начало 1897 года проходит спокойно. Все нормально, без каких-либо изменений. То нездоровится ему, то болеет Пеппина. У него очень плохое настроение, он чувствует себя совсем слабым и усталым: «Зрение ослабело, не вижу, как прежде. И слышу плохо. И ноги перестали держать. Поэтому не читаю, не играю, не пишу и скучаю. Увы! Так и должно быть!»

Здоровье жены беспокоит его все больше. Осенью ей становится совсем плохо. Верди подбадривает ее, ухаживает за ней. Пеппина растрогана, видя, что ее Медведь так ласков с нею.

14 ноября 1897 года наступает кризис. Пеппина при смерти, жить ей осталось считанные часы. Она дышит все тяжелее, то и дело обращает взгляд к Верди и видит, как он убит, измучен, растерян и беспомощен. В четыре часа дня Джузеппина Стреппони вздыхает последний раз, голова ее падает на подушку, и она тихо умирает. Верди окаменел от горя, а потом заплакал, громко, навзрыд, содрогаясь.

Теперь за ним ухаживает Мария Верди-Каррара, приемная дочь, которую маэстро и Джузеппина взяли на воспитание тридцать лет назад.

Великий композитор умер 27 января 1901 года.

Лев Толстой и Софья Берс

«Все счастливые семьи похожи друг на друга, каждая несчастная семья несчастлива по-своему» – так начинается свой знаменитый роман «Анна Каренина» Лев Николаевич Толстой.

Писатель родился в 1828 году в Ясной Поляне Тульской губернии. Богатый и знатный род Толстых, к которому он принадлежал, уже во времена Петра Великого занимал видное положение. Леву не было и трех лет, когда умерла его мать. А в июне 1837 года скоропостижно скончался и отец – отставной подполковник Николай Ильич Толстой. Лева воспитывался сестрой отца П. И. Юшковой. В дальнейшем были – учеба в Казанском университете, воинские подвиги в Севастопольской кампании, попытки стать светским львом, кутежи, цыгане, карты и мучительные размышления о своем предназначении, которые доверялись пока только личному дневнику.

В 1856 году Лев Толстой вышел в отставку. Молодой писатель скоро становится литературной знаменитостью. Не меньших успехов он добивается на любовном фронте, завоевывая сердца светских красавиц, милых мещаночек, пышнотелых крестьянок...

Наконец 34-летний граф Толстой решает жениться. Его избранница – Софья Берс, дочь доктора Андрея Евстафиевича. 23 августа 1862 года писатель отмечает в своем дневнике: «Ночевал у Берсов. Ребенок! Похоже! А путаница большая. О, коли бы выбраться на ясное и честное кресло!.. Я боюсь себя; что, ежели и это желание любви, а нелюбовь? я стараюсь глядеть только на ее слабые стороны и все-таки оно. Ребенок! Похоже!»

Софья Берс родилась 22 августа 1844 года. Ее мать, Любовь Александровна Иславина, была внебрачной дочерью княгини Козловской и помещика Александра Ислентьева. Она носила по незаконнорожденности вымышленную фамилию и была приписана к купеческому сословию. Любовь Александровна с детства дружила с Толстыми – Марией Николаевной и ее братом Львом Николаевичем. Еще до поездки на Кавказ Толстой часто бывал в гостях у славного семейства Берсов. Он любил возиться с Любочкиными дочками – Лизой, Соней и Танечкой. Сонечка помнила, как они все пели хором под аккомпанемент Льва Николаевича, как ставили вместе оперу. Но потом граф уехал на Кавказ.

Софья Берс получила хорошее воспитание и в семнадцать лет с успехом выдержала экзамен на звание домашней учительницы в Московском университете. Она знала историю русской литературы, писала прозу и стихи, интересовалась философией, увлекалась музыкой. «Я должен сказать, что при всем сходстве ее с сотнями женщин, в особенности с женщинами аристократических кругов с их хорошими и дурными качествами, она во многих отношениях была крупным, выдающимся человеком...»

Однажды она позволила Толстому прочесть написанную ею повесть о любви, в которой фигурировали два героя – молодой «обольстительный Смирнов» и средних лет, непривлекательной наружности Дублицкий. Мнительный Толстой решил, что Дублицкий списан с него, и невыносимо страдал. Чувства все разгорались: «Я влюблен, как не верил, чтобы можно любить... Она прелестна во всех отношениях, а я – отвратительный Дублицкий... Теперь уже я не могу остановиться. Дублицкий – пускай, но я прекрасен любовью...»

Соня любила рукодельничать, охотно помогала по хозяйству.

Толстой 16 сентября делает предложение Софье: «Я бы помер со смеху, если б месяц тому назад мне сказали, что можно мучаться, как я мучаюсь, и счастливо мучаюсь это время. Скажите, как честный человек, хотите ли вы быть моей женой? Только ежели от всей души, смело вы можете сказать: да, а то лучше скажите: нет, ежели в вас есть тень сомнения в себе. Ради Бога, спросите себя хорошо». Софья Берс согласна.

Лев Николаевич считал, что секретов от невесты у него быть не должно, поэтому еще до свадьбы показал Соне свои дневники. В них было все: карточные долги, пьяные гулянки, цыганка, с которой намеревался жить вместе, девки, к которым ездил с друзьями, яснополянская крестьянка Аксинья, с которой проводил летние ночи, и, наконец, барышня Валерия Арсеньева, на которой три года назад чуть было не женился.

Сразу после свадьбы молодые уехали в Ясную Поляну. Конечно, юной Софье Толстой не мог не льстить графский титул. Она еще долго будет обращаться к мужу на «вы». Не следует забывать, что граф был всего на два года моложе собственной тещи, они вместе играли в детстве.

Первая брачная ночь заставила Соню беспокоиться: «У него играет большую роль физическая сторона любви. Это ужасно – у меня никакой, напротив». Толстой, конечно, тоже почувствовал что-то неладное: «Ночь, тяжелый сон. Не она». Так что первые ссоры произошли уже во время медового месяца. Примирение было быстрым и страстным.

«Люблю его ужасно – и это чувство только мной и владеет, всю меня обхватило... – радуется Софья Андреевна. – Все больше его узнаю, и все он мне милее. С каждым днем думаю, что так я еще его никогда не любила. И все больше. Ничего, кроме его и его интересов, для меня не существует».

В свою очередь Толстой записывает в дневнике: «Неимоверное счастье. Не может быть, чтобы это кончилось жизнью... Я люблю ее еще больше. Она прелесть».

Боясь спугнуть свое счастье, они, стоя рядом на коленях, молили Бога продлить их блаженство.

Приятель графа И. П. Борисов в 1862 году пророчески замечает: «Она – прелесть хороша собою вся. Здраво умна, проста и нехитроумна – в ней должно быть и много характера, т. е. воля ее у нее в команде. Он в нее влюблен до Сириусов».

В Ясной Поляне Софья сразу взялась за хозяйство. Граф же начал «Войну и мир», и его жене приходилось каждый вечер переписывать начисто то, что он сочинил утром. Как пишет один из современников, «по семи раз она переписывала без конца им переделываемые, дополняемые и исправляемые произведения...».

С появлением детей в семье началась другая жизнь. Первый ребенок родился в муках. Толстой находился рядом – вытирал жене лоб, целовал руки. Недоношенного, слабенького мальчика назвали Сергеем. «Сергулевич», – шутил Лев Николаевич. Вслед за Сергеем родилась Татьяна, потом появились на свет Илья, Лев, Мария, Андрей, Михаил, Александра, Иван. Еще четверо умерли в младенчестве.

Софья Андреевна ведет хозяйство безупречно: всех обшивает, сама издает сочинения мужа, принимает подписку, судится с мужиками, которые рубят барский лес. Бунин с нескрываемой симпатией пишет о жене писателя: «Софья Андреевна нравилась мне своей высокой, видной фигурой, черными, гладко зачесанными блестящими волосами, подвижным привлекательным лицом, выразительным крупным ртом, улыбкой и даже манерой приглядываться, щурить большие черные глаза. Настоящая женщина-мать, хлопотливая, задорная, постоянно защищающая свои семейные интересы, наседка!».

Толстой же не был создан для тихого семейного счастья. Как-то на вопрос жены, зачем он женился, граф с горячностью ответил: «Глуп был, думал тогда иначе... В браке люди сходятся только затем, чтобы друг другу мешать. Сходятся два чужих человека и на весь свой век остаются друг другу чужими. Говорят: муж и жена – параллельные линии. Вздор, это пересекающиеся – линии; как только пересеклись, так и пошли в разные стороны».

К моменту переезда в Москву в 1881 году в семье Толстых было семеро детей. Лев Николаевич стал самым знаменитым писателем России.

Толстой все дальше уходит от мелочной суеты быта; он мечтает о ревизии основ христианских догм, о создании новой религии, «соответствующей развитию человечества, религии Христа, но очищенной от веры и таинственности, религии практической, не обещающей блаженства на небе, но дающей блаженства на земле». Настроение Льва Николаевича улучшалось, когда он уходил на Девичье поле и работал вместе с мужиками: «...Бессмысленно связывать свое счастье с материальными условиями – жена, дети, здоровье, богатство».

Софья Андреевна не разделяла новых идей мужа, его стремлений отказаться от собственности, жить своим, преимущественно физическим трудом.

В мае 1884 года великий писатель говорил о своем одиночестве в семье: «Страдаю я ужасно... Они не видят и не знают моих страданий». 17 июня после тяжелого разговора с беременной женой он ушел по направлению к Туле, но, к счастью, возвратился с половины дороги. На следующий день у Толстых родилась младшая дочь Александра...

«До сих пор вижу, как он удаляется по березовой аллее, – вспоминала дочь Татьяна. – И вижу мать, сидящую под деревьями у дома. Ее лицо искажено страданием. Широко раскрытыми глазами, мрачным, безжизненным взглядом смотрит она перед собою. Она должна была родить и уже чувствовала первые схватки. Было за полночь. Мой брат Илья пришел и бережно отвел ее до постели в ее комнату. К утру родилась сестра Александра».

Это был первый уход Толстого. Тогда он вернулся, но не вернулись прежние отношения. Даже в переписке рукописей – то, чем Софья Андреевна самозабвенно занималась всю жизнь, – ей отказывают. «Теперь он дает все дочерям и от меня тщательно скрывает. Он убивает меня систематично и выживает из своей личной жизни, и это невыносимо больно. Бывает так, что в этой безучастной жизни на меня находит бешеное отчаяние. Мне хочется убить себя, бежать куда-нибудь, полюбить кого-нибудь».

В женщине Лев Николаевич в первую очередь хотел видеть мать и только потом жену. Он считал, что брак без детей – абсолютный грех, и в 1888 году, когда графу было уже шестьдесят, а Софье Андреевне сорок четыре, во время пребывания в Москве у них родился последний сын Иван. Роды были очень трудные. «Два часа эти я неистово кричала почти бессознательно, – писала Толстая сестре».

Лев Николаевич был рад рождению сына, но с женой оставался недолго. Через две с половиной недели он отправился в Ясную Поляну. «Он опять закусил удила: не ест мяса, не курит два месяца, не пьет вина, все дремлет и очень постарел». В поместье Толстой пашет землю, тачает сапоги, изрекает вечные истины в кругу своих приверженцев, приезжавших в поместье со всей России. Софья Андреевна ненавидела окружение мужа: «Такие умственные силы пропадают в пиление дров, в ставлении самоваров и в шитье сапог!»

23 февраля 1895 года умирает всеобщий любимец шестилетний Ванечка. Родители безутешны. Лев Николаевич плакал. Софья Андреевна говорить не могла, только еще крепче сжимала руку мужа.

Графиню в то время буквально спасла музыка – и особенно музыка Сергея Ивановича Танеева. Отношения Толстой и Танеева были чисто платоническими, но духовная измена жены доставляла Льву Николаевичу огромные страдания. Он говорил и писал ей об этом неоднократно, но она только обижалась: «Я – честная женщина!» И продолжала принимать Танеева или ездила к нему сама.

Толстой часто и подолгу хворал. В его окружении всегда находились домашние врачи, а когда он заболел, то покорно соглашался на консилиумы именитых медицинских светил.

В начале сентября 1901 года семья Толстых поселилась в Крыму на даче графини Паниной, так как доктора рекомендовали 73-летнему графу поменять климат из-за серьезного заболевания, перенесенного летом. На этот раз все обошлось. Лев Николаевич пошел на поправку.

Когда после десятимесячного пребывания в Крыму Толстые возвратились в Ясную Поляну, Софья Андреевна с облегчением записала в своем дневнике: «Благодарю Бога, что привелось привезти Льва Николаевича еще раз домой! Дай Бог больше никуда не уезжать!»

С ранней молодости Толстого преследовал безумный страх смерти, хотя он пытался убедить себя: «Смерть есть перенесение себя из жизни мирской (то есть временной) в жизнь вечную...» К смерти других людей Толстой относился значительно спокойнее. Когда опасно заболевшей Софье Андреевне врачи предложили операцию, он высказал особое мнение: «Я смотрю пессимистически на здоровье жены: она страдает серьезной болезнью. Приблизилась великая и торжественная минута смерти, которая на меня действует умиротворяюще. И надо подчиниться воле Божией. Я против вмешательства, которое нарушает величие и торжественность акта. Все мы должны умереть не сегодня, завтра, через пять лет. И я устраняюсь: я ни «за», ни «против».

Операция прошла успешно.

23 сентября 1910 года, на годовщину свадьбы Льва Николаевича и Софьи Андреевны, в Ясной Поляне собралась вся семья. В последний раз.

В начале октября у Толстого участились обмороки, сопровождавшиеся сильнейшими конвульсиями. Припадки повторялись по несколько раз за вечер. В конце месяца, собравшись с последними силами, граф тайно уехал из Ясной Поляны: «Не думай, что я уехал

потому, что не люблю тебя. Я люблю тебя и жалею от всей души, но не могу поступить иначе, чем поступаю... И дело не в исполнении каких-нибудь моих желаний и требований, а только в твоей уравновешенности, спокойном, разумном отношении к жизни. А пока этого нет, для меня жизнь с тобой невыносима... Прощай, милая Соня, помогай тебе Бог».

В ночь на 28 октября (10 ноября) он ушел. В дороге Льву Николаевичу стало хуже. На станции Астапово его положили в домике начальника станции.

В Ясной Поляне все в растерянности, и лишь «моя мать, – писала дочь Татьяна, – с лихорадочной поспешностью обо всем подумала, обо всем позаботилась. Она везла с собою все, что могло понадобиться отцу, она ничего не забыла».

Вместе с Софьей Андреевной на станцию приехали дочь Таня и сыновья Андрей и Михаил. Графиню до последних минут не пускали к мужу. В последнюю ночь, когда началась агония, ей разрешили войти в комнату, где он умирал. Софья Андреевна постояла, издали глядя на мужа, потом тихо подошла, поцеловала в лоб. Опустилась на колени и едва слышно произнесла: «Прости меня».

Он умер в 6 часов утра 7 ноября 1910 года на восемьдесят третьем году жизни. Софья Андреевна была глубоко несчастна: «Невыносимая тоска, угрызения совести, слабость, жалость до страданий к покойному мужу... Жить не могу».

Она осталась жить в Ясной Поляне. «И пусть люди снисходительно отнесутся к той, которой, может быть, непосильно было с юных лет нести на слабых плечах высокое назначение быть женой гения и великого человека», – напишет она в 1913 году в предисловии книги «Письма графа Л. Н. Толстого к жене».

Софья Андреевна тихо умерла, так же как и муж, от пневмонии 4 ноября 1919 года. Ее желание было: «Похороните меня по-христиански».

Эдвард Григ и Нина Хагеруп

На закате жизни, размышляя о природе своего дарования, великий норвежский композитор Эдвард Григ писал: «Не думаю, чтобы к сочинению песен у меня было больше таланта, чем к другим жанрам музыки. Как же случилось, что именно песням принадлежит такая важная роль в моем творчестве? Да просто потому, что я, как и все другие смертные, один раз в жизни был гениальным. Моим гением была любовь. Я полюбил молодую девушку с изумительным голосом и столь же изумительным исполнительским талантом. Она стала моей женой и... единственной настоящей исполнительницей моих песен...»

Вдохновительницей молодого Эдварда была его двоюродная сестра по линии матери Нина Хагеруп. Уроженка норвежского Бергена, она с восьмилетнего возраста жила в Копенгагене, где ее мать, выдающаяся артистка, играла в драматическом театре.

В мае 1863 года в Копенгаген приезжает и Григ – продолжать учебу у великого Нильса Гаде. Здесь он познакомился с такими знаменитостями, как Рикард Нурдрок и Ганс Христиан Андерсен. Здесь Эдвард впервые увидел свою кузину.

Григ рассказывал, что знакомство с Ниной побудило его к созданию целого ряда песен. Первыми родились на свет шесть романсов на немецкие тексты, все они были посвящены кузине.

В декабре были готовы «Мелодии сердца» – четыре песни на стихи Андерсена, и трудно представить более прекрасный подарок к обручению. На Рождество Нина и Эдвард «сыграли си-бемоль-мажорную («Весеннюю») симфонию Шумана в четыре руки, после чего Григ сделал кузине предложение, и она тут же приняла его!

Однако помолвка оставалась пока тайной. Родители и с той, и с другой стороны были настроены против этого союза. Г. Шельдеруп в 1903 году упоминает реакцию матери Нины,

жаловавшейся своей подруге: «Он – ничто, ничего не имеет и пишет музыку, которую никто не желает слушать».

27 мая Йун Григ утешил брата тем, что родители «под давлением наличествующих обстоятельств» наверняка дадут «свое согласие на их обнародование», а в июле информировал Эдварда о том, что, наконец, можно объявить о помолвке.

Финансовое положение Грига было достаточно прочным. Единственное, что его огорчает – размолвка с родителями. Отношение к Нине не стало намного лучше и после ее пребывания у Григов в Бергене.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.